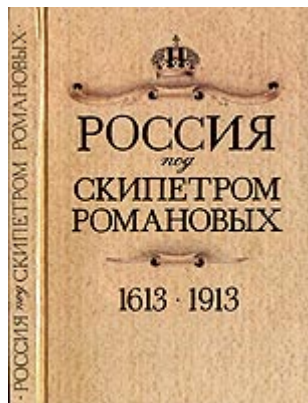

Россия под скипетром Романовых 1613 – 1913

Этой книга впервые была издана в Санкт-Петербурге в 1912 году к юбилею дома Романовых. Книга охватывает трёхсотлетнюю историю русской монархии. Текст дан в современной орфографии, но с сохранением стиля оригинала. Иллюстрации - гравюры XVI-XIX веков, редкие фотографии начала XX века - подобраны издателем.

Смутное время

Прекрытие дома Рюриковичей

18 марта 1584 года московские колокола своим печальным перезвоном возвестили жителям столицы о кончине царя Ивана Васильевича Грозного.

При этой вести народ забыл все великие жестокости Грозного царя, забыл всю ненавистную его опричнину, а вспоминал только такие великие дела его царствования, как взятие Казани, завоевание Астрахани и Сибири, издание Царского Судебника и построение в Москве великого храма Василия Блаженного. Русские люди искренно молились об упокоении грозного, но вместе и великого по своим деяниям государя.

После царя Иоанна остались два его сына: Федор, бывший сыном всеми любимой, кроткой Анастасии Романовны, первой супруги Грозного, и малолетний царевич Димитрий, которому отец незадолго до смерти назначил в удел город Углич. Царь уже давно чувствовал приближение смерти и сделал все распоряжения, поэтому старший сын его Федор спокойно, без всяких волнений и смут, как говорил летописец, «воцарися и седе на превысочайший престол Богом хранимого Российского Царствия».

Все в государстве, однако, сознавали, что новый царь не будет в состоянии справиться с государственными делами. Постник и молчальник, он больше походил на смиренного инока, чем на царя. Это хорошо видел уже и его отец, который постарался окружить сына верными и опытными в делах государственных людьми. В первые дни около нового царя мы видим пятерых бояр, которые, составляя как бы постоянный совет при нем, ведают всеми делами правления.

Среди этих пятерых лиц по своим душевным качествам и по своему влиянию на московское население выдается боярин Никита Романович Юрьев-Захарьин, дядя царя, брат его матери Анастасии. Он был во все царствование Грозного вблизи государя, пользовался его неизменным доверием; однако не только не запятнал себя ни малейшим участием в его жестокостях, но даже прославился как постоянный ходатай перед ним за опальных; не раз добрая рука Никиты Романовича вырывала их из цепких когтей Малюты Скуратова.

Сотни три лет прошло с тех пор, как скончался этот замечательный человек, но и сейчас еще на далеком нашем севере живет предание о том, как Никита спас от гнева Грозного его собственного сына ... Понятно, почему именно он, как царский дядя и как самый светлый человек среди московского боярства, занял первое место у трона молодого государя.

Пока был жив Никита Романович, он своим добрым советом и влиянием сдерживал ненависть среди бояр. Но вот через год старика Захарьина не стало, и вражда среди бояр проявилась сильно и резко. Шурин государя Борис Федорович Годунов стал принимать все меры, чтобы устранить опасных соперников и одному править государством. После смерти Захарьина опала постигла знатнейших бояр, среди них князей Мстиславского и Шуйских: они были разосланы по дальним тюрьмам и монастырям. Борис в это время еще дружен был с молодыми Романовыми (так стали называться сыновья Никиты по имени своего деда). Говорят, что старик, умирая, взял с Годунова клятву в том, что он будет заботиться о его сыновьях, и Годунов пока исполнял свое обещание. Тем временем власть его в государстве все более увеличивается: он получает титул «правителя», «дворового воеводы» и «наместника царств Казанскаго и Астраханскаго». Не только русские, но и иностранцы, посещающие Москву, замечают, что он, а не Федор, правит царством. И нельзя сказать, чтобы это правление было плохо: царский шурин, человек умный и опытный, старался успокоить государство после тех потрясений, какие оно испытало при Грозном, и имел в этом добром деле успех.

Так смиренно и спокойно протекала жизнь государства, как вдруг в 1591 году она была нарушена страшным событием: семилетний царевич Димитрий 15 мая был зарезан в Угличе. Жители Углича в тот же день умертвили приставленных к нему Борисом Битяговского, Качалова и их товарищей, которых считали виновниками ужасного злодеяния. Через четыре дня из Москвы приехали лица, посланные расследовать все дело: это были митрополит Крутицкий Геласий, князь Василий Шуйский, недавно перед тем возвращенный Годуновым из ссылки и с ним породнившийся, и окольный Клешнин, всем обязанный Борису. Эти следователи вели дело бестолково, а может быть, и недобросовестно и, вернувшись в Москву, донесли царю и боярской думе, что царевич вовсе не был убит, а сам в припадке падучей натолкнулся на нож. Боярская дума этим странным объяснением осталась довольна, а угличан за самоуправство и за убийство якобы невинных людей сурово наказала. Однако народ не мог поверить наивному объяснению московских следователей и говорил, что царевич убит; а многие прибавляли, что он убит по наущению Годунова.

Это страшное дело в Угличе и до наших дней осталось нераскрытым окончательно. Есть некоторые основания считать Годунова виновным в гибели царевича, но доказать его виновность невозможно.

Как бы то ни было, но ближайшего наследника царского престола в 1591 году не стало.

Прошло семь лет: наступил 1598 год. Уже осенью царь также занемог, а в самый крещенский сочельник, к вечеру «последний царственный цвет Русской земли отошел от очей всех», — писал летописец. Овдовевшая царица Ирина удалилась в монастырь и там постриглась. С Федором прекратился царский род Рюриковичей, правивший Русью более 700 лет. Русским людям предстояло теперь избрать нового царя, а с ним возвести на престол и новый царствующий дом.

Борис Годунов и первый Самозванец

После смерти Федора в Москве упорно говорили, что почивший царь и перед смертью своей завещал царство старшему из Романовых — Федору Никитичу. Мысль народа, очевидно, обращена была к Романовым, которые принадлежали к числу самых знатных старомосковских боярских родов и издавна пользовались всеобщей любовью за свою справедливость и заботу о народном благе. Их испытанная верность и близкое родство с царями Рюрикова дома были хорошо всем известны: Федор Никитич приходился двоюродным братом умершему царю. Все это делало избрание его на Московский престол вероятным. Однако царем был избран на земском соборе Борис Годунов. За него стояли патриарх Иов и многие служилые люди.

Земский собор, избравший на царство Годунова, был составлен не из особых выборных от различных сословий Русского государства, а из тех лиц, которые стояли тогда во главе этих сословий по выборам или по назначению. А так как правителем уже более десяти лет был Годунов, то понятно, что на собор явились люди, многим ему обязанные. Таким образом, собор 1598 года не был похож на последующие земские соборы, на которые собирались люди, выбранные для участия в них самим населением.

После торжественного царского венчания Борис объявил, что он все сделает для своего народа, что он готов будет последней рубашкой своей поделиться с подданным. И действительно, первые два года Борис был хорошим царем, и живший во времена Бориса келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын говорит, что «ради всенародных строений своих Борис всем любезен бысть».

Дальнейшее царствование Годунова было для России ознаменовано великими бедствиями: страшный неурожай вызвал повсеместный голод. В одной Москве за два года погибло 120 000 человек. Царь всеми силами боролся с бедствием, велел, наконец, раздавать в Москве хлеб даром; но эта мера имела очень печальные последствия: в Москву пришло великое множество тунеядцев, которые не желали работать, благо кормиться в столице можно было даром. Вследствие страшного голода появилось в государстве множество разбойников, от которых страдали мирные жители под самой Москвой.

Народ ищет виновников всех бедствий и, наконец, находит в лице самого царя Бориса: уже в 1601 году глухо начинают поговаривать о том, что гнев Божий карает народ русский за то, что он терпит на престоле царя-детоубийцу. Борис узнает об этих слухах, и светлый ум его затемняется мрачной злобой: он ищет своих врагов, поощряет всякие наветы. Жизнь вследствие их в Москве становится нестерпимой. Поссорятся два приятеля, и один в злобе на другого донесет, что тот злоумышляет против царя, и этого довольно: несчастного хватают, пытаются, иногда казнят. Холопы и слуги, недовольные чем-нибудь на господ, бегут и клеветают на них. По доносу собственного холопа была погублена Годуновым семья Романовых. Борис поверил словам дворового человека одного из братьев Романовых. Он хорошо помнил, что старший из братьев, Федор, был его соперником при избрании на царство, и решил избавиться от опасной для него семьи. Братья Романовы подверглись жестокому заключению, а старший из них, Федор, был насильно пострижен в монахи под именем Филарета: этим хотели отнять у него навсегда возможность занять престол. Монашество заставили принять и его жену Ксению Ивановну с именем Марфы. Пятилетний сын их Михаил был разлучен с родителями и вместе с теткой Анастасией Никитишной был сослан на Белоозеро. Особенно тяжелое заключение испытал Михаил Никитич Романов: он содержался в земляной тюрьме-яме в селе Ныробе (ныне Пермской губернии, Чердынского уезда). До сих пор там сохраняются тяжелые железные кандалы, в которых был закован несчастный боярин. Из пяти братьев Романовых только инок Филарет да Иван Никитич вынесли тяжелое заключение и остались живы.

Годунов, расправившись с Романовыми и со всеми их родными — Черкасскими, Шереметевыми и другими, был уверен в своей безопасности. Но беда пришла для него с той стороны, с которой он ее совсем не ожидал. Уже в начале царствования Бориса начинает распространяться слух о том, что царевич Димитрий не погиб, а спасся и где-то живет, скрываясь до времени. Наконец, в 1603 году появился человек в польских владениях, который выдавал себя за несчастного царевича. Человек этот служил у князя Адама Вишневецкого и, находясь будто бы в тяжелой болезни, открыл на исповеди священнику, что он сын царя Иоанна. Когда он выздоровел, то Вишневецкий вместе с родственником своим воеводой Сендомирским, Юрием Мнишеком отвезли незнакомца в Краков. Польский сенат, боясь войны с сильной Москвой, советовал королю быть осторожным в отношении к человеку, выдававшему себя за царевича. Не так смотрел на дело король Сигизмунд. Он также, конечно, был уверен, что незнакомец, находившийся перед ним, — самозванец; но считал полезным поддержать этого самозванца, чтобы ослабить внутренними раздорами ненавистную ему Москву, а в случае его успеха иметь в нем союзника и пособника для войны со Швецией, когда-то ему принадлежавшей, и для распространения римско-католической веры в Русском царстве. Самозванец уже в Кракове тайно принял эту веру.

Кто же был этот человек, дерзнувший присвоить себе имя царевича Димитрия? Совершенно точно на этот вопрос ответить невозможно. Одно несомненно, что Самозванец был не поляк и не русский из Западной России. Все обнаруживало в нем человека из Московской Руси.

Царь Борис, узнав о появлении за рубежом Самозванца, велел объявить, что это не кто иной, как бежавший из московского Чудова монастыря чернец Гришка Отрепьев. Весьма возможно, что Годунов был прав; но царскому объявлению в Москве плохо верили: ненавидя Бориса, многие желали, чтобы царевич был жив, а потому и легко поверили тому, что он живет в Польше и скоро явится добывать свой прародительский престол.

В то время как Самозванца торжественно проклинали во всех церквях, он за московским рубежом набирал себе товарищей: на его призыв откликнулись многие польские шляхтичи (дворяне), которые хотели поживиться впоследствии русской казной, и казаки, которые рады были всякой войне. Однако под знамена самозванного царевича собралось всего тысяч 5 или 6 человек, из которых далеко не все были вооружены хорошо. И вот с такою-то ничтожною силою безвестный проходимец задумал приобрести себе Московский престол! И ему это скоро удалось сделать только благодаря обаянию принятого им на себя имени!

Первый самозванец - Григорий Отрепьев

16 октября 1604 года самозванец перешел московскую границу и вступил в пределы Северной Украины (теперь Черниговская и Курская губернии). Ещё раньше, сидя в Польше, он рассылал по Руси подметные письма, в которых рассказывал вымышленную историю о мнимом своем спасении; теперь он обращался к населению со своего рода манифестом, в котором, обещая мир и благоденствие, убеждал всех оставить Бориса и служить ему, якобы законному государю.

Северская Украина населена была в то время беглыми из разных мест людьми, народом озлобленным, беспокойным, бунтовским. Многие, и не веря Лжедимитрию, рады были восстать против царя Бориса. Но большинство народа и войска верило, что перед ними находится подлинный сын Грозного, и с восторгом кричало: «Да здравствует государь наш Димитрий!». Город Чернигов сдался без сопротивления. Самозванец подошел к Новгород-Северску, но здесь встретил мужественное сопротивление со стороны воеводы Петра Басманова.

Хотя Самозванец одержал победу под Новгородом-Северском над царскими воеводами, пришедшими на его выручку, однако в конце января 1605 года он потерпел полное поражение под Севском и сам едва спасся бегством в Путивль. Борис в Москве торжествовал победу, но Самозванец вскоре воспрянул духом. Давно уже почти весь южный край признал добровольно его власть над собою. Весной около гор. Кромы происходили непрерывно битвы и стычки. В Кромах засел отряд преданных Самозванцу казаков. Царское войско многократно пыталось принудить его к сдаче, но всякий раз безуспешно.

В это время, именно 13 апреля, царь Борис после торжественного обеда, данного иноземным послам, почувствовал себя дурно и через несколько часов скончался, успев перед смертью благословить на царство своего сына Федора и принять иноческий чин.

Марина Мнишек

Царское войско, которое мало расположено было сражаться и за Бориса, еще менее хотело проливать кровь за его сына. Басманов, поставленный юным царем во главе войска, видя его ненадежное настроение и посоветовавшись с другим воеводой князем Голицыным, перешел на сторону Лжедмитрия. Все почти войско последовало их примеру. Путь на Москву теперь для Самозванца был открыт. 1 июня в Москву прибыли посланные им дворяне Плещеев и Пушкин, они подстрекнули московскую чернь свегнуть Фёдора Годунова. Вместе с матерью и сестрой его перевезли из дворца в старый боярский дом Годуновых, и народ принес присягу самозванному Дмитрию. Через несколько дней несчастный Федор Борисович и мать его были умерщвлены.

Утром 20 июня 1605 года Самозванец вступил в Москву. Народ его торжественно приветствовал. Новый царь прежде всего отправился в Архангельский собор помолиться у гроба мнимого отца своего Иоанна Грозного. В ближайшие за этим дни начались царские милости всем тем, кто был гоним во времена Годунова. Не были забыты, конечно, и те, кого Самозванец считал близкими своему роду: оставшиеся в живых Романовы были вызваны к царскому двору; инок Филарет, освобожденный из заключения, был поставлен митрополитом Ростовским. Этими мерами Самозванец хотел убедить всех в истинности своего происхождения от Иоанна Грозного, но уже при вступлении его в Москву некоторые в этом сомневались. Поэтому Самозванец

поспешил заручиться признанием со стороны мнимой матери его инокини Марфы. Говорят, что ее принудили к этому страх и желание вернуть себе прежнее положение царицы.

Ликование, с которым было встречено новое царствование, прошло, и наступило среди русских людей разочарование — новый царь многим не нравился. Уже самый въезд его в Москву в сопровождении польской свиты произвел на москвичей невыгодное впечатление. Дальше стали замечать в новом царе некоторые уклонения от православного русского быта: после царского венчания первым поздравил государя римско-католический монах; поляки были всегда к нему особенно близки. Наконец, в Москве стали говорить и о тайном договоре, заключенном им в Польше с королем и римским папой: по этому договору он, действительно, обещал подчинить православную русскую церковь папе, а Польше отдать Смоленскую и Черниговскую области. Но всего больше волновался в Москве народ слухами о царской женитьбе. Самозванец решил жениться на католичке — Марине Мнишек, дочери польского сенатора, который много помогал ему в Польше.

2 мая 1606 года Марина в сопровождении отца и огромной польской прекрасно вооруженной свиты приехала в Москву, а через неделю произошло венчание с Лжедмитрием и коронование по православному обряду; но Марина осталась католичкой — в православие она не перешла. Последнее особенно возмутило москвичей; а этим возмущением воспользовались князь Василий Шуйский и другие бояре, чтобы свергнуть ненавистного им Самозванца. Общее недовольство русских еще усилила наглость польских панов, которые смотрели на себя, как на хозяев в Москве, и насмеялись над москвичами, говоря: «Мы дали вам царя».

В ночь на 17 мая несколько тысяч войска, стоявшего под Москвой, по приказанию князя Василия Шуйского и других бояр были введены в Москву, и с раннего утра в Москве началась резня народа с поляками. Во время этой резни толпа бояр и народа, предводимая Василием Шуйским, ворвалась в Кремль и там покончила с Самозванцем. Так прекратилось одиннадцатимесячное правление Лжедмитрия.

Василий Шуйский и усиление смуты

Всех больше хотелось занять окровавленный уже дважды престол честолюбивому князю Василию Шуйскому. Его знатное происхождение — по прямой линии от Св. Александра Невского — и его смелость в последние дни давали, правда, ему преимущество перед другими боярами на занятие престола; но он так хотел поскорее сделаться государем, что не стал дожидаться, как умный Годунов, земского собора, а принял уже 19 мая царский венец от боярской думы, будто бы повинувшись крику народной толпы на Красной площади, которая желала видеть его царем. Такое поспешное избрание Шуйского в цари ничего хорошего не предвещало. Кроме того, чтобы угодить боярам, которые, главным образом, и возвели его на престол, он дал им клятвенное обещание, что он никого не будет предавать смерти, «не осудя истинным судом с бояры своими». Очевидно, московская знать, посадившая Шуйского на престол, желала обезопасить себя от того, что она испытала при Годунове. Но народ не был доволен таким, хотя и слабым, ограничением власти государя: он боялся боярского самовластия и в шутку прозвал нового царя «полуцарем». И действительно, не Шуйскому было справиться с тем тяжелым положением, в какое попало Русское государство летом 1606 года. Его вступление на престол еще усилило смуту.

Убиение Самозванца и выбор нового царя произошли так быстро, что во многих городах, которые стали свываться уже с правлением Лжедмитрия, его смерти не поверили. В самой Москве злонамеренные люди уже через несколько дней после убийства Самозванца говорили, что Димитрий опять спасся от руки убийц. Вне Москвы слух об этом принимался с еще большим

доверием, и прежде всего против Шуйского поднялись северские города, которые первые и встали раньше на Самозванца. Во главе многочисленных шаек, образовавшихся там, стал беглый холоп Болотников, который хотел поднять всех беглых холопов и всяких гулящих людей не только против царя Василия и бояр, но и против служилых и торговых людей. Грабя и разоряя все на своем пути, шайки эти двинулись к Москве. К ним присоединились ополчения служилых людей из Тулы и Рязани. Рязанские дворяне возмущены были тем, что Шуйского на престол посадила одна Москва, без совета с другими городами. Во главе с дворянином Прокопием Ляпуновым они шли восстанавливать законный порядок, нарушенный московскими боярами. Понятно, что холопы и дворяне имели совсем различные желания, и поэтому Ляпунов со своими рязанцами вскоре отстал «от воровства» (так в то время называли всякую измену, всякое возмущение), бил челом царю Василию и получил прощение.

Между тем по городам царь рассылал грамоты, где говорилось, что он по праву избран на царство, что Лжедмитрий был расстрига, истинный же царевич Димитрий погиб от руки Бориса в Угличе. Однако таким грамотам народ мало был склонен верить: Василий Шуйский совсем другое говорил в год смерти царевича Димитрия.

Тогда царь Василий решился на новую меру, которая должна была, по его мнению, прекратить все толки о том, что истинный Димитрий жив. Уже несколько лет гроб с останками царевича в Угличе привлекал благочестивых людей, которые получали от него исцеления. Царь, посоветовавшись с патриархом Гермогеном, решил перенести мощи царевича в Москву. За ними в Углич был послан митрополит Ростовский Филарет. Во всех городах св. мощи встречали с великим благоговением. В Москве они были поставлены в Архангельском соборе, где покоятся и поныне.

В ту пору шайки Болотникова подошли к самой Москве; город, по словам современников, был «в великом утеснении». Но в Москве в это время некий благочестивый муж обнародовал послание о том, что он в Успенской церкви видел Божию Матерь, умолявшую Спасителя пощадить Москву, если москвичи покаются. Жители наложили на себя строгий пост с 12 по 19 октября, и, действительно, вскоре явилась помощь из Смоленска и с севера. Болотников должен был бежать в Тулу, где его осадили царские войска. Благодаря военному искусству Михаила Скопина-Шуйского, двоюродного племянника царя, Тула была взята, Болотников был отправлен в ссылку, где его утопили, а воры, бывшие с ним, или казнены, или разогнаны.

Казалось, государство могло теперь отдохнуть и успокоиться. Но освободились от одного врага — явился новый. В той же Северной Украине, в городе Стародубе какой-то человек объявил себя спасшимся от смерти царем Димитрием. Этот второй Самозванец был уже такой явный обманщик, что почти никто ему не поверил; однако многие к нему пристали или по ненависти к Шуйскому, или из желания погулять вволю и пожить на чужой счет среди всеобщего развала.

Ополчения нового Самозванца, которого попросту стали называть Вором, быстро росли по мере приближения их к Москве. Однако взять Москву ему не удалось, но и царю Василию не было возможности разбить Самозванца, который стал укрепленным лагерем в селе Тушине, всего в 12 верстах к северо-западу от Москвы. Вскоре в Тушино к нему явилась значительная помощь: пришел из Литвы знатный пан Ян Сапега с 7 000 поляков и казаков. Он привез и Марину с отцом ее: их Шуйский отправил на родину с другими поляками, но они попались в руки казаков, сторонников Вора. Марина забыла свою польскую гордость и согласилась признать безвестного бродягу своим мужем. Спустя некоторое время у Марины родился сын, которого по отцу стали называть Воренком.

Многие города, лежавшие к северу от Москвы, не имея сил сопротивляться Самозванцу, стали принимать воевод и начальников от него. В самой Москве нашлись князья и бояре, которые отъезжали в Тушино, признавали Вора своим государем, а затем, побыв там и получив поместья или деньги, опять возвращались в Москву к царю Василию, били ему челом, говорили, что отстали от измены. Таких людей в Москве стали называть в насмешку «перелетами».

Войска Тушинского Вора все росли, все новые и новые отряды поляков, казаков и русских изменников прибывали в Тушинский стан. Прежде всего тушинцы решили захватить Троице-Сергиев монастырь, который стоял на дороге из Москвы в северные города, и в конце сентября 1608 года 30 000 воров, казаков и поляков под начальством Яна Сапеги и Лисовского подошли к стенам монастыря. Началась знаменитая осада святой обители. В ней было только несколько сот человек воинов под начальством воевод князя Долгорукова и Голо-хвостова; но почти все иноки и крестьяне, сбежавшиеся из окрестных сел в монастырь, вооружились. Своим многочисленным врагам эта горсть осажденных противопоставила только свое мужество и надежду на Преподобного Сергия. Сапега поклялся, что не отойдет от обители, пока ее не возьмет; но все его усилия оказались напрасны.

Еще при начале осады архимандрит Иоасаф привел к присяге у раки Преподобного всех защитников. Первые десять дней октября прошли в непрерывном обстреливании стен и укреплений монастыря, а в ночь на 14 октября полупьяные войска Сапеги бросились на приступ, но были быстро отбиты; еще несколько раз делал Сапега ночные приступы, но, наконец, видя их полную бесполезность, принужден был прекратить нападения. Тогда осажденные, в свою очередь, начали делать вылазки и захватили несколько пленных, которые рассказали, что под стены обители ведется подкоп, но где — никто долгое время не знал. Можно себе представить, в каком состоянии находились иноки и защитники обители: они должны были каждую минуту ожидать, что взлетят на воздух!.. Однако они не теряли присутствия духа и с большим старанием делали вылазки. Наконец, удалось найти подкоп, в который уже были внесены бочки с порохом. Два смельчака-крестьянина — Шилов и Слата — уничтожили подкоп, взорвав порох, и сами при этом погибли; но своей геройской смертью они избавили монастырь от страшной опасности.

Зимой Сапеге пришлось изменить способ борьбы: приступы были прекращены. Но зато началось самое тесное обложение: даже выходить за дровами из монастыря в соседний лес приходилось со страшной опасностью — почти всегда при возвращении кого-нибудь недосчитывались. Вскоре к недостатку дров прибавились болезни и сильная смертность: хоронили иногда до тридцати человек в день. Но не ослабевал дух славных защитников обители, хотя помощи они не получали ниоткуда, если не считать 60 казаков, верных царю, которых прислал он в феврале 1609 года.

Весной совершенно истощенные осадой воины и иноки должны были отбивать новые яростные приступы Сапеги и Лисовского. Силы защитников Сергиевой обители были ничтожны: способных выйти в бой было человек 200. Но они знали, что желанная помощь уже близка: 12 января 1610 года, узнав о приближении войска князя Скопина-Шуйского, Сапега снял осаду, а вскоре и сам молодой витязь прибыл в монастырь и был торжественно встречен братией. Так кончилась 16-месячная осада Троицкой обители, показавшей пример всем русским людям, как надо защищать свою веру и Родину.

Между тем царь Василий, еще за год перед этим, ищет везде помощи и, наконец, не видя ничего лучшего, решает обратиться к шведскому королю — недругу поляков, который с неудовольствием и беспокойством смотрел на успехи их в России. Для переговоров со шведами был послан племянник царский князь Михаил Скопин-Шуйский, которому после долгих усилий удалось нанять на службу России шведского полководца Делагарди и 5 000 человек прекрасно вооруженного шведского войска. Москва обязывалась щедро платить шведским солдатам и

отдать еще шведам город Корелу с уездом (ныне г. Кексгольм Выборгской губернии). Вместе со шведами и русскими верными войсками молодой полководец под Калязином, у стен Макарьевского монастыря, встретил главные силы тушинцев и поляков и нанес им жестокое поражение. После этого многие северные и поволжские города, присягнувшие Вору, стали от него отпадать. В северном, особенно крестьянском, населении со всей силой сказалась его всегдашняя любовь к вере православной и законному царю. Оно увеличило ряды войска, шедшего на выручку Москвы. Скопин-Шуйский, сделавшийся благодаря своим победам сразу народным любимцем, освободив от осады Троицкую обитель, двинулся на помощь к Москве, желая уничтожить Вора в Тушине. Но когда прославленный победами герой в январе 1610 года подошел к Тушину, то там уже никого не было. Тушинский лагерь незадолго перед тем распался. Произошло это вследствие вмешательства в русскую смуту польского короля Сигизмунда. Уже с первым Самозванцем явилось немало поляков; второго Самозванца поляки окружают в гораздо большем числе. По всему государству разлетелось много этих хищников, которые под предлогом «стояния за царя Димитрия» грабили и били русских людей. Видя теперь, что Русское государство уже достаточно разорено и не сможет оказать большого сопротивления, Сигизмунд, придравшись к союзу царя Василия со шведами, объявил ему войну и осадил Смоленск. На предложение сдаться воевода Шеин со всеми воинами и горожанами ответил королю, что «они за истинную православную веру и Божьи церкви и государя своего царя Василия решили все помереть, а литовскому королю и панам его отнюдь не поклониться». Королю пришлось после этого начать упорную осаду Смоленска. Войска, пришедшего с Сигизмундом, было, однако, мало, поэтому король приказывает всем полякам, сражающимся за Вора, идти к нему под Смоленск. Большая часть польских отрядов оставила Тушино, перед уходом зажегши все его здания. Сам Вор Тушинский незадолго перед тем, видя, как пренебрежительно относятся к нему поляки, бежал с казаками в Калугу. Часть русских его сторонников вернулась в Москву к царю Василию. С ними вместе возвратился и митрополит Ростовский Филарет, которого воры захватили в Ростове и насильно задерживали в своем лагере.

Но не все сторонники Вора ушли в Москву. Часть их во главе с Михаилом Салтыковым и Федором Андроновым уехала вместе с поляками в лагерь к Сигизмунду. Здесь эти изменники предложили королю посадить на Русский престол его сына Владислава, причем они даже не требовали от королевича принятия православия.

Вот почему когда князь Скопин-Шуйский подходил к Москве, то уже никого не было в Тушине. 12 марта 1610 года молодой вождь вступил в Москву как ее желанный освободитель. На него народ смотрел, как на будущего царя, так как у Василия не было сыновей. Но многие знатные бояре, а особенно брат царя Димитрий, втайне завидовали герою и ненавидели его.

На крестинном пиру у князя Воротынского — кума Михаила — жена Димитрия Шуйского поднесла ему кубок с вином, в котором была, вероятно, отравка, так как через несколько минут славный воевода почувствовал себя дурно, был отвезен домой и, промучившись несколько дней, скончался. Горе народа было безутешно. По общей просьбе, безвременно погибшего витязя похоронили рядом с царями Московскими в Архангельском соборе, отпевал и хоронил его сам патриарх Гермоген. Горько все рыдали в соборе, плакал и царь Василий, как бы сознававший, что порвалась последняя нить, связывавшая его с народом. Как хорошо и долго помнят русские люди молодого князя-героя, видно из песни, до сих пор сохранившейся на севере об его смерти. В песне этой говорится, что «Скопин очистил царство Московское и великое государство Российское, за что и славу поют ему до веку».

Государство на краю гибели. Поляки в Москве

В то самое время как в Москве умирал Скопин-Шуйский, от Смоленска к Москве приближалось польское войско под начальством искусного польского гетмана Жолкевского; царское войско, высланное навстречу гетману под начальством неспособного и всеми нелюбимого Димитрия Шуйского, было им наголову разбито при деревне Клушине. Через несколько дней Жолкевский, усиливший свое войско русскими отрядами, присягнувшими королевичу Владиславу подошел к Можайску и здесь стал ожидать дальнейших событий.

Весть о клушинском деле повергла москвичей в полное отчаяние. Бедствия увеличились еще оттого, что Вор, сидевший в Калуге, осмелел и со своими шайками, подойдя к самой Москве, занял село Коломенское. Тогда сильная нелюбовь народа к Шуйскому проявилась открыто: чернь московская, руководимая Захаром Ляпуновым и князем Василием Голицыным, который сам мечтал о короне, с буйством ворвалась 17 июля 1610 года во дворец и увезла несчастного Василия в его боярский дом, где через несколько дней его насильно постригли в монахи. Напрасно патриарх Гермоген и другие благоразумные люди противились этому, говоря, что как ни худ царь Василий, а без него Москве станет еще хуже: их не хотели слушать, а Ляпунов и его приспешники, по словам летописца, «лаяли на самого патриарха».

После свержения Шуйского власть перешла в руки боярской думы, во главе которой стоял князь Мстиславский. Москве надо было спешить с избранием государя. Патриарх предложил избрать князя Василия Голицына или сына митрополита Филарета — Михаила Федоровича Романова. Так впервые произнесено было это великое имя устами святейшего патриарха, будущего мученика за Родину! Однако предложение патриарха не встретило сочувствия. Чернь, желавшая с водворением Самозванца заняться в самой Москве грабежом и разбоем, высказывалась в пользу Вора; но гнусное самозванство его было настолько известно, и на Москве так сильно боялись грабежа, что боярская дума, а вслед за ней и московское население поспешили избрать на престол королевича Владислава. О полной свободе выбора в то время не могло быть и речи: поляки всюду рыскали по Руси, а гетман Жолкевский стоял в Можайске. К гетману, двинувшемуся к самой Москве, были высланы послы, которые с ним и заключили договор; в переговорах принимал участие и изменник Михаиле Салтыков. На этот раз в договор было поставлено требование о принятии Владиславом православия: только под этим условием патриарх согласился допустить целовать крест королевичу. Тушинский Вор, угрожаемый тогда и со стороны москвичей, и от Жолкевского, опять ушел в Калугу. В Москве же, по совету гетмана, деятельно принялись за составление великого посольства к королю под Смоленск, чтобы просить у него поскорее отпустить королевича. Во главе посольства, по совету хитрого Жолкевского, были поставлены митрополит Филарет и князь Голицын, как наиболее опасные люди для Владислава. В Москве великим послам даны были подробные указы что и как говорить и отвечать королю.

В день отправления великого посольства патриарх в Успенском соборе отслужил обедню и затем обратился к послам с речью, убеждая их стоять за православие; отвечал Гермогену от лица всех послов митрополит Филарет, который поклялся, что они ничего не уступят королю из того, что сказано в договоре.

Послы уехали, а Жолкевский успел убедить московских бояр, что для безопасности столицы от Вора нужно ввести туда польские войска. Бояре, несмотря на несогласие патриарха и народа, в ночь на 21 сентября открыли ворота, и поляки заняли Кремль, Китай-город и другие важнейшие места.

Вот к чему привела присяга королевичу: вместо православного государя москвичи увидели в столице польского военачальника и наглуго польскую шляхту и панов.

Пока был еще в Москве Жолкевский, он сдерживал бесчинства поляков, но вскоре он уехал, захватив с собою на пути, в Волоколамском монастыре, вопреки договору, несчастного бывшего царя Василия с братьями. В Москве начальником польского войска вместо него остался пан Гонсевский. С отъездом гетмана для Москвы наступило самое бедственное время.

Переговоры великих послов с королем затягивались. Принятые сначала с почетом, послы очутились потом в положении пленников. Многие члены посольства не выдержали, целовали, по требованию поляков, крест самому Сигизмунду, а не его сыну, и, получив от короля милостивые грамоты и подарки, отъезжали домой. Но не так поступили митрополит Филарет и князь Голицын, с твердостью переносили они все лишения и ни за что не соглашались отступить от договора, подписанного Жолкевским, а тем более признать царем самого Сигизмунда. Стойкость этих послов вызывает невольно благоговейное уважение к ним: их держали в палатках, раскинутых на болоте отчего они болели, им не давали необходимого пропитания и настаивали на том, чтобы они написали Шеину сдать Смоленск. Но Филарет ответил, что они никогда этого не сделают. Таким же твердым человеком оказался и воевода Шеин. Никакие угрозы польских панов не могли его заставить сдать твердыню Смоленска.

Когда северные и поволжские города узнали о захвате Москвы поляками и о присяге Владиславу, то при всем отвращении своем к сидевшему в Калуге Вору некоторые из них стали присягать ему, а не Владиславу, не желая видеть поляка на Русском престоле. Но в то самое время, как на севере присягали Самозванцу, он был убит одним крещеным татаринном, и сама Калуга вскоре присягнула королевичу.

Со смертью Вора русские люди, верные своей Родине, избавились от большой опасности, и многие из них пожалели теперь, что так быстро признали Владислава, особенно когда они увидели, что в Москве всеми государственными делами заправляет пан Гонсевский. В то же время они не могли не видеть, что бедствия государства достигли крайних пределов. Всюду бродили шайки казаков, поляков и своих воров, которые грабили, убивали, насильничали; при этом свои воров и разбойники проявляли какую-то особенную жестокость, даже поляки им удивлялись. На Волге восстали почти все инородцы: черемисы, мордва, татары. Север захватили шведские отряды. Словом, не было в несчастной России места, где можно было бы жить в безопасности. Многим русским людям казалось, что спасения уже нет, что государство гибнет. Появляется и ходит по рукам сочинение: «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства». В ярких красках описывая бедствия Родины, составитель плача восклицает: «Горе, горе. Увы, увy. Великая злоба содеяся и многомятежная буря воздвижеся, реки крови истекоша». Но не все приходили в такое мрачное отчаяние. В другом сочинении, написанном в том же 1610 году — «Новой повести о преславном Российском Царстве», восхваляется стойкость великих послов, особенно митрополита Филарета и защитников Смоленска. Составитель повести советует всем подражать им, клеймить безбожных изменников Михаилу Салтыкова и Федьку Андронova и призывает русских людей «лучше славно умереть, нежели безчестно и горько жить».

Во главе людей, еще не отчаявшихся в спасении государства, встал святейший патриарх Гермоген, человек твердой воли и строгих нравственных правил, хорошо умевший владеть пером и словом. Еще будучи митрополитом Казанским, он составил прекрасное сказание о явлении Казанской чудотворной иконы Божией Матери. Патриарх видел, что Сигизмунд вовсе не хочет отпускать сына, а сам желает занять престол. Он решил, что медлить нельзя, и начал рассылать по городам грамоты, разрешая народ от присяги Владиславу и призывая его присылать ратных людей для защиты православной веры и святынь московских. Русские изменники донесли о грамотах патриарха Гонсевскому, тогда поляки окружили Гермогена стражей и отняли от него даже перо и бумагу. Между тем разные города, получив грамоты патриарха и узнав о «великом утеснении» Москвы от поляков, пересылаются между собой грамотами и сами друг друга призывают на борьбу с поляками и ворами.

Первыми на призыв патриарха откликнулись рязанцы во главе с пылким их воеводой Прокопием Ляпуновым, который сам не раз был раньше зачинщиком смут, но теперь все готов был сделать для спасения Родины. В марте 1611 года вместе с многочисленным ополчением из разных городов он подходил уже к Москве, где враждебные отношения между жителями и поляками достигли крайних пределов. Москвичи открыто ругали короля, называя его «старой собакой», а королевича «щенком», а 19 марта, когда передовой отряд земского ополчения под начальством князя Дмитрия Михайловича Пожарского входил в Москву и занимал Сретенку, в Москве загудели колокола, и москвичи единодушно поднялись против поляков. Но они, по совету изменника Салтыкова, подожгли в разных местах столицу, а сами укрылись за стенами Кремля и Китай-города. В течение трех дней пылала Москва — выгорело все Замоскворечье и так называемые Белый и Деревянный города. Поляки захватили на пепелище множество золота и драгоценностей, но мало позаботились о съестных припасах. Главные силы Ляпунова застали только груды дымящихся развалин и множество заражавших своим гниением воздух трупов людей и животных. Началась осада русскими людьми попавших в руки врагов Кремля и Китай-города.

В то время как Ляпунов, подкрепленный многочисленными отрядами казаков во главе с атаманом Заруцким, который после смерти Вора пожелал служить общерусскому делу, мужественно сражался с поляками, на Россию обрушилось новое бедствие: пал Смоленск. Сигизмунд, видя, что с митрополитом Филаретом не сговоришься, отправил его и других послов, согласных с ним, пленниками в Польшу. Русское войско в Смоленске было изнурено голодом и цингой, но Ше-ин не хотел и слышать о сдаче. Измена помогла королю: сквозь пробитую в стене брешь в месте, указанном изменником, поляки ворвались в город. Многие смольняне заперлись в соборном храме Богородицы, не желая сдаваться, подожгли бывший в подвале порох и вместе с храмом взлетели на воздух. Шеин оборонялся со своей семьей в одной башне и, весь израненный, был взят в плен.

Тогда же, благодаря измене, взят был и Новгород шведами. В Псков явился третий Самозванец. Бедствия увеличивались еще тем, что в земском ополчении, собравшемся под Москвой, начались раздоры. Казаки Заруцкого не ладили с земскими людьми; особенно ненавидели они Ляпунова. Пригласив для какого-то объяснения мужественного воеводу к себе в казачий круг, они его изменнически убили. После гибели Ляпунова большинство служилых людей разъехалось; под Москвой остались только казаки с Заруцким да прежние сторонники Вора во главе с князем Трубецким, которые лениво продолжали осаду Москвы, а больше занимались разбоем и грабежом.

В Русском государстве не было не только царя, как после свержения Шуйского, но не оказалось ни одного человека, которому бы можно было подчиняться. Не Заруцкого же и его воров было считать правителями государства! Все, казалось, рушилось, неоткуда уже было более искать помощи; но Божий промысел незримо хранил русский народ, которому предстояло великое будущее. Все потерялось, но не потерялся один, которому всех было хуже: это был великий духом патриарх Гермоген. Захваченный поляками в Кремле и заточенный в тесном заключении, он, несмотря на бдительность стражи, находил возможность, главным образом благодаря двум смелым нижегородцам, сноситься с русскими городами. Он снова шлет в города грамоту, в которой просит неуклонно стоять за православную веру против ляхов, да и против казаков, которые, как он слышал, хотят поставить в цари Воренка — сына Марины и Вора. Чтобы окончательно отрезать для старца-патриарха сношения с внешним миром, поляки и Салтыков посадили его в каменный подвал в Чудовом монастыре и там уморили его голодом.

Но смерть подвижника-патриарха за веру и Родину не пропала даром; мученическая кончина его еще более усилила новое народное движение, которое привело в конце концов к спасению Русского царства.

Нижегородское земское ополчение и избрание в цари Михаила Федоровича Романова

Последнее послание патриарха было обращено главным образом к Нижнему Новгороду. Во всю предшествующую смуту нижегородцы проявили удивительную стойкость: они ни разу не пристали к Вору и до последней минуты стояли за царя Василия. Теперь патриарх просит их писать в Вологду и в Казань, чтобы там не присягали Маринкину сыну. В конце грамоты Гермоген восхвалял нижегородцев и писал: «А вам всем от нас благословение и разрешение в сем веце и будущем, что стоите за веру неподвижно, а я должен за вас Бога молити».

Патриарх не ошибся в нижегородцах: в августе 1611 года жители Нижнего получили грамоту его, а уже через несколько месяцев в Нижнем, по почину великого гражданина Минина, готова была новая рать для освобождения Москвы от врагов.

В настоящее время в нижегородском Спасо-Преображенском соборе, с левой стороны, находится гробница с сенью из черного мрамора: здесь рядом с древними нижегородскими князьями и святителями покоится прах простого мясного торговца нижегородского — Кузьмы Минина Сухорука. И недаром погребен он на таком почетном месте; много ему обязано Русское государство своим спасением в годину лихолетия, он начал то народное движение, которое привело к избранию в цари Михаила Федоровича Романова.

Минин пользовался глубоким уважением со стороны своих сограждан и был выбран ими земским старостой. Он уже давно болел душой о бедствиях Родины. Грамота патриарха окончательно показала Минину, что Отечеству мало одних сокрушений и слов, что ему нужно дело, нужна работа. Созвав совещание главных представителей нижегородской торговой общины в земской избе, Минин предложил прежде всего найти денежные средства для нового ополчения. По общему приговору нижегородцы решили сделать сбор «пятой деньги», т. е. взять пятую часть имущества каждого; кроме того, они постановили во всем Кузьму слушаться и «приговор ему на себя дали». Так было начато великое дело.

Через два месяца в Нижний пришла грамота от Троице-Сергиева монастыря. В начале грамоты иноки обители яркими чертами изображали бедствия государства: «Поляки с изменниками нашими бесчисленную христианскую кровь пролили, святые Божьи Церкви разорили и осквернили, а твердого адманта, святейшего патриарха Гермогена с престола низвергнули и в тесное заключение затворили». В конце своего послания архимандрит Дионисий с братией умоляли поспешить на спасение Москвы от поляков.

Грамота была прочитана торжественно в Спасском соборе протопопом Саввою, который горячо призывал молящихся идти на «заступление многоцелебных мощей московских чудотворцев». После молебствия, когда толпа выходила из собора, к ней здесь же, на соборной площади, обратился с своей знаменитой речью Минин. Он говорил, что, если понадобится, русские люди не только должны пожитки и дворы свои продавать, но должны быть готовы заложить и жен и детей своих для спасения государства. После речи Минина снова на площади народ молился во главе с архимандритом нижегородского Печерского монастыря Феодосией, и все молитвы сливались в одну: «Да спасет Господь царство русское». Ранее всего Кузьма Минин советовал избрать опытного воеводу. Нижегородцы с ним немедленно согласились. Однако найти хорошего воеводу было нелегко — мало было найти витязя храброго и опытного, нужен был еще муж искренний, твердый, ни разу не запятнавший себя какой-нибудь изменой. Такого человека нижегородцы нашли в лице князя Димитрия Михайловича Пожарского, который служил сначала законному царю Шуйскому, а потом сражался в земском ополчении Ляпунова. Пожарский ни

разу не склонился, как другие, в пользу Вора или короля польского. Он принял предложение нижегородских послов и сказал, что «рад страдать до смерти за веру православную».

Казны военной было собрано много; были люди, которые не то что пятую часть своего имущества давали, а отдавали все, что имели, а сами становились в ряды войска. Князь Пожарский предложил нижегородцам и жителям других городов выбрать для заведования казной особого надежного гражданина. Все единогласно выбрали Минина.

Слух о новом земском ополчении быстро распространяется в разных городах. Раньше других вступают в ополчение служилые люди из Смоленска, Вязьмы и Дорогобужа, спасшиеся переселением в Нижегородскую область от польского плена. Затем подошли ратные люди разных поволжских городов, а также Коломны, Рязани, Вологды и других.

В начале марта 1612 года Пожарский мог уже двинуться из Нижнего. Как раз в это время ополчение узнало о мученической кончине патриарха Гермогена. Среди воинов передавались слова патриарха, сказанные им изменнику Салтыкову в ответ на предложение написать, чтобы нижегородцы не шли к Москве: «Да будут, — говорил старец, — благословенны те, кои идут на очищение Московского государства, а вы, окаянные изменники, будьте прокляты».

Князь Пожарский пошел к Москве не прямой дорогой, а двинулся сначала через Юрьевец-Повольский, Кинешму и Кострому на Ярославль для того, чтобы взять с собою ополчения из этих городов, а также чтобы очистить среднее Поволжье от шаек казаков и поляков. В Ярославле земское ополчение задержалось надолго: надо было устроить войско и образовать совет всей земли для управления делами.

Стоявшие под Москвой князь Трубецкой и атаман Заруцкий усиленно звали ополчение к Москве, но земские люди в Ярославле поговаривали, что казаки под Москвой хотят убить Пожарского так же, как убили Ляпунова.

Только после того как в Ярославль приехал келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий и стал убеждать от лица архимандрита Дионисия и всей братии поспешить, князь Пожарский и Минин выступили в поход. Однако опасения земского ополчения оказались верными: перед самым выходом ополчения, во время осмотра его князем Пожарским, на него было произведено покушение, к счастью, неудавшееся. Предатель, хотевший ударить князя ножом, перед смертью показал, что его подослал Заруцкий. Последний, узнав, что его гнусный замысел не удался, ушел с некоторыми казаками из-под Москвы, объявив себя за Воренка — сына Марины. Под Москвой оставались только те казаки, которые хотели помочь общему русскому делу. Однако полного согласия между ними и ополчением Пожарского не было. Князь и Минин мало доверяли казакам, которые еще так недавно стояли за Вора. Положение под Москвой стало весьма трудным: к полякам, сидевшим в осаде, приближался на помощь литовский гетман Ходкевич. Когда гетман попытался проникнуть в Москву, земское ополчение храбро его встретило, но лучше вооруженные поляки начали уже теснить наших. Исход битвы мог бы быть очень печальный, но войско из беды выручили Минин, который с конным нижегородским полком врезался в середину врагов, и казаки. Они вначале издали смотрели на битву, не принимая в ней участия; но увещания келаря Авраамия пробудили и в них любовь к Родине, и с криком «Сергий Преподобный!» казаки бросились на поляков. Последние были отбиты, даже обоз Ходкевича достался победителям. На другой день он совсем ушел от Москвы.

В Китай-городе и Кремле, где сидели поляки и русские изменники, начался сильный голод. Сначала страшно подорожали все съестные припасы (за корову платили 600 рублей, за кошку 8 рублей). Когда все, что можно было есть, было съедено, начали есть трупы животных, а потом перешли на трупы человеческие. Напоследок начали убивать для еды и друг друга.

16 сентября князь Пожарский писал полякам, что дольше сопротивляться им не стоит. В ответ на это предложение польские начальники прислали гордое и надменное письмо, где позволили себе нагло издеваться над русским войском и русским народом; но уже через несколько недель полякам пришлось сильно пожалеть о своем хвастливом и дерзком ответе: 22 октября русские взяли приступом Китай-город, а через четыре дня поляки должны были сдать и сам Кремль.

Великая русская столица — Белокаменная Москва — снова принадлежала русскому народу.

Когда суровые воеводы и воины, придя на Лобное место, увидели вышедший из Кремля крестный ход и епископа, несшего Владимирскую чудотворную икону Божией Матери, которой уже не чаяли никогда видеть, они, по словам современника, «слез источники источиша и облабызаху Святую икону сию». После молебствия на Лобном месте князь Пожарский и Трубецкой вместе со всем ополчением вошли в Кремль, который представлял самую печальную картину разорения: поляки, сидя там, оскверняли церкви, рассекали образа Христа и Богоматери, переворачивали престолы.

Как только привели хоть немного в порядок кремлевские святыни, русские люди стали думать о самом важном и неотложном деле — об избрании царя. Измученные годами смуты, они единодушно признавали, что теперь нужно выбрать такого царя, перед которым бы все могли единодушно преклониться. Готовились к избранию государя с глубоким благоговением: во все города было послано от священного собора предложение всем православным поститься три дня и молить Бога даровать России царя и благополучие и мир всему государству. После того из Москвы было велено прислать из всех городов «выборных, лучших, крепких и разумных людей для земского совета и для царского избрания». Так собрался в Москве в самом начале 1613 года Великий Земский Собор, которому и предстояло избрать государя. На этом соборе находились выборные представители от всех сословий русского народа, в том числе и от крестьянского и от казачьего. Земский собор этот прежде всего постановил, чтобы отнюдь не выбирать Воренка — сына Марины — или какого-нибудь иностранного принца, а выбрать из русских великих боярских родов. Затем все жители Москвы и все выборные от других городов, разных чинов люди после долгого обсуждения, 7 февраля, единодушно решили быть царем русским двоюродному племяннику последнего государя из дома Рюрика Михаилу Федоровичу Романову. Не только земские люди всяких чинов, но и казаки решительно и радостно стали за него. Все знали государственные заслуги его предков, начиная с первых дней Москвы, хорошо помнили страдания всей семьи Романовых при Годунове и особенно Филарета Никитича под Смоленском и в польском плену и бедственную жизнь самого юноши Михаила в Москве, когда там сидели поляки, которые держали его с матерью как пленника.

Однако окончательное торжественное избрание отложили на две недели, чтобы за это время послать в ближайшие к Москве города верных и богобоязных людей, дабы они сведали, кого желает народ в государи. Через две недели посланные вернулись в Москву и доложили собору, что у всех русских людей одна общая мысль: быть царем Михаилу Федоровичу Романову, а кроме него иного не хотят.

В неделю Православия, 21 февраля в Успенском соборе после торжественного молебна все выборные люди избрали царём своим Михаила. «Да примет он,- говорилось в избирательной грамоте, подписанной участниками собора,- скипетр Российского царства для утверждения истинныя нашея православныя веры, и чтобы Господь Бог Его Государским призрением во всем Московском Государстве расточенные и разоренные исправил и во едино благочестие совокупил и междоусобие утолил и вся благая Московскому Государству устроил»

Избрание Михаила Фёдоровича Романова на царство

Тут же, в Успенском соборе, выборные целовали крест Российскому самодержцу. Но в Москве его в то время не было: старица Марфа, освободившись от польского плена в московском Кремле, уехала с сыном в свои вотчины около Костромы и, помолвившись в нескольких монастырях, проживала в селе Домнине, в 70 верстах от Костромы, думая здесь укрыться от всякой опасности. Но польские и казацкие изменнические шайки все еще продолжали рыскать в приволжских областях, и вот одна такая польская шайка остановилась в поселке Деревнищах, в нескольких верстах от Домнина, и, желая известить соперника Владиславу, приказала старосте деревни Ивану Сусанину вести ее к Михаилу. Сусанин, догадавшись о замысле поляков, успел послать гонца к инокине Марфе и царю Михаилу, чтобы те спасались за крепкими стенами Ипатьевского костромского монастыря, а сам повел шайку поляков по разным окольным дорогам, а затем, заведя их в леса и болота и уверившись по времени, что царь теперь уже в безопасности, открыл полякам истину. Те зверски его умертвили. Так честно умер крестьянин Сусанин за своего государя, показав пример доблести всем русским людям на вечные времена!

Инокinya Марфа и Михаил проживали в Ипатьевском монастыре, когда в Кострому прибыло торжественное посольство от земского собора просить Михаила Федоровича на царство. Когда посольство 14 марта явилось в сопровождении крестного хода в Ипатьевский монастырь, Марфа с гневом говорила главным послам — Рязанскому архиепископу Феодориту и боярину Федору Шереметеву, что русские люди измалодушествовались, в годы смуты часто изменяли своим правителям и что она не может отпустить сына на царство. Долго просили и молили послы, и только к вечеру, когда архиепископ, взяв икону Феодоровской Божией Матери, стал грозить инокине, что Бог на ней възыщет конечное разорение государства, Марфа уступила и благословила сына. Только через месяц, ввиду больших неурядиц в Москве, молодой государь мог прибыть в столицу, 11 июля он торжественно венчался на царство, причем дядя государя боярин Иван Никитич держал Мономахову шапку, князь Трубецкой — скипетр, а князь Пожарский — державу (золотое яблоко). На другой день Пожарскому был пожалован высший в Москве сан боярина, а Кузьме Минину — сан думного дворянина. Награда эта давала Минину право заседать в боярской думе, рядом со знатнейшими особами и родственниками государя. Не была забыта молодым царем и семья Сусанина: Богдану Сабину, мужу Антонида, единственной дочери Сусанина, была пожалована половина дворцовой деревни Деревнищ «за службу и за кровь тестя его» с освобождением его и его потомства от всяких податей. Так милостями спасителя Отечества началось новое царствование, а с ним началось и правление новой династии — Романовых!

Первые Романовы

Михаил Фёдорович.- Борьба с врагами, заселение новых земель

Мир со Швецией и Польшей

Тяжелое наследство досталось избранному молодому царю.

Пограбленные врагом города, сожженные села, вытоптанные, заброшенные поля, толпы нищих, голодных, ограбленных, полуодетых — вот что мог видеть он по пути из Костромы в Москву. Чуть не половина земли была вконец разорена войной и разбойными грабежами.

Убитых, умерших с голоду, угнанных в плен было не сосчитать. В царской казне не было ни рубля.

А враги теснили со всех сторон. Шведы сидели в Новгороде. Поляки заняли войсками целый край по Днепру и Десне с двумя десятками городов и грозили самой Москве. Татары без перерыва грабили, опустошали южные окраины. Русская земля, не оправившаяся еще от страшной смуты, не имела силы бороться со всеми врагами. Надо было мириться, с кем возможен был мир.

Со шведами помириться было нетрудно. Они хотели ни разорять, ни завоевывать русской земли. Им нужны были несколько городов на берегу Балтийского моря, по Неве и по Ладожскому озеру. Эти места — Водская пятина Новгорода Великого — испокон веков принадлежали русским. Но напрасно спорили русские послы — шведы только посмеивались и говорили: «Этих городов вам не видать, как своих ушей». «Это вы говорите, забывая Бога, — грозились послы, — а мы, прося у Бога милости, будем доискиваться своего. Не отдадите теперь без крови — отдадите потом с кровью». Но шведам угрозы были не страшны, а выбить из занятых ими городов крепко засевшие там войска не было силы. Мир был заключен в Столбове в 1617 году. Широкая полоса русской земли по морю, Неве и Ладожскому озеру и дальше за Невею (Карелия) -осталась в руках шведов. Бедная, болотистая страна не дорога была сама по себе. Шведам важно было отрезать Россию от моря, чтобы ослабить ее, не дать ей разбогатеть. Россия пугала соседей своими размерами, только раздоры и смута на время обессилили ее, и шведы спешили воспользоваться этим несчастьем, чтобы сколько можно помешать дальнейшему развитию Русской земли. Шведский король Густав-Адольф, очень довольный выгодным миром, говорил: «Теперь этот враг не может без нашего дозволения ни одного корабля спустить в Балтийское море. Большие озера, болота и сильные крепости отделяют нас от него. У России отнято море, и теперь, Бог даст, русским трудно будет перепрыгнуть через этот ручеек».

Русские сами понимали хорошо, как тяжела для них потеря приморских земель. Но им в 1617 году было не до того, чтобы спускать корабли на Балтийское море. Королевич Владислав стоял с польской ратью под стенами Москвы. Он требовал, чтобы его признали царем.

А у молодого царя Михаила не было даже столько войска, чтобы выйти в поле: с трудом можно было отбиваться за стенами Кремля.

Царь Михаил Фёдорович Романов (с 1613 по 1645)

Однако москвичи так упорно и стойко отбили все приступы польской рати, что Владиславу пришлось отступить от Москвы. Поляки сами утомлены были долгой войны 1618 году было заключено между Россией и Польшей перемирие на 14 с половиной лет. Россия могла вздохнуть и оправиться немного от разорения.

Из Польши вернулся, согласно условию перемирия, отец государев, митрополит Филарет Никитич. С почетом и ликованием встретил его народ. Молодой царь сам выехал навстречу отцу и поклонился ему в ноги. Филарет был посвящен в сан патриарха и стал помогать сыну в делах государственного управления.

Их стараниями и трудами выборных от земли из года в год стали приводиться в порядок государевы и земские дела. Усаживались на землю разогнанные смутой помещики и крестьяне; царские воеводы теснили и ловили разбойничьи шайки; собирали, где могли, деньги в казну.

Среди многих тяжелых забот великих государей и земских людей забота о ратных людях была главной. Без хорошего войска нельзя было жить, потому что каждый день нападали и грабили со всех сторон разбойники и татары, а впереди грозила неизбежная война с Польшей. Владислав продолжал называть себя царем России и готовился оружием отвоевать для себя Русский престол и Русскую землю.

Войско во времена Московских царей было устроено не так, как теперь. Казна не имела средств кормить и содержать его в мирное время. Служилые (военные) люди вместо денежного жалованья получали от казны землю — поместья; крестьяне, жившие на земле помещика, были его крепостными, должны были обрабатывать его поля, кормить его своим трудом, чтобы он мог исправно нести государеву службу. Зато когда наступит война, поскачут из города по окрестным поместьям гонцы с приказом, чтобы помещики шли на сборное место «конны, людны и оружны»: на конях, со своим оружием, со своими съестными запасами и с вооруженными на свой счет людьми. А кончилась война — помещики разъезжались опять по своим усадьбам до новой войны.

Такие служилые люди — помещики назывались дворянами, или боярскими детьми.

Была у нас и пехота — стрельцы. Их набирали из вольных людей, давали им казенную одежду и оружие — ружье, саблю, бердыш; устраивали в полки и каждый полк селили особой деревней — стрелецкой слободой. У каждого стрельца была своя изба, огород, иногда участок пахотной земли; многие заводили в слободе лавочки, занимались каким-нибудь ремеслом — словом, жили своим хозяйством, как мелкие мещане, только под надзором полковника и офицеров, которых назначали в стрелецкие полки из дворян.

Стрельцы стоили казне довольно дорого, зато их полки были всегда в сборе и скоро могли двинуться в случае войны.

Михаил Фёдорович принимает посольство

Немало труда пришлось положить, чтобы привести в порядок военные силы Москвы, расстроенные годами смуты, чтобы собрать исчезнувшие стрелецкие полки, наделить поместьями обнищавших дворян, усадьбы и земли которых были опустошены дотла, переписать служилых людей и их поместья в новые книги. Но всего этого было мало для неизбежной войны с Польшей.

В войнах Смутного времени ясно сказалось, что наши войска — и стрелецкие, и дворянские — много уступают в военном искусстве и шведам, и полякам: у тех и ружья, и пушки, и даже холодное оружие были гораздо лучше наших; и порядку, дисциплины в полках больше; и военный строй искуснее; и оружием солдаты владели лучше, потому что всю жизнь занимались одним делом, учились военному искусству и были привычны к войне. А наши дворяне большую половину жизни проводили по своим деревням, отвыкали от войны; у тех, которые победнее, лошади были очень плохи и не поспевали за добрыми конями богатых помещиков; понятно, что строя держать дворяне не могли, да и не учились тому, а сражались просто толпой, как татары. И оружие было у всех разное, у многих совсем плохое: ружья, пистолеты редко у кого были — только у богатых, остальные приходили на войну по старине — с луком и стрелами, с саблей, а то так и просто с топором или рогатиной.

Теперь, готовясь к опасной и тяжелой войне, царь и патриарх, посоветовавшись, решились на новое дело: нанять на службу несколько немецких полков, выписать из Швеции и Англии опытных офицеров, которые обучили бы русских всем хитростям военного строя и иноземного искусства. Оттуда же выписали тысяч десять ружей. Казалось, дело пошло хорошо. На доброе

жалованье и солдаты, и офицеры из шведов, англичан, немцев, голландцев потянулись охотно в неведомую им Московию. Набрали из мелких, обедневших помещиков несколько полков, роздали им выписанное из-за границы оружие и стали обучать иноземному военному искусству. Эти новые полки получили название рейтаров, драгун, солдат; офицеры в полках были из иностранцев. Когда истек срок перемирия и началась война, больше половины войска, посланного против поляков, было уже из полков иноземного строя.

На беду, военные действия сразу пошли неудачно. Русское войско осадило Смоленск — очень сильную крепость, которую нельзя было взять скоро. Поляки тем временем закупили крымских татар, и те бросились грабить южные окраины России. «Не спорю, — говорил польский канцлер (министр), — хорошо ли это по-христиански — напускать поганцев на христиан, но по земной политике это вышло очень хорошо». Помещики тех окраин, проведая, что татары жгут их усадьбы и угоняют в неволю их жен и детей, стали уезжать из лагеря, спеша защищать свои семьи. Войско сразу уменьшилось, а сильная польская рать в это время подошла на выручку Смоленска. Полки иноземного строя оказались плохо обучены, в сражении теряли строй и дрались по-старому, каждый за себя. Да и наемные офицеры-иноземцы, служившие только ради денег, не проявили в бою большой храбрости. Русское войско было разбито и отступило от Смоленска.

Несмотря на это поражение, Россия была еще достаточно сильна, чтобы продолжать войну. Видя это, Владислав отказался от мысли завоевать Россию и признал Михаила Федоровича царем. Но земли, захваченные поляками в Смутное время, остались в их руках: все Приднепровье, по реку Десну, до 20 старых русских городов — в том числе Смоленск, Чернигов, Новгород-Северск, Брянск, Дорогобуж. Истощенная смутой Русская земля еще не в силах была вырвать из рук врагов своих исконных владений.

Татары

Ценой тяжелых уступок куплен был мир со Швецией и Польшей. Затихла война на западной границе. Но прочного мира и покоя не знала в то тяжелое время Русская земля.

На южном рубеже, между Десной и Доном, Россия не имела тогда точных, договорами установленных границ. Крайние русские городки (в теперешней Курской и Харьковской губерниях) уходили здесь в дикую, безлюдную степь. Необозримой равниной раскинулась эта степь по всему югу теперешней России — с Буга на Днепр, с Днепра на Донец и на Дон и дальше — на Волгу и на Урал, сливаясь здесь с азиатскими степями. Теперь эти места (Херсонская, Екатеринославская, Харьковская, Курская губернии) — житница России, ее лучшие, самые хлебородные земли. Но тогда соседство этой безлюдной, хотя и цветущей степи висело постоянной угрозой над нашей южной окраиной.

За степью, на гористом полуострове Черного моря залегло с XV века страшное разбойничье гнездо — татарский Крым. Каждый год, едва земля покроется травой, орда, то большой толпой, то малыми шайками, выезжала в степь на добычу. Привычные кони быстро переносили разбойников через степь к границам Польши или России. Открытого нападения татары избегали: они шли не на войну, а на грабеж — и всегда старались пробраться незамеченными, по оврагам, мимо сторожевых военных постов, как можно глубже в населенную землю. И вдруг, повернув назад, уже не скрываясь, начинали быстро отступать в степи, рассыпавшись широким строем, зажигая всюду пожары, грабя все, что попадалось под руку, гоня перед собою все живое — скот и людей. Самая дорогая добыча, за которой они приходили, были именно люди. Угнать их в Крым, продать богатым турецким купцам — этим жила и обогащалась дикая орда. На всех рынках в Крыму и в Турции толпами продавались рабы — пленники из России или из Польши. Торговля

была выгодная, и турецкие купцы сами раздавали оборванцам-татарам лошадей и оружие и снаряжали их на их страшный промысел, на охоту за людьми. В редком зажиточном турецком доме не было русского раба или рабыни. Всего тяжелее приходилось тем, кто попадал гребцами на корабли: большие корабли двигались тогда на веслах; рабы-гребцы, цепями прикованные к скамьям, без усталости, до изнеможения работали тяжелыми веслами, а турок-надсмотрщик бичом подгонял тех, которые, выбившись из сил, гребли слабо. Такова была судьба русских пленников, попавших в турецкую неволю. Никаким договором нельзя было защититься от хищных набегов из Крыма. Московское правительство, чтобы немного хоть ослабить их, чуть не каждый год посылало крымскому хану и его мурзам (князьям) богатые подарки. Но и подарками можно было разве только уменьшить набеги: если не шел сам хан, то простые татары шли на разбой от себя.

Русский князь и татарский хан

Чтобы прикрыть русские поселки от их опустошительных набегов, строили по границе, на протяжении 300—400 верст, деревянные крепости, между крепостями копали рвы, делали засеки из рубленого леса, забивали кольями броды на реках, через которые переправлялись обычно татары. За такой сторожевой чертой на казенных поместьях селили дворян и низших военно-служилых людей. Каждую весну дворяне южных городов сзывались на государеву службу и сильными отрядами становились по городам. Ставилось на ноги целое войско, не меньше 60—70 тысяч. В степь высылались сторожевые разъезды. Если успеют вовремя заметить татар, гонцы скачут во весь опор, люди сбегаются в города, царские рати выступают навстречу разбойникам. Бывало, что конным дворянам удавалось нагнать орду, когда она отступала уже с добычей: тогда плохо приходилось хищникам. Но татарские кони были выносливы и быстры, сами хищники по-звериному хитры и жестоки. Несмотря на стражу и на засеки, редкий год один или два уезда не оказывались выжжены и разорены: несчастные люди толпами шли в тяжелую неволю. По всей России собирался особый налог — «половяничные деньги» — для выкупа пленников от турок и татар.

Давно хотели на Руси собраться с силами и раздавить разбойничью берлогу — взять самый Крым. Но Крым был под властью Турции, а перед Турцией дрожала тогда вся Европа, и ни одно государство не смело выступить против нее в одиночку.

Москва же, кроме Турции и Крыма, имела бы перед собою в этой войне еще неисчислимые орды азиатских народов. Между Волгой и Доном кочевали ногайцы и калмыки; а за Волгой, на восток, шла киргизская степь. Большинство этих дикарей (ногаи, киргизы) были мусульмане и признавали турецкого султана своим духовным главою. Эти орды были не так опасны, как Крым, но и от них надо было быть постоянно настороже, и в нынешней Пензенской губернии, между Волгой и Доном, рубилась против ногаев такая же линия крепостей и засек, как и на западе, за Доном, от крымцев.

В годы смуты татарские набеги начисто смели целый ряд южных городков. Южная часть Украины (теперь Курская губерния), заселенная уже довольно густо, превратилась снова в пустыню: все население или угнано было татарами в неволю, или разбежалось подальше—к лесистым берегам Тихой Сосны и Воронежа. Татарские набеги проникали уже в нынешние Тульскую и Рязанскую губернии, к Епифани, Одоеву, Белеву, Данкову.

Но богатый чернозем курских степей неудержимо привлекал русского пахаря. Едва установился порядок, как начался новый наплыв поселенцев на знакомые уже места. В 1636 году для защиты их царь велел рубить новую «черту» городов-крепостей, засек и всяких укреплений. Новая черта пошла южнее прежней, охватывая всю теперешнюю Курскую губернию и пересекая

Воронежскую и Тамбовскую: с Ахтырки на Белгород и дальше на Корочу, Острогожск, Коротояк, Воронеж, Усмань, Козлов. Огромная площадь черноземной степи, отхваченная этой линией крепостей, стала быстро заселяться служилым и земледельческим людом. Татарские набеги следовали один за другим. Редко удавалось им теперь прорваться через надежную линию укреплений; во всяком случае, дальше пограничных уездов они не проникали. Но царские рати по-прежнему каждое лето должны были сторожить степной «берег», и нескончаемая война с лукавыми степными хищниками из года в год тянулась по всей южной степной границе — от днепровских притоков до устья Волги. Здесь, из Астрахани, государевы воеводы теснили ногайскую орду, кочевавшую между Волгой и Доном. Уже в 1616 году астраханский воевода кн. Львов погромил ногайцев, отбил у них 15 тысяч русских пленников, набранных разбойниками из беззащитных в смутные годы сел и городов, и самую орду «привел под государеву руку», велел им кочевать около Астрахани и быть в послушании у него, государева воеводы. И не раз после, когда нужно было наказать крымцев за набеги на русские города, воеводы из Астрахани шли на Азов через ногайскую степь, ведя с собою кроме ратных людей еще и ногайскую орду.

Казачьи

Между украинскими и приволжскими царскими городами, с двух сторон теснившими татарскую степь, по берегам тихого Дона, Донца и их степных притоков рассеяны были городки и поселки донского казачества. Здесь, на степном просторе, на вольной, никому не принадлежавшей земле издавна селились беглые из разных мест, смелые и разгульные люди, не ужившиеся с порядками Москвы. Богатые рыбные ловли, бесчисленное множество дичи в степи и в донских камышах досыта кормили казачью вольницу; зато сукна на одежду, оружия, пороху, свинцу взять было негде, и жизнь первых поселенцев на безлюдных берегах Дона полна была тягостей и лишений, вынести которые могли только сильные люди. Вдобавок со степи грозил постоянно татарский набег, от которого не было другой защиты, кроме собственной сабли. Но на Дон бежали смельчаки, не дорожившие своей головой и не боявшиеся переведаться с татаринами. Несмотря на жестокие набеги, не раз сметавшие казачьи вольные поселки, новые беглецы толпами валили на приволье донских степей. Уже в XVI веке так людно стало на берегах Дона, Донца, Медведицы, Вороны, что татарам не пробиться было до русского рубежа через толщу воинственного казачьего населения. Казачьи городки придвинулись почти до самого устья Дона: от Черкаска до турецкого города Азова не было и 100 верст. Понятно, что с азовскими татарами и ногаями, кочевавшими в степях между Доном и Кубанью, казаки были в постоянной войне. Беспокойные и воинственные, они сами мстили за татарские набеги такими же набегами и опустошениями, жгли татарские и турецкие села, угоняли пленников и скот.

Уже со времен Иоанна Грозного донские казаки считались на службе у Московского царя. Но первое время их служба была ненадежна. В смутные годы с Дона вышло немало разбойничьих шаек, грабивших и разорявших Русскую землю заодно с поляками.

Под конец смуты, однако, общее движение на защиту православия и Русской земли охватило и казаков: многие из них помогали земскому ополчению в войне с поляками, участвовали в избрании Михаила Федоровича. Иные шайки продолжали еще грабежи, но с каждым днем все больше казаков стекалось к Москве, целовало крест молодому государю. Уже в 1614 году царь запретил называть казаками шайки грабителей, «чтобы прямым казакам, которые служат, бесчестья не было». На Дону царские послы с известием об избрании Михаила на престол были встречены общей радостью и почетом. «Много разорения причинено нашим воровством, — толковали казаки, — теперь Бог дал на Государя милостиваго, так нам уж более не воровать, а преклониться к Государю Царю Михаилу Федоровичу».

Михаил Федорович рад был снова принять казаков в свою службу. В знак милости и прощения он послал на Дон большое царское знамя, чтобы с этим знаменем казаки выходили в поход против царских недругов. В то же время послали казакам и жалованье за службу — деньги, сукна, вино, а главное, порох, свинец и всякие боевые запасы: ими особенно дорожили казаки.

С той поры царское жалованье уже каждый год посылалось на Дон. Посылались не только хлеб, сукно, порох и деньги, но и священные книги для казачьих церквей, образа в серебряных окладах, ладан. В донских церквях пелись молебны за здоровье православного государя. Каждый год шли с Дона богомольцы на север к прославленным монастырям, доходили даже до далекой Соловецкой обители. Государю били челом бежавшие из турецкой неволи казаки, и государь «за их службу и за терпение» жаловал их деньгами на обзаведение новым хозяйством.

Каждый год выборные казаки — иногда сам войсковой атаман с есаулами и приличной свитой — ехали с посольством в Москву, везли с собою «отписки» — доклады о войсковых делах, иногда везли пленных татар или отбитых от татар русских пленников, взятые с бою от врагов знамена.

Постоянно сталкиваясь с татарами, казаки узнавали все их замыслы и немедленно сообщали в Москву о том, под какие царские города готовят набеги ногаи или крымцы; а сами, собравшись, старались ударить в тыл орде, отрезать ей отступление в степь и отбить русский «полон». Донская вольница понемногу превращалась на деле в «Сберегателей Великия Российский Державы», как сами себя называли казаки.

В то же время начинают служить Москве и яицкие казаки, жившие в степи по берегам Урала (тогда Урал назывался Яиком). По их просьбе царь Михаил дал им грамоту на владение Уралом со всеми его землями и угодьями, от верховьев той реки до самого устья. За то уральцы защищали Поволжье от калмыцких и киргизских набегов. В помощь им выстроена была на Урале крепость — Гурьев городок, в городке стояли с тех пор постоянно царские войска.

Чувствуя за собой могущественную поддержку Москвы, донские и уральские казаки с удвоенной силой обратились на юг, на исконных своих врагов. Теперь донцы не довольствуются уже мелкой войной с ногаями и азовцами. Чуть не каждый год на нескольких стах лодок они выходят мимо Азова в море Берега Крыма, Малой Азии, самые окрестности Константинополя познали ужас беспощадного казачьего набега. Богатейшие города были разграблены и сожжены удалцами. Купеческие корабли едва осмеливались выходить в море. Со стен самой турецкой столицы нередко виден был дым пожаров, зажженных казаками. Сильная Турция, перед которой дрожали все государства Европы, ничего не могла поделать с этими набегам. Иногда удавалось большим турецким кораблям пушечным огнем потопить казачьи челны; но случалось так, что казаки на утлых лодках успевали подойти вплотную к турецкому флоту, и тогда огромные, гордые корабли, охваченные огнем, шли ко дну со всеми пушками, грузом и людьми.

Турки в бессильной злобе без конца жаловались царю на набег казаков. Но им отвечали такими же жалобами на набег крымских и азовских татар, а про казаков говорили, что они — люди вольные и унять их никак нельзя.

Действительно, удержать казаков от войны с татарами было трудно: те, не переставая, задирали их разбойничьими набегам, и казаки говорили: «Волен Бог да Государь, а мы терпеть не станем, будем за отцов своих, матерей, братию, сестер стоять».

Летом 1637 года, потеряв терпение от беспрестанных татарских набегов, казаки двинулись на самый Азов и после трех недель осады отчаянным приступом взяли гордую крепость.

Огромная турецкая армия в 240 тысяч человек не могла выбить их оттуда и, потеряв в 24 приступах несколько десятков тысяч человек, со стыдом отступила.

Но казакам держаться в Азове было невозможно: они оскудели съестными припасами, расстреляли весь порох и свинец, да и людей у них стало немного.

Казаки искали помощи у государя: били челом, чтобы он принял Азов под свою высокую руку, прислал на защиту его своих ратных людей. Но война с Турцией требовала очень сильного войска и огромных расходов, а народ на Руси так обеднел от разорения Смутного времени и от тяжелой польской войны, что страшно было возложить на него тягость новых военных налогов. Царь похвалил казаков за добрую службу и храбрость, послал им богатое жалованье, но велел оставить совершенно разбитые во время осады укрепления Азова и возвратиться в их донские городки. Туркам было заявлено, что казаки, вопреки царскому запрещению, самовольно взяли Азов.

Турецкие министры плохо верили таким заявлениям. «Помощь казакам от вас: если бы вы им не помогали, они бы давно пропали», — твердили они, но начинать войну сами остерегались. В Турции начинали уже побаиваться Москвы. Православные подданные турецкого султана — валахи (румыны), сербы, болгары и греки — с надеждою смотрели на Москву, единственное тогда свободное и сильное православное государство. Не раз ко двору царя Михаила Федоровича приезжали тайком послы от турецких христиан, просили избавить их от турецкого ига и обещали общее восстание против турок, как только царские рати вступят в пределы Турции. Царь, как мы видели, не хотел начинать сам новой тяжелой войны. Но и турки, видя такое настроение своих подданных-христиан, предпочитали сохранять мир с опасным соседом — Москвой.

Сибирь

В то время как на западном рубеже велись опасные и изнурительные войны, на дальней восточной окраине Московского государства шло движение, во много раз возместившее обидные и тяжелые уступки, ценой которых Русская земля купила мир со Швецией и Польшей.

Русские владения в Сибири доходили в 1613 году до реки Енисея. Два-три десятка русских городков-крепостей были раскиданы по этой огромной области, почти сплошь покрытой дремучими лесами. Вокруг городков теснились «государевы пашенные слободы» — поселки государственных крестьян, переселенных по царскому указу в Сибирь: полудикое туземное население края не знало земледелия, и первое время после завоевания Сибири приходилось подвозить в сибирские города хлеб для прокормления служилых людей из дальних русских городов. При Михаиле Федоровиче подвоз хлеба уже был прекращен — «для того, что в Сибирских городах хлебная пахота учала быть большая, и всякие денежные доходы, и хлебные запасы собираются больше прежних годов».

Помимо государственных — «пашенных крестьян» — шли в Сибирь и вольные переселенцы. Но всего охотнее тянулись туда промышленники-звероловы. Сибирские леса были богаты пушным зверьем дорогих и редких пород: бобры, куницы, темно-бурые лисицы и особенно драгоценный соболь, почти исчезнувший уже тогда в лесах Европейской России. Меха были главным богатством Сибири. Беличьи и собольи шкурки ходили по рукам вместо денег. Ими же платило «ясак» (подать) местное население, бедное и грубое, не знавшее земледелия и питавшееся исключительно охотой.

Бродячие ватаги вогулов, остяков и самоедов, населявшие Сибирь до прихода русских, были мало воинственны и без большого сопротивления покорились русской власти. Опаснее были татары-ногайцы, бывшие прежде господами края и сами бравшие с туземцев ясак. Они были и

воинственные, и более развиты и горды, чем дикари-сибиряки. Покоренные русскими, татары не могли забыть своего прежнего положения, а наследники последнего татарского царя Кучума выбивались из сил, чтобы поднять их против русских и вернуть себе утраченную власть.

Немым знаком к восстанию служили, по сибирскому обычаю, деревянные стрелы с нарезанными на них фигурами 11 шайтанов (чертей): такие стрелы посланцы царевичей-кучумовичей разносили по татарским и остяцким кочевьям. Восстание поднималось чуть не каждый год — то в одном, то в другом углу Сибири. Иногда татарам удавалось привлечь к бунту и остяков или самоедов. На помощь русским городкам приходили обыкновенно туземные же племена, сохранившие верность. Но иногда восстание охватывало чуть не весь край, и тогда русские ратные люди еле отбивались огненным боем из своих городков от вдесятеро сильнейшего врага. Таким тяжелым, тревожным временем были для русской Сибири черные годы смуты, отразившейся и здесь, на далекой окраине.

Русские времён Михаила Фёдоровича

Сын царя Кучума, Ишим, пользуясь замешательством, успел бежать из Москвы, где его держали в плену, и поднял чуть не поголовное восстание во всей Сибири, едва не погубившее слабых городков, затерявшихся в дремучих лесах пустынного края, иногда на 1000 верст один от другого.

С водворением на Руси порядка воеводам молодого царя пришлось и в Сибири вести упорную и долгую борьбу с восстанием, которое то замирало, то разгоралось с новой силой. Только в 1628 году последние татарские отряды были разбиты и русская власть в крае восстановлена вполне.

Царь Михаил заботился, чтобы покорившимся инородцам жилось хорошо. Сибирским воеводам посылались из Москвы строгие указы: обходиться с покоренными туземцами ласково, не взыскивать ясак с больных, которые не могли тот год охотиться; а если кто захочет креститься, — таких принимать на службу и давать им государево жалованье. Таких крещеных инородцев, знавших уже русский язык и записанных в государеву службу, к концу царствования Михаила Фёдоровича набралось несколько тысяч.

Брожение среди коренных сибиряков утихло, зато появился новый опасный враг, от которого приходилось защищать оружием тех же замиренных туземцев — русских подданных. На юге к лесистой равнине Сибири прилегала степь — все та же степь, что с берегов Днестра, через Дон и Волгу перекинулась в Азию, до самого Алтая. В степи кочевали орды калмыков — «калмыцких людей», как их звали.

Калмыцкие люди, такие же дикари-наездники, как их родичи — ногайские и крымские татары, — что ни год приходили набегами грабить ясачных людей, а иной раз сносились и с ногайцами, и с Крымом, и крымский хан не раз обещал прислать им на подмогу тысяч 20 орды — громить государевы сибирские города. Воеводы опасались даже пропустить в Москву послов калмыцких, «чтобы калмыки к Москве пути не узнали, потому что они люди многие и воинские; а прибыли в них нет никакой — люди неученые, безграмотные, и торговать с ними нечем».

Особенно опасно и тревожно было летом, когда служилые люди разбрелись из городов: кто на пашню, кто на охрану промыслов, кто на соляные озера — набирать соль. В городе иной раз всего военной стражи оставалось несколько человек; если приходили калмыцкие послы, то случалось на страх им наряжать стрельцами гулящих людей и давать им для виду деревянные ружья ...

На всю Сибирь приходилось тогда служилых, ратных людей, считая с крещеными служилыми инородцами, меньше 10 тысяч человек. Рассевшись по нехитрым, из дерева рубленным острожкам, эта горсть воинов не только держала в повиновении и защищала от калмыцких набегов все население огромного края, но еще находила в себе силу и мужество для новых завоеваний. Несмотря на весь простор сибирских лесов, в русской Сибири становилось уже тесно для охотничьего промысла. Слышались жалобы, что «у ясачных людей в угодьях зверь выловился: иные многие ясачных людей угодья, где они прежде зверя добывали, стали за русскими людьми, что русских людей в Сибири умножилось, а иные ясачных людей угодья заняты пашнями».. Тесновато было и русским охотникам. А за Енисеем, в Восточной Сибири, расстились те же дремучие леса, сплошная сибирская тайга, еще нетронутая русскою рукою.

Смелые промышленники-звероловы в одиночку или по 3—4 человека, то по рекам на лодках, то на лыжах, то прямо пешком сквозь вековую нерубленную чашу с луком или самопалом за плечом стали пробираться в глубину этого дикого лесного царства. «До тех мест одним летом не дойти, до коих мест ходят промышленные люди, — доносили царю сибирские воеводы, — а там соболи ловятся добрые, и государевой казне от тех промыслов прибыль не малая».

Туземцы — тунгусы, якуты и другие такие же дикари и язычники, как остяки и вогулы Западной Сибири, не всегда мирно встречали пришлецов. Гнали их прочь, грозили побить до последнего человека, иногда и впрямь побивали. Тогда, если место, по рассказам бывалых промышленников, того стоило, — воевода из ближайшего города, иногда за несколько сот верст, высылал на защиту русских охотников «государевых ратных людей с огненным боем». А государевы ратные люди, встретив на «новых земляцах» людей, не плативших ясак, тотчас начинали говорить, «чтобы им быть под царскою высокою рукою, и ясак бы Государю дали». Иногда доходило до драки, но царские люди почти всегда побивали наголову «тех государевых непослушников», брали заложников — «лучших людей», а остальных переписывали в книги и облагали ясаком.

Если новые подданные жили слишком далеко от русского города и трудно было ходить к ним за ясаком, — выбирали удобное место, где можно бы пахать пашню, где были хорошие покосы, вода и рыбная ловля, и рубили на «новой земле» город, или острожок. А из нового острожка опять шли вольные промышленники или сборщики ясака в глубину неведомых лесов, которым конца никто не знал: их манили слухи о неведомой еще им «великой реке Лене, что река та угодна и пространна, и соболей, и иного всякого зверя там много, и лисиц, и бобров, и горностаев».

В 1621 году построен был первый городок на правом берегу Енисея. А в 1631 году по обоим берегам Лены разъезжали посланные из ближних острожков государевы служилые люди, смотрели, «каковы у той реки берега, и есть ли какие угодные места и лес, который бы к судовому и ко всякому делу пригодился, или горы, или степные места, и откуда та река выпала и куда устьем впала, и рыбная ль река». Уже в 1640 году в Москву посланы были подробные чертежи и описание Лены и всех ее притоков и дороги к ним от старых сибирских городов. Берега «великой реки» и Байкала заставились русскими острожками: в 1632 году построен Якутск, в 1635 году Олекминск, в 1638 году Верхоянск, уже далеко восточнее Лены, в 1644 году Нижнеколымск, почти у самой Камчатки ...

За 32 года царствования Михаила Федоровича русские владения в Сибири, словно в возмещение уступок, сделанных на западе шведам и полякам, выросли почти втрое, охватив собою площадь свыше 4 000 000 кв. верст, — целое государство.

Дорогие сибирские меха кормили много тысяч русских промышленников и купцов и составляли главное богатство царской казны. Русский соболь стал известен по всей Европе, и

иностранные купцы на вес золота скупали в Архангельске и Москве драгоценные пушистые шкурки. Соболями царь дарил своих слуг и бояр. Соболями привлекали московские послы иноземных вельмож и министров, жадных до редкого и дорогого подарка.

А русские люди, служилые, пашенные и промышленные, делали в суровой, чужой стране свое суровое, тяжелое дело: шли вперед, рубили новые и новые города и острожки, раздирали пашню, били зверя, добывали в казну ясак, бились насмерть один против десяти с государевыми непослушниками, умирали в лесной глуши за тысячу верст от церкви или часовни; а иной раз, отбившись от неминуемой беды или излечившись от ран, тянулись за тридевять земель — поклониться по обету родным русским святыням или увидеть государевы ясные очи, как и с вольного Дона, и со всех далеких окраин тянулись туда же русские люди. Царский Кремль в Москве, Троице-Сергиева обитель и Соловецкий монастырь были узлами, стянувшими в одно крепкое тело разбредавшийся по необозримым равнинам Европы и Азии русский народ.

Алексей Михайлович. - Начало воссоединения Руси

Польская и Литовская Русь

Царь Михаил Федорович, скончавшийся 12 июля 1645 года, далеко раздвинул пределы государства на востоке и в Сибири. На долю его сына, царя Алексея Михайловича, выпало расширить пределы его на западе, начав возвращение от Польши захваченных ею русских областей.

Вмешательство поляков в смуту и их непримиримая ненависть к Москве не были ни случайными, ни неожиданными. Уже больше двухсот лет Москва и Польша были врагами, и причина вражды была так глубока, что прочный мир был невозможен.

Держава польских королей составила во времена великого князя Дмитрия Донского (в 1386 году) из двух государств: Польского королевства и великого княжества Литовского. Королевство и княжество, однако, имели каждое свои особые законы, свои войска с особыми гетманами (или главнокомандующими) и особое правительство: сейм (собрание выборных от дворянства) и министров; только государь у них был общий и носил двойной титул: короля Польского и великого князя Литовского.

Кровные поляки и литовцы составляли лишь небольшую часть населения этой огромной державы. Большая часть ее (в Литве — около 9/10) состояла из исконных русских земель, захваченных польскими и литовскими государями или добровольно подчинившихся им в тяжелые века татарского ига.

Польша владела богатым Галицким княжеством (Галич, Львов), Холмщиной и западной частью Подолии; Литва — старейшими нашими городами: Полоцком, Смоленском, Черниговом, Владимиром-Волыньским, Луцком, Брацлавом, самим Киевом — древней столицей Русской земли. Вся Белая и Малая Русь входили целиком в состав Литовского великого княжества.

Литовцы — народ воинственный, но малочисленный и менее русских развившийся, — переняли русский язык и законы; русские князья и вельможи занимали в Литве первые места по службе; русские подданные Литвы могли бы смотреть на Литовское княжество, как на свое Русское государство, если бы не разница веры: русское население крепко держалось восточного

православия, литовцы же со времени соединения Литвы с Польшей обращались из язычества, а отчасти и из православия в римско-католическую веру.

Царь Алексей Михайлович (с 1645 по 1676)

Уже в XV веке многие русские князья, жалуясь на обиды со стороны государя -католика, стали отъезжать из Литвы на службу к единоверному великому князю Московскому. Московские великие князья не забыли, что Киев, Смоленск, Волынь принадлежат по праву наследствал им — потомкам Св. Владимира. И когда затем русское население Литвы заволновалось, когда посылались жалобы от него на притеснения православия, — Москва взялась за оружие.

Так началась борьба между Москвой и Польско-Литовским государством, борьба не на жизнь, а на смерть. Польша, отдав свои русский владения, превратилась бы из великой державы в небольшое, слабое государство. Москва, отказавшись от борьбы, отдала бы в жертву злему насилию почти целую половину православного русского народа.

В XVI веке Московские великие князья успели вернуть себе часть своей «вотчины» — Смоленскую и Черниговскую земли. Но эти завоевания были снова потеряны в Смутное время, и государям новой династии приходилось начинать борьбу с начала или помириться с тем, что половина русского народа останется навсегда под властью иноверцев. А польская власть становилась все тяжелее для Западной Руси.

В 1569 году Польское королевство и Литовское великое княжество стараниями и хитростью польских панов более тесным образом были соединены: не только государь, но и сейм стал у них общим. Кроме того, коварством и насилием поляков южная половина русских земель Литвы (Волынь, восточная Подолия и Киевская Украина) была отторгнута от Литвы и подчинена непосредственно Польше. Население этих земель, хотя и стесненное отчасти в своей вере, жило до тех пор все-таки по своим русским исконным обычаям и законам, принятым в Литве. Теперь новое правительство круто стало вводить новые польские законы и порядки. А польские порядки были суровы и тяжелы для простого народа. Владеть землей в Польше могли только дворяне (шляхта), и потому польские короли без стеснения стали раздавать своим «панам» земли, которые принадлежали крестьянам. Крестьяне обращались в крепостных, паны по своей воле перегоняли их, если находили полезным для себя, с насиженной земли на новые участки или обращали на обработку своих «фольварков» (хуторов).

Вдобавок на обиды и насилие от самих панов или их челяди некуда было и жаловаться: в Польше не только знатные паны, но и простые шляхтичи-помещики были так сильны, что даже сам король не мог ничего поделать против их своеволия.

От новых порядков застонала старая русская земля. А вдобавок и гонения за веру со времени известного уже нам Сигизмунда стали так упорны, как никогда не бывали прежде. Митрополит и несколько епископов обманом, будто бы от лица всей церкви, подписали унию — договор о соединении западно-русской церкви с католической под властью римского папы.

Все православное население Руси — и простые крестьяне, и знатные паны — с возмущением отказалось признать введенную обманом унию. Но паны скоро отступились от начатого дела: в польских порядках было для них много выгодного, и соблазн пересилил голос совести. Знатные русские фамилии князей Острожских, Чарторыйских, Вишневецких и др. одна за другой переходили в римско-католическую веру, перенимали польский язык и образ жизни: в них, как говорили тогда, «русские кости обрастали польским мясом». В православии остались мелкие

дворяне, мещане да холопы. Но с простыми людьми польские законы не считались, и теперь против православной Руси правительство католической Польши, паны-католики и изменники-униаты подняли уже открытое жестокое гонение: томили по тюрьмам, насильно обращали православные церкви в униатские, били и оскорбляли духовенство.

А между тем русский народ был главной опорой государства против бесконечных хищных набегов с юга из разбойничьего Крыма: русские земли заслоняли собой со стороны степи и польские, и литовские области. Польскому правительству, как и Московскому, приходилось ограждать свою южную границу цепью каменных замков-крепостей, выдвинутых в степь (Каменец, Брацлав, Белая Церковь, Винница, Бар, Канев, Черкасы). Но самодержавие Московских государей могло каждый год поднимать для защиты сторожевой черты 70 тысяч послушной рати. В Польше же король не имел ни войска, ни денег, ни власти: всем распоряжался сейм. А на сейме паны так скупно отпускали деньги на государственные дела, что иной год коронный (польский) гетман мог выставить на степной границе всего 300 человек и то не дольше, чем на 2—3 месяца. Вся тяжесть татарских набегов падала на население беззащитной русской Украины.

Вокруг королевских сторожевых крепостей и дальше в степи, далеко заходя за их черту, ютились издавна по Днепру и его нижним притокам поселки, хутора и городки малороссийских казаков, таких же вольных степных промышленников — воинов, каких мы видели на Дону: та же бедная, полная лишений и опасности жизнь, те же непрестанные схватки с наездами степного разбойника-татарина, те же беспощадные морские набегии на «басурманскую» Турцию. Главным боевым постом днепровского казачества против татар и турков стала знаменитая Запорожская Сечь. Городок, приютившийся на одном из бесчисленных в этом месте днепровских островов, был почти недоступен для нападения: с берега подойти мешали тонкие трясинны, сплошь заросшие камышом, а на лодках только сами казаки могли пройти не заблудившись среди отмелей, островов и плавней, постоянно менявших свое положение. Горе было турецкому кораблю, посмевавшему зайти в запорожские трупы!

Казаки на Чёрном море

Сюда, на богатые рыбные промыслы шли отборные смельчаки, не боявшиеся тягости дикой, почти звериной жизни. Отсюда выходили все походы и набегии на Турцию. От Запорожья степью недалеко было до донских казачьих городков. Запорожцы и донцы называли друг друга братьями, часто целыми толпами переходили с одной реки на другую и походы начинали сообща: с двух сторон, из Дона и из Днепра, выплывали в Черное море страшные казачьи «човны», и все турецкое побережье стонало от казачьего меча и пылало огнем казачьим.

Казалось бы, поляки должны были дорожить казаками для защиты степной границы, как дорожили в Москве службой и верностью Дона. Вместо того польские власти со слепой жестокостью стали вводить и в степной казачьей Украине свои тяжелые, непривычные русскому люду порядки. Степь год за годом застраивалась все дальше королевскими крепостями. Наезжали паны с королевскими грамотами на владенье вольными казачьими землями. Казаки, кроме 6 тысяч, взятых правительством на службу, объявлены были крепостными новых панов; сейм из года в год издавал законы, грозившие смертной казнью всякому, кто будет называть себя казаком. За панами наехали еврей-арендаторы, и вольные гордые воины-казаки оказались в рабстве не только у пана, а у последнего еврея, которому пан сдавал в аренду с землей и свое право судить холопов и даже казнить их смертью. Заодно с именьями отдавались панами на откуп и православные церкви; не заплатив откупщику, нельзя было ни крестить, ни венчать, ни хоронить, ни помолиться в церкви.

Напрасно более умные из самих поляков стыдили своих, напоминая о заслугах казаков. «Казаки охраняют все христианство, — говорил своим один поляк-писатель, — не имея от вас никакой помощи, они доставляют вам такое спокойствие, как откармливаемым волам. Слава этого народа останется за ним на веки, хотя бы Польша и погибла...»

Напрасно некоторые знатнейшие польские вельможи отстаивали казачьи права и бранились с епископами-униатами, упрекая их за неслыханные насилия, какими вводилась на Украине всем ненавистная уния. «От этой унии всем нам, быть может, суждено погибнуть, — писал один из значительных панов, Сапега, — за нее казаки нас ненавидят, а от их верности больше пользы для края, чем от всей унии».

Для огромного большинства панов, державших в руках сейм, казаки, с их любовью к вольной жизни, с их непокорством, казались опаснее и ненавистнее турок. Войны с Турцией изнеженные и скупые богачи-паны боялись больше всего на свете. В угоду туркам сейм насторого запретил казакам выходить в Черное море. Польское войско ходило нарочно в Запорожье и, овладев Сечью, сожгло все казачьи «човны». Около порогов построена была крепость, чтобы не пропускать на Сечь никаких припасов, особенно толстых бревен, из которых запорожцы могли бы выдолбить себе новые челны. Сильная польская стража вместе с турецкой охраняла устье Днепра и без пощады рубила или выдавала туркам попадавших ей в руки казаков — запорожских или донских, зашедших с моря...

Малороссия и Москва

Чем тяжелее приходилось русскому населению в Польской державе, тем больше росло и крепло в нем сознание, что только у православной Москвы можно искать и найти защиту. Уже в XV веке много русских князей и бояр отъезжало на службу к Московскому великому князю. И в простом народе жива была связь с родной по крови, по вере и по языку Москвой: в XVI веке турки жаловались польскому королю, что его подданные — каневские и черкасские казаки — мешают татарам грабить московские окраины, давая знать в Москву о всяком движении орды.

Однако в войнах с Москвой казаки долгое время служили как верные подданные польской короне. По всей Польше едва ли не они одни были по-настоящему верны королю. Паны же своевольничали, изменяли, восставали против короля и называли это своею вольностью.

Наконец нестерпимые притеснения правительства, панов и униатов надломили верноподданническое настроение Малороссии. Целый ряд страшных кровавых восстаний потрясал Украину.

Казачий гетман Сагайдачный в последний раз попытался верной службой добиться от правительства справедливости к казакам. В 1621 году, в дни страшного нашествия на Польшу 300-тысячной турецкой армии, казачьи сабли в кровавой битве под Хотинском спасли Польшу: разбитое турецкое войско со стыдом отступило. Польское правительство могло выставить в этой битве против турков только тридцать тысяч, а казаков в ней было сорок тысяч.

Напуганное страшной опасностью королевское правительство обещало признать митрополита и епископов, поставленных для православных в Киеве Иерусалимским патриархом Феофаном, и утвердить за казаками их старые вольности. Но гроза прошла, Сагайдачный в следующем году умер от ран, полученных под Хотинском, и польское правительство забыло о своих обещаниях.

Это вероломство убило последнюю надежду на примирение. Еще при жизни Сагайдачного патриарх Феофан навсегда запретил казакам ходить войной на православную Москву. Сам

Сагайдачный, не вполне доверяя польским обещаниям, засылал к царю Михаилу Федоровичу послов. Но в Москве помнили еще казачьи грабежи в годы смуты и послов не допустили перед царские очи.

После смерти Сагайдачного, когда вероломство поляков стало явно, Киевский митрополит Иов отправил в Москву в 1625 году новое посольство со слезной челобитной — принять Малороссию под защиту. О том же просили послы из Запорожья, пришедшие с повинною за свои грабежи в Смутное время. О том же писали царю монахи нескольких православных монастырей. «Мы все под государевою рукою быть хотим. А кроме Государя нам деться некуда», — говорили в один голос все послы.

Запорожцев государь пожаловал: отпустил им старые их преступления против его благочестивого государства и впредь обещал им того не поминать. Относительно же подданства в Москве были осторожны: послам обещана была прямая помощь тогда, когда вправду станет видно, что весь народ того хочет. А до того позволено желающим переселяться на царские земли.

Восстания в Малороссии продолжались — одно страшнее другого. Поляки, подавив восстание, жестоко расправлялись с побежденными. Казаки десятками тысяч, с женами и детьми, бежали за Московский рубеж и селились вокруг царских городов — Ливен, Новосила, Мценска, Оскола, Воронежа, Деделова, Рьльска, Путивля, Курска, Севска. Поляки настойчиво требовали выдачи беглецов и жаловались, что «царь де их на службу принимает, а надобно было бы, чтобы и колыто те уже подгнили, на которых они бы посажены были...» Из Москвы был неизменный ответ: такого договора, чтобы выдавать беглецов, нет между Москвой и Польшей.

Весной 1648 года из Запорожья поднялось новое восстание. Во главе восстания стал умный и ученый, посевший в боях казак Богдан Хмельницкий. Казаки толковали, что он имел на то разрешение от самого короля. Король Владислав хотел воевать с Турцией и помощи ждал не от польских панов, а от казаков. Говорили, что он прислал Хмельницкому деньги на постройку челнов и велел запорожцам быть готовыми по его слову выступить в поход; а на жалобы казаков, что паны их притесняют всякими обидами, он отвечал: «Есть у вас сабли, так обидчикам не поддавайтесь и кривды свои мстите саблями». Своевольные паны и самому королю были противны, а силы против них, кроме казачьих сабель, у короля не было.

Опытный и хитрый старик Хмельницкий мастерски подготовил восстание. Он успел даже заключить тайный союз с крымским ханом, и тот выслал ему на помощь татарскую орду.

Восстание началось очень удачно. Польские войска были побиты наголову, двое гетманов попали в плен. Восстание охватило всю Украину. Крепостные «холопы» чуть не поголовно взяли за оружие и толпами стекались под знамена Хмельницкого, сила которого росла с каждым днем. «Каждый холоп — наш враг, — в отчаянии писали поляки, — каждое селение мы должны считать отрядом неприятельским». Особенно пугало поляков невиданное ожесточение восставших: ни одного изменника или шпиона не могли они найти среди них, пленные казаки давали себя сжечь, а не говорили ничего.

Король Владислав умер в разгаре восстания, когда вся Украина залита была кровью. Избранный на престол блат его Ян-Казимир тоже благоволил к казакам, помня их прежнюю верную службу, и упрекал своих панов за то что они своими притеснениями довели казаков до восстания.

Но паны так же мало слушались нового короля, как и умершего Владислава. «Лучше умереть, чем казакам и холопам в чем-нибудь уступить, — кричали они, — либо казаков истребим, либо они нас истребят!» Вместо уступок и примирения сейм объявил поголовное ополчение для войны

с казаками. Новое войско польское было разбито казаками наголову. Ужас охватил всю Польшу. «Казнь Божья на нас, — говорили всюду, — чего никогда не был, везде казаки нас побивают». Сам Богдан ожесточился и не хотел больше слышать о мире. «Выбью из польской неволи народ русский весь. Вся чернь, по Люблин и по Краков, поднимется за меня, — грозил он, — лучше голову сложить, чем возвратиться в неволю».

По всей Украине поляки и евреи были перерезаны чуть не до последнего человека. Казаки всюду устраивали свое управление да свои казачьи суды и порядки. «Пусть ни одного шляхтича не будет на Украине, — говорили они, — а который захочет с нами хлеб есть, пусть будет послушен войску Запорожскому, а на короля не брыкает. Пусть король будет королем: провинится князь — режь ему шею; провинится казак — и ему тоже; вот будет правда».

Польское войско больше не существовало. Сам король в последней битве чуть не попал в плен. Насмерть перепуганные поляки сами запросили мира, и Хмельницкий имел слабость согласиться. Правда, мир был выгоден для казаков: число их вместо 6 тысяч было установлено в 40 тысяч, Киевский митрополит православный был допущен в польский сенат и евреи изгнаны из казачьих городков и местечек. «От них все зло, — говорили казаки полякам, — они и вас с ума свели». Но все же не такого мира ждала Украина: никто из восставших не хотел возвратиться в рабство к своему пану, не 40 тысяч, а все хотели быть казаками и жить не по польским, а по казачьим законам. В народе начался ропот, Хмельницкого называли изменником. Началось новое восстание. Богдан опять стал во главе народа, но со своим неудачным миром он упустил время: за два года поляки собрались с силами и, главное, успели подкупить подарками крымского хана. Хан со своей ордой изменил Хмельницкому во время самой битвы, и казаки потерпели страшное поражение. Началась обычная у поляков расправа с побежденными. Опять знакомой дорогой потянулись толпы беглецов на восток, в Московские пределы. Оставшиеся мещане, казаки и крестьяне роптали от страшного разорения, причиненного долгой войной, и требовали, чтобы гетман просил подданства у Московского царя: в Москве вера одна у всех, и междоусобной войны не бывает. Хмельницкий и сам много раз засылал послов в Москву, просил помощи на поляков и обещал от всего войска верную службу и подданство государю. В Польше все время боялись выступления Москвы и с опаской посматривали на царские войска, стоявшие на границе: «Одна кровь, одна вера», — рассуждали поляки. Пока казаки сами справлялись с врагами, в Москве медлили, не видя нужды разрывать мир с Польшей, только принимали беглецов под защиту да в голодные годы посылали хлеба в малороссийские города. Но в начале 1653 года прибыли в Москву новые послы от Хмельницкого с известием, что поляки вконец опустошают и губят несчастную Украину, и с последней мольбой о помощи. Молодой царь Алексей Михайлович созвал на совет своих бояр. 14 марта 1653 года «совершился Государская мысль в сем деле»: царь решил принять Малороссию под свою высокую руку.

Осенью 1653 года собрался в Москве земский собор. Выслушав изложение дела, люди всех чинов на соборе решили так: гетмана Богдана Хмельницкого и все Запорожское войско с их городами и землями чтобы изволил государь принять под свою высокую руку; польский король, притесняя православную веру, нарушил этим договорную присягу, и потому его подданные-казаки тоже свободны от своей присяги и вольны передаться, кому хотят. С объявлением царской воли отправилось в Малороссию особое посольство. Во всех городах его встречали колокольным звоном, крестными ходами, хлебом-солью.

8 января 1654 года в городе Переяславле собралась казачья «рада» (сход). Гетман Хмельницкий объявил народу, что царь склонился на шестилетние непрестанные моления и согласен принять под свою высокую руку Запорожское войско, если войско доброй волей того хочет. Весь народ единодушно воскликнул: «Волим под Царя восточного, православного. Боже, утврди! Боже, укрепи! Чтобы мы вовеки все едины были!»

Гетман, полковники и весь народ торжественно целовали крест на верность государю.

Война с Польшей

В Москве между тем готовились к войне. Уже летом 1653 года дворянство было созвано на государеву службу, и царь лично делал смотр полкам. 23 октября в Успенском соборе прочитано было объявление о войне с Польшей. В самом начале 1654 года началось движение войск к литовской границе. 23 апреля был во дворце торжественный отпуск князя Трубецкого, назначенного главным воеводой. После богослужения и пира царь Алексей Михайлович сказал Трубецкому напутственное слово — милостивый и грозный приказ и, взяв обеими руками, прижал к своей груди и поцеловал седую голову воеводы. Старый воин расплакался и начал кланяться царю в землю. Скоро стало известно, что государь сам идет с войском, чтобы «радость и нужду всяку принимать вместе». Великое одушевление господствовало в полках: шли защищать от врага русскую кровь и православную веру, последнему воину были известны обиды, терпимые в Польше русскими людьми. Патриарх и духовенство кропили выступавшие полки святой водой. Многие воины плакали, глядя на государя и слушая его слова.

В конце мая царские полки перешли литовскую границу и вступили в пределы Белоруссии. Русское население этого края хотя и не примкнуло прямо к движению в Малороссии, но сильно волновалось, следя за ходом войны. Теперь при появлении московских войск белорусские города один за другим стали сдаваться без бою на царское имя. «Мужики очень нам враждебны, — писали перепуганные поляки, — надо опасаться чего-нибудь вроде казацкой войны». С юга в Белоруссию вторглись казачьи отряды Хмельницкого. Князь Трубецкой наголову разбил около Борисова польское войско; одних полковников взято было в плен 12.

23 сентября после трехмесячной осады сдался Смоленск. Литовские воеводы, выходя из города, слагали свои знамена к ногам Алексея Михайловича. К зиме вся Белоруссия занята была крепко царскими войсками. Летом 1655 года война возобновилась. Царские войска повели наступление на самую Литву. В августе взята была столица Литвы — Вильно, и Алексей Михайлович к титулу царя и самодержца Великой, Малой и Белой России присоединил титул великого князя Литовского.

Богдан Хмельницкий, подкрепленный московскими полками, занял тем временем не только всю Украину, но и Галицкую Русь.

Красная площадь и Кремль в Москве

Такими блестящими успехами начата была война за великое народное дело.

Эти успехи взволновали весь православный люд, живший под властью турок. Опять пошли в Москву послы из Румынии, из подвластных Турции греческих и славянских земель, из далекой Грузии: все просили царя принять их в свое подданство, «чтобы совокупилось все христианство воедино», все просили царского войска себе на помощь, чтобы восстать против поработителей-мусульман. Страдания православных народов под тяжелым турецким игом глубоко огорчали и трогали царя. Всей душой стремился он освободить и их. Заветной его мечтою было — увидеть в Софийском соборе в Константинополе торжественное богослужение, совершенное Московским патриархом совместно с четырьмя патриархами православного Востока. Но дела складывались так, что он не мог рассылать свои войска на Кавказ и Турцию.

Присоединение Малороссии, Белоруссии и Литвы к Московскому царству испугало европейские державы, следившие ревниво, чтобы Москва не усилилась слишком на счет Польши. Первые вмешались шведы: они напали также на обессиленную Польшу, и шведский король Карл, взяв Варшаву, провозгласил себя королем польским. Многие польские и литовские вельможи присягнули ему. Карл обещал полякам вернуть все земли и города, отнятые русскими. Между русскими и шведами начались столкновения, перешедшие затем в открытую войну. В то же время к царю явились послы от австрийского императора: они убеждали Алексея Михайловича отказаться от дальнейших завоеваний в Литве, поставляя ему на вид, что поляки готовы теперь же, при жизни Яна-Казимира, избрать его наследником Польского королевства. Поляки, со своей стороны, убеждали царя в том же.

В Москве хорошо знали цену польским обещаниям: недаром, заключая с поляками какой-нибудь договор, приказывали послам зорко следить, чтобы король действительно поцеловал крест, а не блюдо около креста. Но на этот раз предстоящая тяжелая война со шведами и казавшиеся искренними уверения польских вельмож склонили царя Алексея Михайловича на приостановку дальнейших военных действий против Польши; паны съезжались на съезд и готовились, по-видимому, к избранию Алексея Михайловича в короли.

Война со шведами пошла не очень удачно. Несмотря на все старания царей Михаила и Алексея, русское войско все еще далеко уступало шведскому и в вооружении, и в военном искусстве. А тем временем поднялась смута в Малороссии.

Приняв Малороссию в свое подданство, Алексей Михайлович оставил ей ее старое привычное управление: население делилось на полки, казаки сами выбирали себе полковников, есаулов и всю «старшину» (начальство); во главе Малороссии стоял тоже выборный гетман. Но в населении Украины скоро обнаружился раскол. Управление выборной старшины вызывало горькие жалобы со стороны мещан, на которых казаки смотрели с презрением, как на людей невоенных, и нередко обижали и грабили, а казачья старшина не давала мещанину суда и управы против казака. Мещане роптали и слали царю челобитную за челобитной, чтобы он прислал в города для защиты и управления своих воевод. Сами казаки тоже не могли поладить между собой. Полковники и вся старшина привыкали понемногу смотреть на себя, как на панов, а на простых казаков — как на своих холопов. Пользуясь властью, они отписывали себе из войсковых земель большие имения, богатели, заводили крепостных. Простое казачество роптало, иногда поднимало бунты. Еще при жизни старика Богдана поддерживался кое-как порядок. Но в 1657 году Хмельницкий умер — и началась полная неурядица. Против нового гетмана Выговского начали восставать его же полковники. Для усмирения их гетман вызвал татар, и пошло междуусобие. Царский посол Кикин старался как-нибудь примирить казаков. Когда гетман хотел штурмовать непокорную ему Полтаву, Кикин заставил его поклясться, что он не позволит своим союзникам-татарам грабить христианский город. Полтава была взята. Начался повальный грабеж. «Где ж твоя клятва?» — спросил Кикин. Гетман устыдился и велел казакам отогнать татар от города.

Среди общей усобицы началась уже и прямая измена. Гетману и полковникам польские порядки нравились больше казачьих и московских: им самим хотелось быть панями, а нигде паны не имели такой воли и такого почета, как в Польше. Тот же Выговский заключил с поляками тайный договор и стал исподволь возбуждать казаков против Москвы. Нашлись такие, которые пошли за старшиной и передались опять Польше, забывая о клятве на Переяславской раде. Надеясь на то, что Москва занята шведской войной и малороссийской смутой, польский сейм и не подумал избирать на престол царя Алексея, а вместо того стал собирать против него войска.

Военное счастье изменило русским. В 1659 году изменник Выговский с татарами нанес московским воеводам поражение под Конотопом. Лучшие дворянские полки погибли в этой

несчастной битве. Воевода князь Пожарский, взятый в плен, был обезглавлен татарами за то, что плюнул в лицо хану, хвалившемуся своей победой.

Польские и литовские войска, собравшись с силами за четыре года перемирия, тоже открыли военные действия. В 1661 году сам король с огромными силами осадил и взял Вильну. Воевода князь Мышецкий защищал город геройски, отбивая приступ за приступом и без пощады рубя голову всякому, кто заговаривал о сдаче. Наконец, когда всего гарнизону осталось 78 человек, измученных голодом, поляки ворвались в крепость. Воевода бросился в пороховой погреб, чтобы взорвать всю крепость на воздух, но не успел и был схвачен.

Приведенный к королю, он не захотел поклониться. Его спрашивали: какой милости хочет он от короля? «Никакого милосердия от короля не требую, а желаю себе смерти», — ответил князь. Поляки, вопреки всем военным обычаям, казнили храброго воеводу.

Со шведами мир заключен был в 1661 году, но война в Литве и в Малороссии затянулась еще на 6 лет. Неурядица в Малороссии все росла. Всякие выборы гетмана сопровождались жестоким побоищем на раде. Партия, поставившая своего гетмана, тут же начинала грабить и казнить будто бы за какую-то измену негодных ей казаков. Доносы на всякого избранного гетмана так и сыпались в Москву. Не знали, кому верить. «Где и под страхом живут — и там без плута не бывает, а у нас в малороссийских городах вольность: если бы государевой милости ко мне не было, то у них бы на всякий год было по десяти гетманов», — жаловался один гетман. Старшина жаловалась на своеволие простых людей, а те жаловались на корыстолюбие старшины. В Малороссии все больше привыкали полагаться на государеву милость: сами гетманы выпрашивали себе московских солдат для охраны, выпрашивали войска для обуздания своих слушников, были рады, когда получали боярский чин...

Среди неурядицы, раздоров и измены в среде старшины огромная масса простого казачества и мещанства хранила верность добровольно избранному православному царю. Особенно старики, помнившие польские порядки, боялись восстановления их и благословляли царя, который поборов не требует, а начав войну, сам и своего здоровья за них не жалеет.

После несчастной битвы под Конотопом польский полководец Потоцкий доносил королю: «Не изволь ожидать для себя ничего доброго от здешнего края. Все жители здешние скоро опять будут Московскими: они того хотят и только ждут случая, чтобы достигнуть желаемого».

Война затягивалась, поражения и победы сменяли друг друга, силы России и Польши истощались, а несчастная Малороссия, раздираемая двадцатилетней смутой, превращалась почти в пустыню. Наконец начались переговоры о мире. Польские послы упрямылись и требовали, чтобы им были отданы целиком белорусские и малорусские земли, бывшие за ними до 1654 года. Русские предлагали вернуть полякам западную половину Малороссии (по Днепр), сохранив за собой восточную. Главный русский посол боярин Ордин-Нащокин советовал даже царю вовсе отказаться от Малороссии и в союзе с поляками напасть на Швецию. Но для доброго и набожного Алексея Михайловича защита православной Малороссии была дороже, чем выгодные завоевания от шведов. Даже половину Малороссии уступал он с болью, от крайней нужды, отдать же всю целиком под иго иноверцев он считал непростительным грехом: «Какое оправдание примем мы, если допустим это?» — писал он Нащокину.

Поляки пошли на уступки. В селе Андрусове осенью 1667 года заключено было перемирие. За Россией остались Смоленская и Черниговско-Северская области. Границей русских и польских владений на Украине указан был Днепр. На правом берегу Днепра русские сохранили Киев с обязательством вернуть его Польше через два года. Таким образом, Алексей Михайлович не только возвратил России то, что было уступлено Польше после Смутного времени, но и сделал

новое ценное земельное приобретение на юге: приобрел левобережную польскую Украину, называвшуюся с этого времени Гетманской Украиной (нынешние Полтавская и южная часть Черниговской губернии).

Гетманская Украина быстро оправилась от разорительной войны. Население ее с каждым годом становилось все гуще: сюда во множестве бежали с правого берега Днепра крестьяне и казаки, не желавшие подчиняться польским порядкам. Новые города вырастали один за другим. Черноземная земля давала богатые урожаи. Гетманская Украина бойко торговала хлебом и скотом, сбывая их в Польшу, в немецкие земли и в Москву. Быстро поднявшийся Нежин стал большим торговым городом: через него шла вся торговля Московских южных городов с Турцией; сюда свозились во множестве товары из Москвы, из Польши, из Константинополя, из Запорожья, с Дона. Так быстро заселилась и разбогатела эта благословенная Богом страна, освобожденная русским оружием от тяжелого иноверного ига.

Старому Киеву — матери русских городов — не пришлось больше быть под польской властью. Не прошло назначенных двух лет, как правобережная (польская) Украина восстала против Польши и поддалась турецкому султану. Огромное турецкое и татарское войско надвинулось на Польшу с юга. Лучшие польские крепости пали одна за другой. Польша не могла бороться и поспешила заключить с Турцией мир, которым уступила ей свою (западную) половину Украины. Теперь уже не было речи о том, чтобы отдавать Киев полякам: надо было защищать его от турок. Казаки западной стороны, сами призвавшие турок, теперь опять волновались и роптали, видя, как татары грабили что попало под руку, мостили улицы иконами и продавали в рабство казачьих жен и детей. В марте 1674 года в Переяславле съехались на раду полковники всех малороссийских полков и восточной (московской), и западной (турецкой) сторон и избрали общего гетмана — Ивана Самойловича. Западные полковники снова присягнули на верность царю Алексею Михайловичу.

Царские войска вместе с казачьими заняли главный город западной Украины — Чигирин.

Едва успели московские ратные люди разойтись по домам после Андрусовского перемирия, как снова были созваны под знамена. Опять, как 20 лет назад, москвичи сбегались толпами смотреть на царские рати, выступавшие к Украине — на этот раз против «турских людей», с любопытством и гордостью смотрели на сильную артиллерию: никогда в Москве не видали таких больших и хороших пушек, так ловко прилаженной упряжи. Опытные люди говорили, что против таких пушек «турским людям» не устоять.

Среди военных приготовлений скончался Алексей Михайлович. Молодой царь Федор принял престол в тревожное время. Уже летом 1677 года загремела снова пальба по всей Украине: татары и турки осаждали Чигирин. Но русские пушки не обманули надежд: сильное турецкое войско бежало, бросая по дороге обоз, оружие, тысячи трупов.

Через год бесчисленные рати снова наводнили западную Украину. На этот раз Чигирин не устоял: его земляные стены были взорваны турецкими подкопами, и остатки русского войска оружием пробили себе дорогу и отступили, оставляя туркам дымящиеся развалины бывшего города. Но и турки, потерявшие под Чигирином третью часть своей стотысячной рати, не посмели двинуться ни к Киеву, ни на левый берег Днепра и завели переговоры о мире. О Западной Украине, занятой турецкими войсками, спорить не стоило. От тридцатилетней польской и турецкой войны она превратилась в пустыню. Города лежали в развалинах, население чуть не до последнего человека перебежало за Днепр, в московские владения, и степь на юге от царских украинских городов густо покрылась городками и поселками малороссов-переселенцев. С течением времени в этой части южной степи (в нынешних Харьковской и отчасти Курской и

Воронежской губерниях) образовалась Слободская Украина, или Слободские украинские полки, взявшие на себя защиту Русской земли от крымских и иных татар.

В 1681 году мир с Турцией был заключен. Подолия и западная Украина остались за Турцией, в их безлюдных теперь степях стали кочевать татарские орды с их стадами. Киев и восточная Малороссия, а также и самый Днепр и его притоки с богатыми рыбными промыслами навсегда были закреплены за Россией. От Киева еще раньше (в 1678 году) Польша отказалась, получив взамен его в Белоруссии Себежский, Невельский и Велижский уезды.

Так кончилась долгая кровавая война за соединение в единое православное государство великого русского народа. Польша, обессиленная поражениями и потерей всей Украины, раздираемая вечно внутренней смутой, была больше не опасна. Зато новый грозный враг — страшная для всей Европы Турция — придвинулся к самым границам Московского государства.

Заботы о внутреннем благоустройстве государства

Успокоение земли

Царю Михаилу Русское государство досталось в печальном состоянии. Не только опасные внешние враги угрожали стране, но и внутри много было неурядиц. К молодому государю отовсюду шли жалобы на разорение. Действительно, за долгие годы смуты население совершенно обнищало. «Денег Твоему Государеву Величеству, — пишет коломенский воевода, — собрать нельзя, не с кого». Рязанский архиепископ доносит государю, что вотчины и поместья рязанских дворян разорены до конца, дома их выжжены, крестьяне уведены. Такие же точно вести приходили и из других мест. Там, где население бедствовало особенно сильно, с него не взыскивали податей и недоимок: так, Новгородская область после ее возвращения от шведов была освобождена на три года от всяких податей. Но такие льготы нельзя было широко распространять: в казне денег было мало, а деньги были неотложно нужны и для войн со Швецией и Польшей, и для внутреннего порядка.

Вскоре после вступления Михаила Федоровича на престол, по решению земского собора, был установлен сбор «пятой деньги» с торговых и иных более состоятельных людей, т. е. потребована была пятая часть их доходов. И этот сбор производился два года подряд. В то же время увеличены были налоги и с остального населения.

До смуты существовали государственные писцовые книги, на основании которых власти могли равномерно распределять налоги. Но теперь эти старые писцовые книги уже не годились: во время смуты много людей совершенно разорилось, целые деревни и села запустели. Приходилось поэтому составлять новые книги, а для того, чтобы определить, где и в каком положении сохранилось население, отправлены были из Москвы особые «дозорщики». Но эти дозорщики вели дело плохо: частью по незнанию, а иногда ради взяток показывали, что в том или другом селе «дворишки все стоят пусты», тогда как жители там были. Поэтому через несколько лет после возвращения в Москву отца государя были посланы новые дозорщики и писцы для составления писцовых книг. И тем и другим было запрещено под страхом жестокого наказания брать взятки; такому же наказанию подвергались и те лица, которые давали взятки или неверные показания о своем имуществе. Кроме налогов государева казна пополнялась иногда и добровольными пожертвованиями людей, радевших о благе Родины. Среди них особенно выделялись Строгановы, владевшие соляными промыслами на Урале, с них приходилось подати 13 000 р., но

государь и земский собор просили их порадеть о церкви и Родине, заплатить 40 000 рублей, и Строгановы заплатили.

Кроме страшного разорения народ нередко страдал еще от злоупотреблений воевод, дьяков и подьячих. Привыкнув бесчинствовать и насильничать во время смуты, они не могли сразу отрешиться от неправды, они грабили и разоряли население, брали с него больше, чем было положено. Так поступали не только назначенные из Москвы воеводы, но и избранные самим населением старосты.

С возвращением в 1619 году отца государя митрополита Филарета, поставленного тогда же в патриархи, явилась давножданная помощь молодому царю в управлении государством. Сразу же почувствовалась опытная и твердая рука человека, которого не сломили ни притеснения Бориса Годунова, ни долгий мучительный польский плен. Бояре делали доклады о государственных делах и царю, и патриарху. Им обоим представлялись и иностранные послы. В государственных грамотах этого времени видим рядом два имени: «Государь Царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси с отцом своим великим Государем Святейшим Патриархом Филаретом Никитичем Московским и всея Руси». 14 лет так и шло до смерти патриарха, последовавшей в 1633 году. Про патриарха Филарета один из современников говорит, что он «не только слово Божие исправлял, но и земскими делами всеми правил, многих освободил от насилия... Кто служил в безгосударное время и был не пожалован, тех всех он взыскал и пожаловал». Напротив, он был суров по отношению к провинившимся и вместе с тем настолько был справедлив, что не щадил и своих родственников: так, племянники его Салтыковы, избличенные в разных злоупотреблениях, были наказаны и сосланы в отдаленные города.

В непрестанных заботах о насаждении порядка и уничтожении тяжелых последствий пережитой смуты царь и патриарх настойчиво искореняли всякого рода несправедливости и насилия. На одном из земских соборов они возвестили о своей непреклонной воле, чтобы «все люди государства, Божиею милостью и их царским призрением, жили в покое, мире и радости».

Царю и патриарху со всех сторон подавали челобитья на бояр и всяких других чинов людей за их насильства и обиды. Для защиты обиженных был учрежден приказ Сыскных Дел (приказами тогда назывались высшие учреждения в Москве, которые заведовали теми или другими государственными делами). Во главе этого приказа были поставлены близкие государю и патриарху люди, князья Черкасский и Мезецкий, которые должны были принимать жалобы и «накрепко по этим делам сыскивать».

Однако уничтожить сразу притеснения и насилия было трудно. В приказы проникло немало неблагонадежных людей, особенно из числа бывших тушинцев. Искоренить дурные внутренние плоды смуты было очень трудно; но Филарет Никитич все, что мог, сделал для того, чтобы их искоренить. Благодаря мудрой деятельности его, начало расти общее доверие к правительственной власти, и царская власть, пошатнувшаяся в Смутное время, окрепла и возвратилась к своей прежней силе.

Помимо забот о справедливом распределении податей и повинностей и борьбы с насильниками, царь и патриарх заботились всемерно о благоустройстве государства. Со времени смуты многие города лежали в развалинах. В самой Москве, когда в нее вступил новый государь, царские палаты стояли без крыш. Кроме того, Москва и другие города сильно страдали от пожаров. Столица горела при царе Михаиле Федоровиче три раза: в 1626, 1629 и 1634 годах. Для борьбы с пожарами стали принимать строгие меры. По приказу государя, особый «объезжий голова» ежедневно должен был по нескольку раз осматривать свой участок, следить за пожарными сторожами и ловить поджигателей. В Москве в это время уже содержались

постоянные пожарные обозы с сотнями лошадей. Все эти меры оказались действительны, и после 1634 года таких страшных пожаров уже не было.

Государь проявил большую заботу о восстановлении из развалин Москвы и других городов. В Москве деревянные стены, шедшие вокруг города, были заменены большим валом, многие деревянные церкви были перестроены в каменные. Были возобновлены разрушенный поляками Печатный двор и Царская библиотека, почти уничтоженная во время лихолетья. Для этого из многих монастырей брались в нее такие книги, которых там было несколько, а с редких книг делались для нее особые списки. Отчасти благодаря этой книжной заботе возродилась вновь и русская письменность: появляются замечательные труды Авраамия Палицына — «Сказание об осаде Троице-Сергиева Монастыря» и Симона Азарьина — «Житие преподобного Сергия». Строились укрепления и храмы и в других городах.

Все эти многочисленные работы и необходимые улучшения в разных областях жизни нельзя было исполнить одними своими мастерами. Приходилось поневоле обращаться в иностранные государства, где среди внутреннего мира, упорного труда и процветания наук и развились и достигли преуспевания разного рода искусства и ремесла. Иностранные мастера, главным образом немцы, голландцы и отчасти англичане, устраивали у нас различные фабрики. Особенно нужны были для государства литейных дел мастера и так называемые «рудознатцы», т. е. люди, умевшие отыскивать железную, медную и всякого рода другую руду. Их царь Михаил Федорович усиленно призывал из-за границы. Среди этих иноземцев особенно прославился голландец Андрей Виниус, который по приказанию царя основал чугунно-плавильный завод близ Тулы. Этим самым царь положил основание Тульскому оружейному заводу. Наряду с иностранными мастерами нам в это время приходилось иметь дело и с иноземными купцами, которые усиленно ходатайствовали перед царем о даровании им разного рода льгот. Как ни трудно было положение Московского государства в то время, однако власти крепко обороняли своих торговцев от соперничества иностранцев.

Таковы были главные меры царя Михаила Федоровича для внутреннего благоустройства разоренного смутой государства. Надо отметить одну особенность: почти всегда царь, прежде чем предпринять что-нибудь важное, созывал земский собор, т. е. выборных от разных чинов людей, у которых спрашивал мнение относительно того или другого дела. Выборные, посоветовавшись по сословиям (отдельно служилые люди, купцы и другие), подавали царю свою челобитную, в которой представляли ответ на царские вопросы. Царь мог принять мнение земского собора, но мог и не принять и поступить так, как он находил для государства лучше. Почти всякие челобитные земского собора кончались заявлением: «Мы думаем то-то и то-то, а впрочем во всем Твоя Государева воля».

Москвичи

Благодаря земским соборам царь мог хорошо знать нужды населения и принимать необходимые меры для блага родной страны. При царе Михаиле Федоровиче земские соборы созывались особенно часто и иногда заседали по несколько лет подряд. Это вполне понятно, так как ввиду всеобщего расстройству царю нужно было постоянное содействие со стороны земских людей. Впоследствии при преемнике Михаила Федоровича ввиду укрепления порядка в государстве, большего ознакомления московских властей с народными потребностями и, наконец, благодаря тому, что царская воля была уже выражена в точных писанных законах, земские соборы собираются реже. Первые государи из дома Романовых в трудные времена жизни государства постоянно обращались к своему народу, видя в своем единении с ним залог укрепления мощи государственной, и земля Русская через уполномоченных своих всегда горячо отзывалась на

царский призыв: народ был готов пожертвовать всем на благо Родины и во славу своего государя. Искоренение смуты, укрепление в государстве порядка, установление власти сильной и справедливой шли на пользу земли, и русские люди не могли этого не понимать.

Время царя Алексея Михайловича

Царь Алексей Михайлович вступил на престол шестнадцати лет.

Царь был юноша живой, впечатлительный, всем интересовавшийся. Он прекрасно знал Священное Писание и русские летописи, не был чужд и иноземной светской науке. Мать его царица Евдокия Лукьяновна только пятью неделями пережила своего царственного супруга. Около юного царя не было верного и честного человека, на которого он мог бы опереться и который помогал бы ему своей опытностью, знанием жизни и людей. Появились снова недобросовестные люди, которые больше заботились о своей личной выгоде, чем о пользе государства. Таким оказался и воспитатель молодого царя, ближний боярин Морозов, который даже породнился с государем, женившись на младшей сестре его супруги. Морозов был человек даровитый и по тому времени образованный, но, достигнув высокого положения, стал злоупотреблять царским доверием. Еще более своекорыстным человеком оказался царский тесть боярин Милославский. Деятельность этих лиц не могла привести к добру, и снова смута пошла по Русской земле. В 1648 году в Москве произошел мятеж. Еще за два года перед этим московские торговые люди из гостиной и суконной сотен, а также люди черных сотен (так назывались в Москве мелкие купцы и ремесленники) подали царю челобитную, в которой жаловались на торговых иноземцев, особенно англичан, получивших благодаря взяткам многие льготы и преимущества.

Русские купцы писали царю, что в прежнее царствование дана была грамота одному только англичанину Джону Мерику с товарищами — торговать по всем городам русским, а теперь в Русское государство, во все города понаехало великое множество иноземных купцов. При помощи взяток им удается — жаловались купцы — привозить товары почти без пошлины, чем для государевой казны чинятся великие убытки. Наконец, челобитчики указывали, что среди русских торговцев находились предприимчивые люди, которые возили сами за границу свои товары (собольи и другие меха), но иностранцы там у них не покупали товару ни на одну копейку и, смеясь, говорили, что они хотят этим отбить у русских купцов охоту самим продавать свой товар.

Однако челобитье не имело успеха, так как иностранным купцам покровительствовали сильные люди, особенно боярин Морозов. Отказ в просьбе взволновал московских торговых людей. Еще более усилилось народное недовольство после введения прибавочной пошлины на соль. Все эти невыгодные для населения меры приписывали царскому воспитателю и окольным Плещееву и Траханиотову.

1 июня 1648 года при возвращении царя в Москву из Троицкой обители, при самом въезде царя в Кремль, перед Спасскими воротами его остановила толпа московских жителей, которые просили управы на Плещеева. После милостивых слов царя толпа уже готова была разойтись, но грубые действия некоторых бояр вызвали вспышку: толпа потребовала выдачи Морозова и разграбила его дом, равно как и дома других знатных людей, запятнавших себя корыстолюбием. Затем и в следующие дни толпа продолжала бесчинствовать. Царь, удостоверившись в злоупотреблениях Плещеева и Траханиотова, велел предать их казни, патриарх же совместно с другими духовными лицами увещевал народ успокоиться.

Когда волнение несколько утихло, царь 6 июня торжественно вышел на Лобное место и обратился к народу с трогательным словом, говорил, что он теперь взял все дела в свои руки и не даст воли злым людям. Вместе с тем он сказал, что народу нужно отнестись снисходительно к Морозову, который заботился о царе в отроческие его годы.

Народ покрыл слова государя громким криком: «Многие лета Царю нашему».

Так кончился этот мятеж в Москве. Волнения возникают и в других городах. Так, в Великом Устюге и Сольвычегодске население бунтовало против корыстолюбивых воевод. Впрочем, в этих городах мятежи скоро затихли. В Сольвычегодске много содействовала успокоению почитаемая населением вдова одного из братьев Строгановых. Гораздо сильнее были мятежи в Пскове и Новгороде. В этих городах волнения произошли главным образом вследствие подстрекательства злонамеренных лиц, желавших поживиться во время смуты. Ближайшим поводом к возникновению волнений послужило неправильное понимание народом распоряжения властей, изданного ради русских людей и православных финнов, бежавших к нам от гонений шведов-лютеран из уступленных Швеции по Столбовскому миру городов и сел. За таких пришельцев Русское правительство должно было уплачивать деньги, но так как денег в казне было немного, то вместо денег стали выдавать хлебом из царских житниц Новгорода и Пскова. И тогда разные гулящие люди начали говорить, что бояре и воеводы изменили царю и нарочно отдают хлеб иностранцам. Чернь в обоих городах поднялась против властей, некоторых убили, другие должны были бежать. Во Пскове мятежники имели успех, и для их усмирения было отправлено войско; но в Новгороде бунтовщики встретили сильное противодействие со стороны митрополита Никона, будущего патриарха. Последний торжественно предал анафеме в Софийском соборе зачинщиков мятежа, за что толпа ворвалась в его покои, оскорбила и чуть не до смерти избила его. Когда мятежники одумались и смирились, то тот же митрополит Никон явился пред царем за них заступником.

Этим и завершились бывшие в первые годы царствования Алексея Михайловича народные смуты. Много им способствовали злоупотребления приказных людей; многочисленное поколение старых тушинцев не все еще сошло в могилу, да и некоторой части молодого поколения передались их злые нравы, как передается великая злая зараза.

Конец царствования Алексея Михайловича омрачился бунтом, вызванным донским казаком Стенькой Разиным и охватившим все среднее и нижнее Поволжье. По Волге, особенно в Жигулевских горах, уже издавна ютились преступные беглецы из разных областей Московского царства; здесь они грабили своих и персидских проезжих купцов. Число этих разбойников увеличивалось буйными выходами с Дона. Донские казаки об эту пору распались на так называемых домовитых, занимавшихся хозяйством и рыбной ловлей, и голытьбу — разных беглецов из Московского царства, думавших лишь о легкой наживе и боявшихся всякой работы. Для этой буйной черни выход для грабежей в Азовское море был затруднен со времени занятия Азова турками. Часть этой голытьбы вместе с отчаянным своим атаманом Стенькой Разиным перебросилась в 1667 году на Волгу; пограбив здесь хлебные караваны, Стенька со своими товарищами спустился в Каспийское море и полтора года опустошал прибрежные города, а затем с богатой добычей вернулся на Дон. Слух об его успехах и легкой добыче привлек к нему множество гулящего люда, беглых холопов и разного рода проходимцев. С ними он в 1670 году вновь появляется на Волге, где, пользуясь поддержкой инородцев (татар, чувашей, черемисов), захватывает Астрахань, Царицын, Саратов и Самару. Шайки Разина всюду избивали и грабили кого можно. Для легковверных в доказательство своей преданности царю он держал на судне своем какого-то мальчишку, которого выдавал за сына царя царевича Алексея Алексеевича, которого в то время уже не было и в живых. Предаваясь со своими пьяными товарищами разбою, душегубству и кощунству, Разин выдавал себя православным за друга патриарха Никона, а старообрядцам — за ревностного их сторонника. Свирепость разиновских шаек и сильное

разорение всего приволжского края уже начали напоминать печальные времена смуты. Царь, наконец, послал воевод с войском, которые и нанесли поражение Разину под Симбирском, после чего Стенька со своими ближайшими товарищами бежал обратно на Дон, оставив на произвол судьбы приставших к нему крестьян и холопов.

Атаман Стенька Разин перед казнью

На Дону домовитые казаки изловили Разина и выдали его властям. Стенька Разин понес заслуженное наказание, будучи всенародно казнен в Москве.

Мятеж этот тяжело отозвался на благополучии всего приволжского края, но вместе с тем он дал толчок к более прочному соединению восточной окраины с Москвой. Поднявшиеся с шайками Стеньки инородцы испытали на себе твердую руку Московского государства и поняли, что им выгоднее жить мирно под скипетром русского государя. Так мятеж послужил к укреплению государства. Не легок был рост России, среди тяжких болезней усиливалась и укреплялась она; но так бывает и с детьми, которые много хворают в детстве и юности, а потом, в зрелом возрасте, становятся сильными и окрепшими.

В царствование Алексея Михайловича в жизни православной церкви произошли события, оставившие глубокий след и до настоящего времени.

В старину, до введения книгопечатания, богослужебные книги так же, как и другие, переписывались особыми переписчиками, которые не всегда были людьми достаточно сведущими, почему и допускали ошибки в своих рукописях. Число таких богослужебных книг с ошибками было значительно, и патриарх Никон, человек умный и деятельный, обратил на это свое внимание и предпринял исправление допущенных ошибок по греческим книгам. Между тем многие люди, державшиеся крепко старины, увидели в этих исправлениях порчу тех книг, к которым они привыкли и которые считали неприкосновенными.

Дело исправления богослужебных книг велось усиленно и поспешно. Бояре, не любившие патриарха за его независимый и крутой нрав, постарались навлечь на него царское неудовольствие. Тогда Никон покинул Москву и удалился в Воскресенский монастырь (называемый Новым Иерусалимом). Царь был разгневан самовольным оставлением Никоном патриаршего престола, усилившим церковную смуту.

Был созван собор с участием восточных патриархов для суда над ним. Собор этот приговорил его к лишению сана. Но собор одобрил исправление книг и осудил приверженцев искаженных старопечатных книг.

К сожалению, дело исправления велось без должной снисходительности к заблуждавшимся и в конце концов привело к разделению православного церковного общества.

Ряд бывших мятежей и другие печальные события не помешали, однако, царю осуществить полезные для государства мероприятия и многое подготовить для деятельности сына — Великого Петра. Уже мятежи 1648 года показали государю, что одним из главных зол русской жизни является отсутствие твердых и точно определенных законов: царский судебник, изданный за 100 лет перед тем, сильно уже устарел, после него явилось множество новых царских распоряжений и указов, да и сама жизнь государства, потрясенного смутой, требовала новых узаконений или изменения старых. Отсутствие же ясных и точных законов порождало произвол судей и различные злоупотребления. Поэтому еще летом 1648 года царь, посоветовавшись с патриархом и

боярской думой, приказал собрать все прежние сборники законов и указы прежних государей, дополнить их некоторыми статьями греческих законов и русского по духу Статута (Уложения) Великого княжества Литовского, а какие понадобятся, написать вновь и «уложить все общим советом, чтобы государства всяких чинов людям, от большого до меньшого, суд и расправа были во всех делах равны». Предварительная работа по составлению нового «Уложения» (так стал называться этот сборник законов) была поручена князю Одоевскому с товарищами, а затем в Москву велено было собрать «людей добрых и смышленных» от всех сословий государства, т. е. был созван земский собор. Сначала статьи «Уложения» рассматривались боярской думой и освященным собором (так назывался совет из патриарха, митрополитов и прочего духовенства), а потом они были читаны выборным людям, которые могли вносить в них свои поправки. Наконец, статьи эти утверждались государем. Кроме того, выборные сами подавали челобитные, где говорили о том, что нужно было бы издать еще такой или иной закон. Благодаря усиленным трудам царя, бояр и выборных уже в начале 1649 года все 25 глав «Уложения», содержащие в себе около тысячи статей, были готовы. Затем это «Уложение» было напечатано и разослано по всему государству, чтобы воеводы, судьи, дьяки и подьячие точно и строго руководствовались им, а населению в случае злоупотреблений легче было жаловаться, ссылаясь на всем доступные печатные законы.

В «Уложении» находились не только законы о суде, но и много статей, касавшихся вотчин и поместий служилых людей, земель крестьян и горожан и взимаемых с них податей, или, как тогда говорили, «тягла». Что касается собственно судебных постановлений, то по «Уложению» самые тяжелые наказания угрожали изменникам всякого рода, таким, например, которые сдали город неприятелю или ввели в город иноземные войска.

Достоинство православной церкви также было ограждено. «Буде какой бесчинник, — говорилось в «Уложении», — пришед в Церковь Божию во время святых литургий, и какими ни буди обычаем Божественных литургий совершити не даст, — и того, сыскав допряма, казнити смертью без всякия пощады». Уголовные наказания в «Уложении» были вообще очень суровы: встречаются такие мучительные казни, как сожжение, четвертование и др. Но не надо забывать того, что в то время во всех других европейских странах наказания преступников были еще более жестоки: во Франции, например, секли розгами и кнутом, разрывали преступников на части, привязывая их к лошадям, в Англии вешали за незначительную кражу; в Германии во множестве сжигали несчастных женщин, обвиненных в колдовстве. Так что в этом отношении наши законы того времени несколько не были суровее тогдашних законов самых просвещенных стран.

Великий труд составления «Уложения» создал царю Алексею славу среди современников и заслужил искреннюю признательность потомства. Недаром впоследствии князь Яков Долгорукий говорил царю Петру, что в главном деле государей — правосудии — отец больше, нежели он, сделал.

Изданием «Уложения» не ограничилась законодательная деятельность царя Алексея. В 1667 году последовало издание «Новоторгового Устава», который запрещал иностранцам розничную торговлю и разрешал только оптовую, да и то в окраинных лишь городах, по преимуществу в Архангельске. Продолжением «Уложения» служили Новоуказные статьи, издававшиеся в последующие годы, относительно тех или других предметов, не предусмотренных «Уложением».

Из других важных мероприятий царя Алексея нужно отметить установление постоянной почты: прежде царские грамоты посылались с особыми гонцами, со времени же польской войны были заведены постоянные почтовые сношения, раз в неделю, с Малороссией и Западным краем; под конец царствования Алексея Михайловича почта была уже заведена во всех крупнейших городах.

В боярской думе царь сам зачастую присутствовал на заседании, руководил совещаниями, заранее записывал на листочке бумаги вопросы, о которых, по его мнению, нужно было посоветоваться с боярами. Государь любил, чтобы бояре прямо и открыто высказывали свои мнения, хотя бы они не были согласны с мнением его, не любил он только похвальбы и хвастовства.

Царь Алексей умело выбирал людей, и при нем в боярской думе заседали умные и даровитые люди. Он при этом не смотрел на знатность рода, а возвышал людей по их способностям: так, например, любимейший его боярин, начальник посольского приказа, Ордин-Нащокин происходил из бедной семьи псковских служилых людей. Этот боярин поражал иностранных послов своей честностью и неподкупностью и вместе с тем удивительной твердостью и искусством, с какими он отстаивал всегда во время переговоров русские выгоды. Весьма даровитым и образованным человеком был и преемник Ордина-Нащокина по посольскому приказу Артамон Сергеевич Матвеев. В его доме царь бывал запросто, здесь он познакомился с Наталией Кирилловной Нарышкиной, на которой и женился вторым браком в 1671 году.

Коломенское

Алексей Михайлович, любивший пышность и великолепие при приеме иностранных послов, при смотре войск и вообще в торжественных случаях, в своей домашней обстановке жил весьма просто: до сих пор в Кремле показывают его палаты, в которых останавливают внимание небольшие размеры и простота убранства царской спальни. Царь Алексей не любил сидеть подолгу в Москве, он зачастую ездил на богомолье по разным монастырям, любил также соколиную охоту, выходил один с рогатиной на медведя. В минуты досуга он составил даже Устав соколиной охоты, в начале которого, между прочим, написал пословицу, которой и следовал сам: «Делу время, а потехе час». Лето царь по большей части проводил в селе Коломенском, где им был построен замечательный по красоте дворец, являвшийся одним из лучших образцов русского зодчества.

Благодушный, открытый характер царя Алексея привлекал к нему всех, не только русских, но и иностранцев: один немец говорит про государя, что это такой «Царь, какого желали бы иметь все христианские народы, но не многие имеют». Действительно, редко кто умел так утешить человека в горе, как Алексей Михайлович. Недаром он сам говорил, что Бог поставил его «разсуджати людей своих вправду» и «беспомощным помогать».

Вполне преданный православной церкви, царь строго исполнял все ее предписания, соблюдал строго все посты, не пропускал ни одной важной церковной службы. Он очень любил благолепие православного богослужения: по его настоянию был уничтожен дурной обычай в некоторых церквях — для сокращения богослужения — одновременно в два голоса петь и читать.

Царь Алексей Михайлович не чуждался и западноевропейского образования. Он понимал значение науки: пригласил для детей своих ученых и опытных учителей, в том числе знаменитого западнорусского писателя Симеона Полоцкого. Что особенно замечательно для того века — и дочери царя получили такое же образование, как и царевичи. Все старшие его дети хорошо знали латинский язык. Заботился царь Алексей о распространении просвещения и среди народа. Для этого он широко воспользовался услугами греков и западнорусских ученых, преимущественно монахов, воспитанников Киевской православной академии. Ученые греки и южнорусские монахи в большом числе стали приезжать в Москву. В этом деле царю много помогал один из лучших его друзей окольничий Ртищев. Он устроил в Андреевском монастыре общежитие для ученых монахов, в котором они могли спокойно заниматься своими трудами: переводами нужных

Научно-образовательный мультимедиа портал сочинений и исправлением богослужебных книг. Тот же Ртищев, отличавшийся удивительным смирением и любовью к ближним, посоветовал царю, кроме раздачи денег нищим, завести постоянные благотворительные учреждения: так появились на Руси больницы, богадельни и приюты, содержавшиеся во многих случаях на личные средства государя и Ртищева.

Из других мероприятий царя Алексея Михайловича нужно отметить еще постройку по его приказу голландскими мастерами первого русского корабля «Орел» для плавания по Волге и Каспийскому морю. К сожалению, «Орел» был сожжен шайкой Стеньки Разина. Число иноземных мастеров вообще в царствование Алексея Михайловича увеличилось, и от них разные производства и мастерства стали все более перениматься русскими людьми.

Все дела царя Алексея красноречиво свидетельствуют о том, насколько благотворно было его тридцатилетнее царствование для народа и как много он подготовил в нашем государстве для деятельности царя-преобразователя.

Пётр Великий

Детство и юность царя

Первые государи из дома Романовых немало сделали для своей страны. Под их крепкой самодержавной властью Русская земля оправилась от страшного разорения, причиненного ей долгой смутой; государство Русское далеко раздвинуло свои пределы на восток, на юге закрепило за собою службу вольных казачьих земель, а на западе вернуло себе Смоленскую и Черниговскую области и половину Малороссии.

Но многое еще предстояло сделать для того, чтобы Россия стала могучим государством, не уступающим ни в чем государствам Запада.

У сильных народов Западной Европы, например во Франции или в Англии, было тогда уже постоянное, отлично вооруженное войско. У нас, несмотря на старания царей Михаила, Алексея и Федора, полки иноземного строя далеко не могли еще сравниться по выправке и военному искусству с настоящим европейским войском; а часть нашего войска держала еще старый строй — состояла из стрелецких и конных дворянских полков, плохо вооруженных и совсем почти не обученных.

У других европейских народов были целые флоты военных и торговых кораблей, устроенные гавани; они вели выгодную морскую торговлю, а благодаря торговле там развилась всякого рода промышленность, было много фабрик и заводов, от которых кормился и обогащался народ. У нас вся морская торговля велась через единственный наш приморский город — Архангельск, исключительно на иностранных кораблях; заводов и фабрик было мало, да и то их устраивали и заведовали ими пришлые иноземцы. Самые науки и искусства, необходимые для военного дела и для развития промышленности, у нас совсем не существовали.

Сами русские стали понемногу понимать, что сравняться с соседями в богатстве, образованности и военной силе удастся им только тогда, когда Россия найдет доступ к вольному, открытому морю. Думал об этом еще царь Алексей Михайлович и его главный советник боярин Ордин-Нащокин, но перейти от добрых желаний и намерений к настоящему делу им не удалось.

Завоевать доступ к морю и двинуть Россию по пути промышленного и торгового развития, создать военный флот и новое войско, насадить в России необходимые искусства и науки предстояло младшему сыну царя Алексея Михайловича — Великому Петру.

Петр родился 30 мая 1672 года и был сыном второй супруги царя — Наталии Кирилловны, происходившей из рода Нарышкиных. Царица до замужества жила в доме боярина Матвеева и считала его для себя вторым отцом. Брак царя упрочил положение Матвеева, родственники же первой супруги Алексея Михайловича — Милославские — потеряли прежнее значение. Царевич Петр был крепким и рослым мальчиком, необычайно живым и понятливым. Недаром о самом рождении его сложилось в народе много сказаний, предвещавших его будущую великую судьбу.

Царь Пётр Великий (с 1689 по 1725)

Царь Алексей очень любил Петра, но ему не пришлось проявить заботу о воспитании и образовании сына, так как он скончался в 1676 году, всего 47 лет от роду.

Старший сын царя Федор Алексеевич, рожденный от Милославской, вступил на престол. Милославские торжествовали; боярина Матвеева отправили э ссылкой; царица Наталия Крилловна с детьми осталась в Москве, в Кремле, но никакого влияния на дела государства не имела. Молодой царь, которому не было еще 15 лет от роду, от природы был слаб и болезнен. Он получил прекрасное по тому времени образование и, когда возмужал, стал хорошо править государством. Важным делом его царствования было уничтожение местничества. Местничество состояло в том, что родовитые служилые люди не желали находиться под начальством тех людей, которых считали менее знатными по происхождению, хотя бы эти люди были способными, долго служившими и принесшими много пользы государству. Это, конечно, сильно вредило делу: бывали случаи, что воеводы из-за местнических счетов покидали войско в виду неприятеля, хотя и знали, что за это понесут наказание. Русские государи, начиная с Иоанна Грозного, всеми силами боролись с местничеством; однако искоренить застарелый обычай им не удалось. При царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче в боярской думе было уже много людей неродовитых, достигших этого положения своими заслугами. Уже среди знатных бояр появились просвещенные люди, которые сознавали вред, проистекавший от местничества. Среди них выделялся князь Голицын, просвещеннейший человек своего времени, и любимец царя Федора — боярин Языков. По их совету, созвав в 1682 году высшее духовенство, боярскую думу и главных военных начальников, царь, согласно общему решению, уничтожил местничество и велел сжечь книги, на основании которых решались местнические споры.

Царь Федор детей не имел. Ввиду крайней болезненности царя окружавшие его сознавали, что он недолго проживет. Всем же было известно, что и следующий за ним по старшинству брат, царевич Иоанн — юноша слабый телом и духом, совсем неспособный к государственным делам. Поэтому взоры русских людей давно обращались к царевичу Петру. Сам ближайший друг царя боярин Языков склонился на сторону Петра. Он просил царя о возвращении из сибирской ссылки боярина Матвеева, дабы он в случае воцарения малолетнего Петра мог стать до времени надежной опорой его матери царицы Наталии. Царь Федор возвратил Матвеева и разрешил ему поселиться в Суздальском уезде.

Из близких родных царя выделялась твердым, властолюбивым характером и умом его сестра царевна София. При больших природных дарованиях она получила хорошее образование, многое знала, сама сочиняла стихи. Она не хотела соблюдать стародавнего обычая, предписавшего сидеть царевнам в теремах, никому не показываясь; напротив, любила сама беседы с боярами о государственных делах и удивляла их своим умом и находчивостью. Царевна решила

воспрепятствовать переходу царской власти к Петру. В тайниках души она питала надежду самой сделаться полновластной правительницей государства от имени слабого брата Иоанна.

27 апреля 1682 года умер царь Федор, не сделав распоряжения о своем преемнике. Узнав о кончине государя, народ толпами повалил в Кремль. Там, во дворце, уже собрались высшее духовенство и бояре. Шли толки о том, кому быть на царском престоле. Патриарх Иоаким стал на сторону Петра. Когда открылось заседание освященного собора и боярской думы, патриарх указал, что 16-летний Иоанн слаб умом и здоровьем, царевичу же Петру всего девять лет, и поставил вопрос, кому из них царствовать. Хотя большинство предпочитало Петра, но на вопрос патриарха прямого ответа дано не было; гюследовало лишь уклончивое указание людей всех чинов Русской земли. Патриарх велел тотчас созвать в Кремль людей всех чинов. Собранию этому Иоаким предложил тот же вопрос. Немногие только голоса отозвались за Иоанна. Большинство же высказалось за Петра, и тогда патриарх с освященным собором и боярской думой объявил, что избран на царство Петр Алексеевич. Царевна София была вне себя и упрекала патриарха за то, что царевич Иоанн не сделан соправителем. «Многоначалие пагубно, — возразил патриарх, — да будет един Царь, так угодно Богу».

Девяти лет Петр был объявлен царем. За его малолетством управление сосредоточилось в руках царицы Наталии Кирилловны, которая и поспешила вызвать в Москву Матвеева, как необходимого в такое трудное время сотрудника и советника.

Но в Москве уже готовились волнения. Царевна София, Милославские и их друзья распространяли мысль, что Иоанн неправильно устранен от престола. Особенно они распространяли эту мысль среди беспокойных стрельцов, у которых были нелады тогда со своими начальниками. Стрельцы не слушались их, буйствовали, шумели. Власти не принимали, однако, решительных мер. Вследствие этого смута среди стрельцов росла.

Пользуясь этим, сторонники Милославских нашептывали среди стрельцов, будто родственники царицы и Петра Нарышкины не только отстранили царевича Иоанна от престола, но хотят и совсем его извести.

Об эту пору вернулся в Москву боярин Матвеев; но не успел еще он вникнуть в дела, как вспыхнул стрельцкий бунт. 15 мая, утром, клеветы Милославских Петр и Иван Толстые прискакали в стрельцкие слободы и стали кричать, что Нарышкины задушили царевича Иоанна. Тогда стрельцы бросились в Кремль, желая отомстить за смерть его, но царица вышла на Красное крыльцо, ведя за собою Петра и царевича Иоанна. Стрельцы поняли, что они обмануты и после разумных увещаний боярина Матвеева готовы уже были спокойно разойтись. Но грубое вмешательство сына начальника стрельцкого приказа князя Долгорукова распалило стрельцов; обезумев, они убили его и боярина Матвеева и бросились затем искать Нарышкиных и других бояр, неугодных Милославским. Многие убийства совершились на глазах самого юного государя. Особенно злобились стрельцы на брата царицы боярина Ивана Нарышкина. Они искали его целых два дня, но безуспешно. Тогда, придя на третий день, 17 мая, они заявили, что будут продолжать бесчинства, пока не будет выдан Нарышкин. Дядя царя великодушно решил пожертвовать собой для успокоения Москвы. Он исповедался, причастился и, простившись с горько рыдавшей сестрой и царственным племянником, вышел к стрельцам, которые сначала его жестоко пытали, а потом убили. Этим лютым убийством закончился мятеж.

Вместе с тем исполнилось и заветное желание царевны Софии и Милославских: было объявлено, что царствовать будут оба брата, а царевна София будет правительницей государства. Последняя и не замедлила сосредоточить в своих руках все высшее управление.

Царица же Наталия Кирилловна уехала с Петром в село Преображенское. Страшные, кровавые впечатления, пережитые в Москве, навсегда остались в памяти Петра, к стрельцам в его душу запала вполне понятная вражда: самое имя их сделалось для него ненавистным.

Тяжелые обстоятельства жизни не давали возможности подрастающему Петру получить такое образование, какое в свое время получили покойный брат его царь Федор и царевна София. Для обучения чтению и письму приставлен был к нему подьячий Никита Зотов, человек малообразованный. Зотов учил его по старине: выучив азбуку, перешли на часослов, потом на псалтырь. Благодаря прекрасной памяти Петр выучил наизусть и всегда потом помнил множество изречений из священных и богослужебных книг. Не много пользы принесли Петру занятия с Зотовым: впоследствии он сам вспоминал об этом с большой скорбью, хотя навсегда сохранил к своему учителю доброе расположение и за то небольшое, что тот ему передал.

И раньше, в Кремле, у Петра времени свободного было много, а теперь, в Преображенском, стало его еще больше. Ища развлечения, для игры и забав, он набрал себе толпу сверстников — детей дворцовых служителей и некоторых приближенных бояр и дворян. Постепенно из этих мальчиков образовались «потешные полки», которые были названы по двум подмосковным селам Преображенским и Семеновским. В них стали поступать уже и взрослые молодые люди: первым записавшимся в Преображенский полк был придворный конюх Сергей Бухвостов. Его Петр всегда называл впоследствии «первым солдатом Русской армии». Потешные были одеты и вооружены по образцу иностранных регулярных полков, и с ними Петр почти не расставался: они были его друзьями. Из этих-то потешных образовались впоследствии два доблестных полка императорской гвардии — Преображенский и Семеновский. Правительница София не видела ничего для себя опасного в этих воинских упражнениях своего брата и приказала доставлять Петру все то, что понадобится для потешного его войска.

Но не в одних потехах проходили отроческие годы царя. Быстрый, пылкий ум его не мог удовлетвориться теми скудными познаниями, которые переданы были ему Зотовым. Петру удалось самому подыскать себе нужных учителей, с помощью которых он и стал восполнять пробелы своего образования. Не получив от окружающих объяснения, для чего употребляется один попавший ему в руки инструмент, он обратился к голландцу Тиммерману, жившему в Немецкой слободе под Москвой. Тот ему объяснил употребление этого инструмента и прибавил, что для обращения со многими полезными приборами необходимо предварительно изучить арифметику и геометрию. Петр, не медля, стал прилежно учиться у Тиммермана этим наукам, а также артиллерии и фортификации, т. е. науке о крепостях.

Спустя немного времени Петр начинает увлекаться и корабельными потехами. В детстве он не любил и боялся воды, но юношей он сильно полюбил плавание и судостроение. Разбираясь в селе Измайлове в амбаре в старых вещах, Петр нашел английский бот; ему объяснили, что это судно может ходить на парусах не только по ветру, но при искусном управлении и против ветра. Петр решил немедленно овладеть таким искусством. Из Немецкой же слободы был вызван знакомый с морским делом голландец Брант, который и обучил царя этому делу. С этого времени не было уже для Петра большего удовольствия, как плавать на судах и принимать участие в их постройке.

Но под Москвой не было больших рек и озер, где бы царь мог вполне отдаться новой потехе. Тогда он решил упражняться в управлении парусами на Переяславском озере. Здесь вскоре закипела работа: окрестные жители с удивлением видели 16-летнего Петра, окруженного голландскими и русскими мастерами, за сбором и оснасткой ботов, шлюпок, яхт и других судов.

Правительница София и ее приближенные со смехом говорили об этих занятиях Петра, они считали его ни к чему не способным. Не так, однако, было на деле. Вот что писал однажды Петр своей матери с Переяславского озера:

«Вселюбезнейшей и дражайшей моей матери, Государыне-Царице и Великой Княгине Наталии Кирилловне.

Сынишка твой, в работе пребывающий, благословения прошу и о твоём здравии слышать желаю; а у нас молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20-го числа, и суда все, кроме большого корабля, в деле, только за канатами дело станет; и о том милости прошу, чтобы мне канаты до семисот сажень, не мешкав, присланы были. Посем паки благословения прошу".

Здесь Петр назвал себя «в работе пребывающим», и это вполне отвечало истине. Из этой корабельной забавы вырос впоследствии русский флот.

Петру уже минуло 17 лет, он мужал, был полон сил и наступало для него время возратить власть, насильственно захваченную царевной Софией. Царица Наталия Кирилловна сама стала напоминать ему об этом.

Семилетнее правление Софии не было отмечено какими-нибудь выдающимися событиями. Вначале ей пришлось успокаивать волнения стрельцов, которых она сама же разнуздавала: она вынуждена была даже казнить их начальника князя Хованского. Затем возникли вызвавшие большую смуту пререкания с защитниками старых церковных обрядов: правительница начала жестоко преследовать ревнителей старины, которые бежали в костромские и олонечские леса. Два неудачных похода в Крым под начальством ее любимца князя Голицына окончательно поколебали положение правительницы. Однако она не желала уступить добровольно. Она цепко держалась за власть и даже стала именовать себя в грамотах самодержицей.

София понимала, что Петр недолго будет находиться в отдалении от государственных дел. Он уже стал проявлять самостоятельность, отказавшись, например, от участия в крестном ходе, в котором, противно обычаю, шла София в царском одеянии.

Правительница была готова решиться на крайние меры и обратилась к испытанным своим приверженцам — стрельцам.

В ночь на 8 августа 1689 года несколько стрельцов — сторонников Петра прискакали из Москвы в Преображенское и сообщили ему, что София злоумышляет на его жизнь. Петр хорошо помнил майские дни 1682 года, когда лилась кровь его родственников, и тою же ночью ускакал в Троице-Сергиеву обитель, под защиту ее крепких стен. К Петру стали собираться многие знатные люди из Москвы, пришли потешные полки и верный Петру стрелецкий Сухарев полк. София не нашла поддержки и среди стрельцов. Патриарх Иоаким был также на стороне Петра. Покинутая всеми правительница должна была смириться. Ей было приказано удалиться в Новодевичий монастырь.

После устранения Софии Петр не сразу принялся за все государственные дела. Он по-прежнему более всего занимался военным и кораблестроительным делом. Военные потехи его приняли теперь вид настоящих воинских действий: в них принимали участие не только потешные полки, но и другие отряды. Более серьезный характер получили и его судостроительная деятельность и плавание на судах. В 1693 году перед ним впервые развернулось столь желанное море: он плывал на фрегате, построенном в Архангельске, по Белому морю. Не всегда приветливо встречали седые волны этого моря смелого царя. В следующем 1694 году корабль его, плывя от Архангельска в Соловки, едва не погиб от бури. В память своего спасения царь поставил крест на том месте, где вышел на берег. Но великие опасности не могли отвлечь Петра от моря.

В конце того же года Петру пришлось оплакивать смерть горячо любимой матери, царицы Наталии. Теперь ему уже было 22 года, и он вполне самостоятельно взялся за дела государственного управления.

Азовские походы

Внешнее положение России в 1694 году было тревожное и тяжелое. Судьба все не давала России мира, хотя государи наши сами никогда не искали войны.

С главным врагом — Польшей — в правление царевны Софии удалось, наконец, достигнуть примирения. Зато надвинулась на Русскую землю новая война: Турция с подвластными ей татарскими ордами начинала уже прямое наступление на Москву и Польшу. При царевне Софии Москва в союзе с Польшей и Австрией вела против Турции войну. Царские рати дважды ходили походом через степи на Крым. С тех пор мира с Турцией не было, но не было и открытых военных действий. Только крымцы тревожили южную окраину обычными грабительскими наездами да донские казаки рубились по-прежнему с азовскими татарами. К этому времени туркам удалось уже загородить донцам выход в море: против Азова, на другом берегу Дона, они построили новую крепость и самую реку перетянули толстыми железными цепями, через которые казачьи ладьи, под выстрелами пушек, не могли прорваться. А сами турки из своей азовской твердыни стали теснить донские городки так сильно, что у казаков не хватало своих сил для борьбы с ними. Еще при царе Алексее Михайловиче, в 1648 году, в нижних донских городках затрещали русские барабаны, там располагались высланные на подмогу донцам, по их просьбе, царские драгунские полки. С тех пор такие посылки стали обычными: в общей борьбе против турок и татар вольный Дон все теснее связывался с Москвой.

Петр унаследовал от царевны Софии польский союз и турецкую войну, начатую неудачно. Живой и воинственный, молодой царь не хотел мириться с этой неудачей. Притом же его манило к себе теплое море, круглый год открытое для кораблей и торговли. Звали его на помощь и поработанные турками православные христиане.

Но военные силы, какими мог располагать молодой царь, были тогда очень невелики. Полки иноземного строя, с такой заботой собранные его дедом, отцом и братом, почти все были распущены в смутные годы малолетства Петра, и когда возобновилась война, у Петра было всего четыре полка, обученных правильному военному строю: два старых и два новых, потешных. К этим полкам он прибавил отряд отборной дворянской конницы старого русского строя, сам выбрал в арсеналах пушки получше и весной 1695 года двинул свою небольшую армию (30 тысяч) на лодках, через Донскую землю, на Азов.

Поход не увенчался успехом. Недостаточное еще воинское искусство русских не могло сломить твердой крепости. Подкопы, веденные под стены, не удались, взрывы не повредили крепости, а перебили и переранили много своих. Только донские казаки успели взять две башни, построенные турками впереди Азова по берегам Дона. К зиме Петру пришлось отступить.

От этой первой неудачи царь Петр не упал духом. Его зоркий взгляд наметил верный способ овладеть крепостью. Азов нужно было отрезать от моря, чтобы турецкие корабли не могли подвозить в крепость свежие войска, боевые и съестные припасы. Казачьи челны не могли выполнить этой нелегкой задачи. Петр решился на дело, которое для другого показалось бы невозможным: в несколько месяцев построить корабли, которые могли бы быть вооружены пушками и выдержать открытый бой с турецким флотом.

Под личным надзором молодого царя работа закипела: спешно рубили в дремучих воронежских лесах огромные сосны и дубы; в самом Воронеже устроили верфь; день и ночь стучали там топоры и молоты, работали пилы, распиливая на доски и брусья столетние стволы. Сам царь с топором в руках трудился без усталости, показывая пример мастерам. «По приказу Божию прадеду нашему Адаму, в поте лица едим хлеб свой», — говорил он о себе. Ранней весной 1696 года несколько десятков кораблей, на 200 человек каждый, были спущены на воду. Пользуясь разливом Дона, они свободно прошли мимо Азова и вышли в море вместе с челнами донских казаков. Два турецких корабля были захвачены и пущены ко дну, остальные бежали, — и с тех пор до конца осады турки не осмелились напасть на царские суда, заграждавшие с моря устье Дона.

На подкрепление царскому войску подошли, кроме донских, и запорожские казаки. Австрийский император, также находившийся в войне с Турцией, прислал Петру по его просьбе опытных в военном деле инженеров. На этот раз осада пошла быстро и успешно. Петр бывал всегда на первом месте, чтобы показать пример другим; даже своими руками наводил пушки и метал бомбы в осажденный город; сам с инженерами вел подкопы и рыл траншеи.

Сестра царевна Наталия писала ему из Москвы, умоляя беречь себя и не подходить близко к турецким пулям. Петр отвечал шуткою: «По письму твоему, я к ядрам и пулям близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи, чтобы не ходили», — и продолжал работать в передовых окопах, под турецкими пулями. Отрезанный от моря и стесненный правильной осадой, полуразрушенный бомбами русских пушек Азов едва держался. Русские окопы с каждым днем подходили ближе к крепостной стене. Наконец, после двухмесячной осады донские и запорожские казаки ночным приступом ворвались в город и захватили передовые укрепления. На другой день, 18 июня 1696 года, турки, истощенные осадой и боясь общего приступа, сдались. Азов был в русских руках, а с ним вместе и выход в Азовское и Черное моря.

Но этой славной победой война не могла кончиться. Турция была сильна. Надо было подумать о том, чтобы укрепить Азов за собой и удержать навсегда. Царь Петр, не павший духом от неудачи, и после победы не складывал рук. Немедленно составил он план новых сильных укреплений для Азова; сам объехал морской берег в окрестности завоеванного города и выбрал гавань, удобную для постройки и стоянки мореходных кораблей. Впоследствии на этом месте и вырос Таганрог. До осени того же 1696 года неутомимый Петр посетил главнейшие железные заводы, раздавая им заказы на новые пушки, якоря и прочие железные и чугунные принадлежности для своего флота на Черном море. Землевладельцам-дворянам и духовенству приказано было в складчину строить новые корабли. За недостатком опытных в этом деле мастеров выписаны мастера и рабочие из Дании, Голландии и Италии.

Царь Петр, однако, понимал, что обходиться выписными мастерами невозможно: им и платить приходилось дорого, да и шли-то не лучшие. Чтобы прочно утвердиться на море, русским самим нужно было научиться морскому делу, научиться же ему можно было только за границей, в приморских странах, где занимались этим делом сотни лет, где понемногу сложилась целая наука постройки и снаряжения кораблей. Таким искусством особенно славились тогда Голландия и Англия. В эти страны Петр решил отправить для науки несколько десятков служилых людей — и молодых и постарше.

Но посылая кого-нибудь на трудное новое дело, он любил сам показать пример, любил сам выучиться всему прежде, чем учить других. Поэтому царь решил ехать сам за границу. Известие это вызвало общее смущение: никогда еще ни один из государей Московских не выезжал в чужие страны. Но Петр не боялся новизны, если видел от нее пользу.

В начале 1697 года снаряжено было из Москвы посольство к иноземным дворам. С посольством кроме обычной свиты ехали 35 молодых людей, посланных для изучения морского дела и разных наук. В числе их находился и сам царь под именем Петра Михайлова. Он принял это скромное имя для того, чтобы не тратить времени на разного рода церемонии и приемы.

В марте 1697 года двинулось посольство в путь, и пробыло за границей год и четыре месяца, посетили за это время Лифляндию, Пруссию, Голландию, Англию и Австрию. Послы вели необходимые переговоры с иностранными властями и, кроме того, приглашали на русскую службу нужных людей — корабельных и иных мастеров, опытных офицеров, матросов для флота; тем временем молодые люди учились, но никто из них не мог сравниться ни в усердии, ни в быстрых успехах с неутомимым Петром. В голландских городах — Саардаме и Амстердаме, особенно славившихся кораблестроением, царь пробыл пять месяцев. Спутников он распределил учиться кого устройству мачт, кого управлению парусами, кого пушечной стрельбе; сам учился всему. Пополняя пробелы своих знаний, он записался простым рабочим в артель, работавшую на одной из лучших верфей, и прошел всю науку с самого начала: без усталости работал топором, стругал, сколачивал брусья, смолил, конопатил; научился и составлять чертежи, и делать необходимые расчеты по постройкам кораблей. Скоро он усвоил все, что могли ему дать лучшие голландские мастера: по нужде он мог один своими руками построить и оснастить корабль до последней веревки. Побывав еще в Англии, Петр усвоил себе и английские приемы кораблестроения, несколько отличавшиеся от голландских.

Вообще Петр останавливал свой внимательный взор на всем том, что встречал по пути интересного и для себя нового и поучительного. Так, в Пруссии учился у лучших знатоков стрельбе из пушек и получил свидетельство, что он может считаться искусным артиллеристом. Осматривал он и собрание редкостей, замечательные здания, города, знаменитые голландские плотины и каналы, дороги, мельницы. При посещении фабрик и заводов всегда пытался сделать своими руками все то, что там производилось, поражая всех легкостью и быстротой, с какою спорилось у него всякое дело.

Послы, переезжая из столицы в столицу, встречали всюду торжественный прием. Тем временем Петр вел жизнь простого рабочего. В Голландии он жил в наемной комнате в доме кузнеца, одевался по-голландски, как простой плотник, заходил отдохнуть в харчевню, где бывали чернорабочие и матросы. Но вечером в своей убогой комнате плотник Михайлов снова становился царем. Мозолистыми от тяжелой работы руками разбирал он письма и донесения, присланные из России, писал ответные распоряжения и указы, касающиеся важнейших сторон государственной жизни. Послы по всякому важному делу обращались к нему за разрешением.

Царь вернулся в Москву в августе 1698 года, не dokonчив намеченного путешествия: его заставил преждевременно вернуться на родину бунт, поднятый в его отсутствие стрельцами. Мятеж к его приезду был усмирен. Царь жестоко наказал бунтовщиков и потом, не теряя времени, взялся за дела и прежде всего поехал в Воронеж — торопить постройку кораблей.

Петр мечтал о том, чтобы выгнать турок из Европы в Азию, освободить от их власти поработанные ими христианские народы, покорить Крым, прочно укрепить русское господство на берегах Черного моря и получить выход в свободные моря.

Но на призыв Петра — воевать заодно с ним против Турции — не отозвалась ни одна из европейских держав. Даже прежние наши союзники — Польша и Австрия — нарушили договор с Россией и тайно от Петра заключили с Турцией выгодный для себя мир.

Россия неожиданно оказалась одна против Турции. Турки ободрились, собирались возобновить войну, — и только появление в Черном море сильного русского флота, спустившегося Доном из Воронежа, заставило их согласиться на мир.

Азов остался за Россией.

Борьба за море

Взятие Азова было важно для России тем, что давало возможность грозить с моря Турции и Крыму и прекратить татарские набеги. Но другой важной цели, к которой стремился Петр, он не добился: Черное море со всех сторон окружено было турецкими владениями; завязать здесь торговлю можно было только с согласия турок, а турки упрямо твердили, что скорее Турция станет вверх ногами, чем они допустят в свое море хоть один иностранный торговый корабль.

Петр тогда направил свои взоры на другое море — Балтийское, на котором полными хозяевами были в то время шведы. Еще до окончания турецкой войны Польша и Дания предложили Петру союз против шведов. Втайне поляки и датчане побаивались, чтобы Петр, одолев шведов, не овладел сам лучшими приморскими городами — Нарвой, Ревелем, Ригой; поляки с датчанами заранее уговаривались при разделе добычи дать России как можно меньше, а для войны мечтали выманить у царя как можно больше денег и солдат, так как русские солдаты, по их мнению, были очень хороши, «чтобы рыть окопы под неприятельскими выстрелами». Для того же, чтобы склонить царя к войне, польские и датские послы расписывали перед ним бесчисленные выгоды, какие извлечет Россия от завоевания берегов Балтийского моря.

Петр сам хорошо понимал эти выгоды. Именно к Балтийскому морю стремились и царь Иоанн Грозный, и царь Алексей Михайлович. Оно казалось для России еще более заманчивым, чем Черное море; оно было ближе к Москве и большим торговым городам, из него был свободный выход в другие западные моря, оно открывало путь в страны просвещенные, богатые и промышленные.

Берега Финского залива Балтийского моря принадлежали в старину России и были отняты у нее шведами в Смутное время. Многие тамошние города помнили еще свои искони русские имена: Ивангород, Ям, Копорье, Орешек, Юрьев. В Нарве в особой части города жило много русских, и немецкие проповедники напрасно усиливались обратить эту «русскую Нарву» в свою веру. Было, значит, у русских и право взять обратно исконные свои земли; не хватало до сих пор только силы.

Теперь представлялся удобный случай.

Оставленный поляками во время турецкой войны Петр не особенно доверял им и датчанам; но Швеция была тогда так сильна, что начать с ней войну один на один было опасно, и союзники, хотя на первое время, были необходимы.

Петр решился. 3 июля 1700 года подписан был мир с Турцией, а 19 августа объявлена Швеции война.

Война началась неудачно для союзников. Хотя Швеция была и одна против трех держав, но у нее было превосходное войско, а король Карл был в то время лучшим полководцем во всей Европе. Союзники не успели даже начать одновременно военных действий. Датчане первые были разбиты наголову, потом русское 40-тысячное войско потерпело жестокое поражение под Нарвой. Наскоро обученные наши полки под командой наемных иностранцев-офицеров не могли устоять

против образцового по вооружению и военному искусству шведского войска; только царская гвардия — Преображенский и Семеновский полки не побежали перед шведами, стойко бились до ночи и отступили, не сложив оружия.

От сильного поражения уныние распространилось повсюду. Но царь Петр не упал духом от неудачи. Не теряя ни минуты, он приказал свежим войскам направиться в шведскую Лифляндию; сам разослал повсюду приказы, ободряя растерявшихся и оробевших. В близких к границам городах Новгороде и Пскове спешно возводились под надзором царя укрепления на случай нападения шведов; на работу вызваны были все жители поголовно. По всему государству набирали рекрутов и охочих людей в новые полки. Петр без усталости переезжал из города в город: то в Архангельск строить корабли, то в Новгород обучать солдат, то осматривать крепости. Особенно торопил с отливкой новых пушек; так как не хватало для этого меди, то пришлось взять часть колоколов; за год успели отлить 300 пушек.

Шведы, считая русских окончательно разбитыми, направились в Польшу. Карл объявил польского короля Августа лишенным престола и велел полякам выбрать в короли угодного ему польского пана Станислава Лещинского. Одна половина Польши повиновалась ему, а другая нет.

Петр поддерживал Августа, чтобы дольше задержать шведского короля в польских пределах. Семь лет провели в Польше шведы. «Швед увяз в Польше», — говорил, смеясь, Петр.

А русские не теряли времени. Уже в 1702 году царь сам прибыл к войску, наступавшему на шведские земли около Ладожского озера и по Неве, и осадил Нотебург (бывший русский Орешек). Опять, как под Азовом, царь сам вел осаду, сам наводил пушки. Крепость скоро сдалась. «Зело крепок был сей орех, — писал Петр, — однако, слава Богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила». Небольшие шведские крепости падали одна за другой. В открытом поле войска, оставленные шведским королем для защиты Ливонии, были дважды, еще до взятия Нотебурга, разбиты генералом Шереметевым, потеряли около 10 тысяч человек и много пушек. Сбывались слова русских послов 1617 года: шведы, не захотевшие тогда отдать русские города без крови, отдавали их теперь с кровью. В 1703 году Петр взял Ниеншанц — последнюю шведскую крепость по Неве, у самого уже ее устья. Вскоре после взятия крепости два шведских корабля вошли с моря в Неву. Корабли были небольшие, но все же вооружены пушками, а у русских не было ничего, кроме простых лодок. Тогда сам царь с солдатами Преображенского и Семеновского полков на лодках напал на вражеские корабли и взял их с бою. Это была первая его победа над шведами на воде.

Завоеванное только что место было важно для защиты края от нападения с моря и удобно для торговли, и Петр заложил здесь новый город. На двух островах, при впадении Невы в море, возведены были укрепления, поставлены батареи. Здесь же был выстроен скромный домик, в котором жил царь, наблюдая за работами. По обоим берегам Невы, по островам, среди болот и лесов стали вырастать деревянные здания, дома, верфь для постройки кораблей. Пустынный край заселялся русским пришлым людом, и быстро рос здесь город: ему суждено было навсегда закрепить за Россией этот край, свободный выход в море и стать столицей России. Этот город был Петербург.

В 1708 году шведы из Польши направились в Россию. Карл с отличным 40-тысячным войском, пройдя по Белоруссии, принадлежавшей тогда Польше, вступил в левобережную Малороссию, где гетманом в то время был Мазепа, которого Петр считал вполне преданным себе.

Направляясь в Малороссию, Карл руководился расчетом на помощь Мазепы, обещавшего ему в тайных переговорах восстание Малороссии против Москвы. Карл хотел усилить свое войско

казачьими полками, а на будущее время — ослабить Москву, устроив из Малороссии особое зависимое от Польши государство или отдав ее совсем Польше.

Но Карл обманулся в своих ожиданиях. На призыв Мазепы отозвалась со всей Малороссии лишь горсть изменников — не больше 2 000 человек, остальное население — и крестьянское, и казацкое — осталось верно Москве, с которой уже сжилося за 50 лет.

Гетман Мазепа

В довершение беды для шведов царь Петр при деревне Лесной (Могилевской губернии) напал на шведского генерала Левенгаупта, шедшего на помощь Карлу с запасами и войсками. Хотя числом шведы превосходили русских, тем не менее Петр разбил наголову Левенгаупта и отнял весь его обоз - 5 тысяч телег с боевыми и съестными припасами. Карл и его войско оказались на зиму во враждебной стране без продовольственных запасов, со скудным количеством пороха и снарядов.

Пока Карл воевал в Польше, Петр не терял времени; за эти 8 лет он неуклонным и настойчивым трудом успел создать новую грозную военную силу. Старые стрелецкие полки были распущены. Дворяне вместо прежней временной службы поголовно созваны были под ружье и записаны в новые регулярные полки, в постоянную службу, вместе с рекрутами из всех податных сословий и охотниками из них же. Постоянное пребывание в строю и усердное ученье установило среди солдат крепкую дисциплину, привычку к дружным, стройным действиям в бою и в походе. Заботливо обученные, хорошо вооруженные и привыкшие к войне, созданные Петром новые войска не уступали в искусстве и храбрости лучшим войска того времени.

Весной 1709 года Карл осадил Полтаву. Маленькая крепость защищалась мужественно, русские с большим уроном для шведов отбивали все их приступы. Карлу советовали отступить, но он заупрямился: «Если бы Ангел Господний велел мне отступить от Полтавы, — я и тогда не послушался бы», — говорил он.

Наконец, подошел сам Петр с сильным войском. Шведы и русские стали друг против друга, окружив свои станы окопами и укреплениями. Готовились к битве. В русском стане читали перед полками царский приказ: «Воины! Пришел час, который должен решить судьбу отечества. Не помышляйте, что сражаетесь за Петра, но за государство, Богом Петру врученное, за род свой, за отечество, за веру и церковь. А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога — только бы жила Россия, благочестие, слава и благосостояние ея».

27 июня 1709 года на рассвете началась жестокая битва. Оба государя были во главе своих полков. Петр во все время сражения оставался под огнем неприятеля и сам распоряжался действиями войск. Пули сыпались вокруг него градом, седло, шляпа и кафтан его были прострелены, но он по милости Божией оставался невредим. К полудню все было кончено. Шведское войско разбито наголову и остатки его взяты в плен. Раненого короля едва успели увезти с поля битвы. С изменником Мазепой и с несколькими слугами он бежал за Днепр, в Турцию.

Не многим полководцам выпадала на долю такая полная и блестящая победа, какая одержана была Петром под Полтавой. Особенно дорога была эта победа тем, что досталась русским не случайно: она была плодом долгого учения, настойчивой работы, многих жертв и усилий самого царя и всего русского народа, как из коренной России, так и из русских областей, бывших под

польской властью, — Белоруссии, Волыни, Подолии и далекой Галичины. Немало русских добровольцев из этих областей, особенно крестьян, сражалось под Полтавой.

После битвы, на обеде, в кругу своих доблестных сподвижников и пленных шведских генералов Петр поднял чарку и пил за здоровье своих учителей, какими он считал храбрых шведов. На это шведский фельдмаршал ответил: «Плохо же отплатили ученики своим учителям».

Битва при Гренгаме

Торжество над шведами и надежда на окончание тяжелых войн омрачились одной неудачей.

Турция, по подговорам нашедшего в ней приют Карла, объявила России войну. Петр, понадеявшись на помощь турецких подданных-христиан — румын, болгар и сербов — вступил в Молдавию с небольшим войском и, неосторожно углубившись в нее, был окружен на берегах реки Прута двухсоттысячной турецкой армией. Порабощенных христиан за Дунаем туркам удалось удержать в повиновении и лишь свободные черногорцы поднялись против турок. Петру пришлось пойти на уступки и заключить мир, по которому недавно взятый Азов отошел к Турции.

Россия отодвинута была от Черного моря. Но теперь потеря эта была не так тяжела. Шведская война клонилась к концу. После Полтавской победы не было сомнений в успешном исходе борьбы, и Петр уже мог считать своими берега Балтийского моря. Случилось то, чего боялись еще перед войной двоедушные союзники России: в руках Петра были все главные города на Финском и Рижском заливах — Рига, Ревель, Нарва. Уверенность в окончательной победе была так велика, что уже в 1713 году, не дожидаясь заключения мира, Петр объявил свой любимый Петербург «царствующим градом» — столицей. Еще прежде (в 1710 году) взята была сильная шведская крепость Выборг, ставшая надежным оплотом для Петербурга с севера. Петр очень дорожил Выборгом и называл его «подушкою Петербурга».

Русские военные корабли уже плавали по Балтийскому морю. Летом 1714 года целый флот гребных галер (небольших судов) с 15 тысячами солдат вышел из устроенной Петром на острове Котлин, перед самым Петербургом, военной гавани и крепости — Кронштадта к берегам шведской области Финляндии и самой Швеции. Около острова Гангут его встретил шведский флот. Шведских судов было меньше числом, но среди них, помимо галер, находилось 28 больших кораблей с сильной артиллерией до 800 пушек; на русских же судах пушек было очень мало. Петр, узнав об опасном положении своего флота, поспешил из Ревеля к Гангуту. По пути страшная буря чуть не разбила царский корабль; все потеряли голову — один Петр ни на минуту не упал духом, сам правил рулем и ободрял оробевших гребцов: «Чего боитесь? Царя везете. С нами Бог». Прибыв к флоту, царь сам наметил план битвы и сам повел свои галеры на врага. Шведы защищались упорно. Русские с отчаянной смелостью лезли с лодок и галер на шведские корабли невзирая на пальбу, разрывавшую в куски нападавших солдат. После трех часов ожесточенной битвы шведы сдались. Небывалая до тех пор по размеру морская победа несказанно обрадовала царя. Вражеский флот был уничтожен. Русские остались господами Балтийского моря.

Шведы еще некоторое время продолжали борьбу, надеясь на помощь других европейских государств, с опасением взиравших на усиление мощи России. Но Петр, несмотря на угрозы со стороны Англии и Голландии, направил свой флот к самым берегам Швеции. Русские высадились недалеко от шведской столицы Стокгольма и стали разрушать литейные заводы, снабжавшие оружием шведскую армию.

Упорство шведов было, наконец, сломлено, и начались переговоры о мире.

3 сентября 1721 года Петр отплыл по делам из Петербурга в Выборг. На другой день царская яхта вновь показалась на Неве. С борта, не умолкая, звучали трубы и каждую минуту гремели выстрелы из пушек. Сам царь, радостный, стоял на палубе, махая шляпой. И скоро счастливая, давно желанная весть облетела город: 30 августа подписан русскими послами мирный договор со Швецией в Ништадте. По условиям этого мира Россия получала три большие области — Лифляндию с Ригой, Эстляндию с Ревелем и Ингрию, в пределах коей находился Петербург, а также юго-западную часть Финляндии (Выборгская губерния).

Велики были восторг и ликования, какими встречено было Россией, утомленной рядом тяжелых войн, известие о мире. В Петербурге целую неделю не прекращалась пушечная и ружейная пальба, жгли блестящий фейерверк, трубачи ездили по городу, разглашая всюду радостную весть. Праздновали окончание тяжелой войны, тянувшейся 21 год; праздновали славу небывалого успеха над непобедимым доколе врагом; радовались приобретенным неисчислимым торговым и иным выгодам, возвращению исконных русских земель, завоеванию новых — целого обширного края с богатыми торговыми городами; радовались возвращению ранее утраченного моря. Все это обеспечивало России дальнейший рост ее могущества и занятие ею достойного места среди европейских держав. Опасные ее противники были ослаблены и унижены. Швеция была низведена на степень второстепенного государства, а Польша, раздираемая внутренними междоусобиями, клонилась к упадку.

Неисчислимы выгоды положения, занятого Россией после Ништадтского мира, были хорошо видны современникам; понимали они и то, сколь обязана Россия своему царю новой своей славой и величием.

Чтобы ознаменовать завоеванное Россией положение великой державы, высшие чины государства убедили Петра принять титул императора, который обычно присваивается государям наиболее могущественных и сильных держав.

Так выросла из Московского царства Российская империя.

Положение дворянского и крестьянского сословий

Петру Великому приходилось вести войны почти непрерывно: в полном мире со времен первого Азовского похода прошли только два года его царствования. Поэтому царю приходилось держать и войско, и флот в постоянной боевой готовности. Он не раз говорил: «Мир хорошо, однако при том дремать не надлежит, чтобы не связали рук, да и солдаты чтобы не сделались бабами».

Содержание армии и флота требовало значительных денежных средств; но выискивать их возможно было лишь с величайшим трудом, так как Россия была бедна. Нужно было подумать об увеличении государственных доходов. Петр хорошо понимал, что большие денежные средства можно получать только тогда, когда государство устроено хорошо и крепко, имеет развитую промышленность и ведет оживленную торговлю. В этом отношении Россия тогда очень отстала от западноевропейских государств. Петр решил уничтожить эту разницу и завести у себя такие же мастерства, искусства и науки, какие процветали уже в то время на Западе.

Свои преобразования Петр Великий проводил быстро, решительно, ослушников своей воли и недовольных карал сурово. Но и работать самому царю приходилось среди величайших затруднений и препятствий: очень многие не понимали смысла и цели его преобразований, другие готовы были даже вредить ему. Так, в самый разгар войны его со шведским королем возмутилась Астрахань: там распространился нелепый слух, что вскоре выйдет приказ от царя выдать замуж всех девушек за немцев. Для усмирения Астрахани пришлось посылать войско.

Во все царствование Петра по Руси бродили люди, распространявшие самые нелепые о нем слухи. В числе людей, недовольных деятельностью Петра, оказался даже его собственный сын — царевич Алексей.

Вот среди каких затруднений и препятствий проходила государственная работа Великого царя на благо России. Не напрасно он с горечью иногда писал: «Страдаю, а все за отчество, желая его пользы».

Многих сторон жизни коснулись преобразования Великого государя. В первую очередь, изменилась при нем военная служба. Она стала для дворян уже не временной, а постоянной. Только тяжкие раны и неизлечимые болезни да глубокая старость освобождали дворянина от военной службы. На службу молодые дворяне должны были являться грамотными: без грамоты и науки они записывались навсегда в рядовые. Не надо думать, что исполнить требование относительно обучения было тогда легко. Теперь и крестьянским детям не трудно стать грамотными, во многих деревнях есть школы, тогда же школы были очень редки.

Являвшимся на службу дворянам часто сам царь делал смотры, причем назначал тех, кто не был способен к военной службе, в гражданскую. Сам же царь и распределял новобранцев по полкам и кораблям. Всякий дворянин начинал службу простым рядовым, и уже потом знание, способности и труд давали ему возможность выслужиться и стать офицером. Тяжелая военная служба была для некоторых так страшна, что они старались всячески от нее отделаться; но суровое наказание — битье батогами — ожидало таких дворян.

Наиболее способных молодых людей государь отсылал для учения за границу. По возвращении их в Россию он самолично производил им экзамен, и горе было тем, которые оказывались слабыми в науках, которые провели время за границей за картами и вином: жестокое наказание приходилось испытать таким ленивцам.

Тяжела была служба дворянина при Петре Великом, не легка была жизнь и других сословий. Для пополнения постоянной армии были заведены рекрутские наборы. В первые годы шведской войны эти наборы производились очень часто: в рекруты брались горожане, крестьяне государственные и помещичьи, а также холопы. Научившийся грамоте, усердный и храбрый солдат из простых людей мог дослужиться до офицерского чина и стать дворянином. Кроме рекрутских наборов на крестьян и горожан легла еще новая повинность: они должны были платить так называемую подушную подать. Она установлена была Петром в конце его царствования и назначалась на содержание постоянной армии, достигшей к тому времени уже ста тысяч человек. Установлена эта подушная, или поголовная, подать взамен старой — подворной подати, которая признана была несправедливой, потому что в равной мере взималась с больших и малых дворов. При первом счете людей, на которых налагалась подушная подать, их оказалось около 6 миллионов.

За правильным поступлением подушной подати от крестьян и холопов должны были следить дворяне, на землях которых те жили; они же отвечали и за исправность крестьян и холопов в отбывании рекрутской повинности. Власть дворянина-помещика над крестьянином поэтому увеличилась. Дурные помещики злоупотребляли своей властью и дошли до того, что продавали

иногда своих неисправных крестьян даже в одиночку, разлучая с семьями. Петр строго это запрещал. Боролся он и с другими злоупотреблениями помещичьей власти: он приказывал наблюдать, чтобы помещики не разорили крестьян, а от разорителей имения отбирались.

Жизнь крестьян, как и людей других сословий, в то время была тяжела. Переустройство государства требовало больших усилий и труда от всех. Рекрутчина, подушная подать, а также переселение государственных крестьян на постройки в Петербург или на рытье ладожских каналов тяжело ложились на крестьянское сословие. Но сам царь подавал пример напряженного труда и непрестанных лишений. Всем — и дворянам, и крестьянам — Петр мог показать свои руки, покрытые мозолями. «Видишь, братец, — говорил государь дворянину Неплюеву, — я и Царь, да у меня на руках мозоли, а все от того, что хочу показать вам пример, и хоть бы под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечеству».

Великий государь отлично понимал, что нельзя добиться большого увеличения государственных доходов одним увеличением податей и всякого рода налогов. Он всеми силами стремился поднять благосостояние русского народа, а достигнуть этого можно было напряженной работой, распространением просвещения, полезных знаний, развитием земледелия, промышленности и торговли. Для всего этого Петр сделал гораздо больше всех предыдущих государей. Нет ни одной отрасли народного труда, промышленности или торговли, которой бы ни коснулась заботливая рука Великого царя. Сам царь знал более десятка различных ремесел: он одинаково хорошо обходился как с топором на верфи, так и с токарным станком, выделывая тончайшие узоры из слоновой кости.

Заботы о развитии промышленности и торговли

Приобретя сам много знаний, государь решил научить им и своих подданных, обращая особенное внимание на те из них, которые более всего годились для нашей страны. Многими природными богатствами наделил господь Россию. Чего только у нас нет! И, однако, до Петра все эти богатства лежали почти нетронутыми. Он настойчиво повторял, что «Божие благословение втуне под землю не должно оставаться». Но для выполнения его горячего желания нужна была помощь опытных и знающих людей, а такими были только иностранцы, и вот он приглашает в Россию из-за границы людей, знающих хорошо разного рода мастерства, а особенно рудное дело. Им было дано большое жалованье и обещаны всякие милости. Но Петр требовал от них деятельной и честной службы; он требовал, чтобы они обучали своих русских учеников решительно всему тому, что сами знали, дабы русская промышленность не осталась всегда в руках иноземцев. Петр сам наблюдал за работой иностранных мастеров и всеми мерами добивался того, чтобы их русские ученики сравнялись с ними в искусстве и знаниях.

Самым любимым детищем Петра Великого были заводы железоделательные и горные. Еще в начале шведской войны он устроил железоплавильный завод на берегу Онежского озера — там, где теперь стоит город Петрозаводск: завод этот поставлял якоря и пушки для нового Балтийского флота. Затем государь расширил деятельность Тульского оружейного завода и основал еще новый оружейный завод в 30 верстах от Петербурга, при впадении реки Сестры в Финский залив.

Но главной заслугой Петра в деле открытия наших природных богатств является его деятельность на Урале, на котором до него почти ничего, кроме соли, не добывали. При нем же стали там добывать серебро, железо и медь. Во главе Пермских и Уральских заводов был царем поставлен знающий и честный немец Геннинг, который был уже известен царю своими работами на Олонецких заводах. Вначале дело шло туго: искусных людей в горном деле почти не было. Но в конце царствования Петра Геннинг с удовольствием отписывал ему, что Уральские заводы

выплавили 1500 пудов чистой меди и что медной руды добыто уже на целый год. В конце письма Геннинг особенно хвалил железную руду на Урале: «А где такая богатая руда есть, что на Алапаевских заводах? Половина железа из нее выходит, а на Олонце пятая доля выходит, — то великая разница!» К девяти Пермским заводам было приписано в качестве постоянных заводских рабочих 25 000 крестьян, а управление заводами было сосредоточено во вновь основанном городе Екатеринбурге, названном так в честь супруги государя. Но как ни хорош был Геннинг, Петр и тут остался верен своему постоянному стремлению: где можно, поручать дело русским людям. Еще в 1702 году он отдал Верхотурские заводы простому русскому оружейнику Никите Демидову, человеку смышленому и деятельному, который прекрасно повел дело на благо Родины и себе в пользу. Потомки его, получившие дворянство, были в течение многих лет самыми богатыми людьми в России.

Горными и железными заводами не ограничивалась деятельность императора в области русской промышленности. Он поощрял устройство шелковых, суконных и полотняных фабрик. Некоторые из этих фабрик еще при жизни его достигли большого развития: так, на шелковой фабрике Евреинова работало более 1500 человек. Среди хозяев фабрик при Петре мы видим много русских людей: купцов Сериковых, Микляевых и других. Чтобы развить и поощрить фабрично-заводскую промышленность, Петр давал тем фабрикантам, которые вели хорошосное дело, большие награды, покровительствовал образованию промышленных и торговых кампаний, или товариществ, и советовал своим приближенным принимать участие в них, указывая, что в промышленной деятельности ничего зазорного нет даже для самых знатных особ. Граф Толстой и адмирал Апраксин входили в состав предприятия, вырабатывавшего шелковую материю, а светлейший князь Меншиков участвовал в компании поморов, ловивших треску на Белом море.

Заботы великого труженика — государя простирались на такие стороны промышленности, о которых другой занятый важными государственными делами и не подумал бы. Заметил он, что в Англии готовят кожу для обуви лучше, чем в России: немедленно приказывает и у нас ввести этот улучшенный способ обработки. Увидел царь, что в Голландии хорошо солят треску: тотчас обучает этому солению и наших поморов.

Много заботясь о развитии промышленности, Петр Великий не забывал и главного средства к жизни русского народа — земледелие. После завоевания Лифляндии и Эстляндии он увидел, что у тамошних жителей есть обычай вместо серпов снимать хлеб особо приспособленными косами, что во многих случаях удобнее и скорее. Государь не замедлил отослать в хлебородные наши губернии несколько человек лифляндских крестьян для обучения этому населению. Не забывал Петр и скотоводства. Всякий знает теперь о прекрасной холмогорской породе рогатого скота, но далеко не все слышали, что разведением этой породы мы обязаны Петру. Царь нашел сходство между поемными лугами по нижнему течению Северной Двины и лугами Голландии, на которых выращивался лучший по своим качествам в Европе рогатый скот. И вот он приказал вывезти из Голландии несколько штук тамошнего скота, которые и послужили для разведения наших русских пород: холмогорской и ярославской.

Много забот государь уделял и лесному хозяйству. Хороший строевой лес был нужен ему, прежде всего, для постройки судов. Поэтому он заботился о разведении дубовых рощ, особенно на севере, где дуб в диком (природном) состоянии не встречался. Во многих местах России до сих пор сохранились дубовые рощи, посаженные рукой Великого царя. Но, заботясь о разведении строевого леса, Петр, конечно, должен был всеми мерами и охранять леса. Нельзя не признать, что русский человек и в наше время, к сожалению, мало ценит и бережет лесные богатства — деревья, и теперь зачастую леса истребляются безжалостным образом, тогда как за границей не только относятся бережливо к лесам, но каждый старается вырастить около своего дома хоть несколько деревьев. В своих заботах о благе народном Петр издавал строгие законы об охране

лесов, и надо пожалеть, что впоследствии они были забыты. Не дожили бы мы до теперешнего печального состояния, когда целые губернии, когда-то богатые лесом, совершенно обезлесились!

Заботы Петра Великого о фабриках, заводах, мастерствах шли рядом с заботами его о развитии торговли. При вступлении его на престол у России был только один морской порт Архангельск, а со времени Ништадтского мира она имела на Балтийском море Петербург с Кронштадтом, Нарву, Выборг, Ревель и Ригу. Увеличение числа портов само по себе должно было способствовать оживлению торговых сношений с чужими странами. От гениальной мысли царя не могло укрыться, что самое положение России делало ее посредницей в торговле между Востоком (Персией, Индией, Китаем) и Западной Европой. Он мечтал о том, чтобы отвлечь западноевропейских купцов от тогдашнего пути в Индию кругом Африки и побудить их ездить на Восток по сухому пути, через Россию. Но в России не было в то время хороших путей сообщения — этого первого и главного условия успешной торговли, — и вот смелый, изобретательный ум царя выискивает способ дешевого и удобного сообщения по нашим рекам. Петр обратил внимание на то, что левый приток Волги — река Тверца близко подходит к реке Мете, впадающей в озеро Ильмень, откуда рекой Волховом, Ладожским озером и рекой Невой шел прямой водный путь в Балтийское море. Он решился на огромное и необычайно трудное для того времени предприятие — соединить Тверцу и Мету каналом. По его приказу и был прорыт между этими реками соединительный Вышневолоцкий канал, дававший возможность из Балтийского моря проехать на Волгу и по ней в Каспийское море. Но на пути большим препятствием для безопасного плавания судов служило бурное Ладожское озеро. Царь решил прорыть канал в обход этого озера.

Устройство обоих каналов стоило больших денег и громадных трудов. Десятки тысяч рабочих ежегодно высылались сюда из разных мест на земляные работы. Многие из них заболели и умирали здесь. Но царь признавал, что смерть этих рабочих, делавших великое государственное дело, была не менее честной и благородной, чем смерть воинов, погибавших за Отечество на поле битвы. И народ наш понимал великое дело царя и безропотно шел «на канавушку на Ладожскую, на работу государеву», как поется в одной песне, сохранившейся у крестьян Олонецкой губернии. Петр Великий не хотел ограничиться сооружением только Вышневолоцкого и Ладожского каналов. Он мечтал провести и другие каналы, которые бы соединили Волгу с Доном, Северную Двину с Невой и Волгой. Ранняя смерть не дала государю осуществить все эти великие замыслы; но непрестанные и разнообразные его заботы о русской торговле принесли большие плоды уже в последние годы его царствования: более 200 иностранных кораблей каждый год приходило тогда в Петербург, и наш заграничный вывоз достиг двух с половиной миллионов рублей в год — деньги по тому времени очень большие. Вообще же доходы государства при Петре Великом увеличились в три с лишком раза сравнительно с предшествующими царствованиями.

Преобразование государственных учреждений и заботы о просвещении

Для устройства армии и флота, для снабжения их всем необходимым, для развития промышленности и торговли и для проведения в жизнь других новых начинаний царя-преобразователя были уже непригодны прежние правительственные учреждения Московского государства. Новые условия жизни потребовали и новых правительственных учреждений. Прежние устарели и не успевали работать за государем. Старую боярскую думу Петр заменил в 1711 году сенатом, который первоначально должен был действовать тогда, когда государь находился в отсутствии, но затем стал учреждением постоянным и занял самое высокое место в государстве. Сенат должен был следить за действиями всех властей. Ему были подчинены коллегии, заменившие прежние московские приказы.

Каждая коллегия состояла из председателя и нескольких членов, и дела в ней решались по большинству голосов. Всех коллегий было десять. Они ведали всеми отраслями управления, суда и государственного хозяйства. Особые коллегии были учреждены для заведования горно-заводским делом, торговлей и промышленностью.

Изменилось при Петре управление и на местах: взамен прежнего деления страны на многочисленные уезды, очень неравномерные по пространству, ничем не связанные между собой, Россия была разделена сначала на восемь, а потом на десять губерний; губернии же эти делились на провинции, а провинции — на уезды.

Изменяя правительственные учреждения, государь понимал, что одним этим нельзя многого достигнуть, что надо приготовить хороших работников для этих учреждений, нужно иметь всюду людей сведущих и образованных.

Поэтому мысль о скорейшем распространении в России образования никогда не покидала государя, и, несмотря на то, что ему приходилось заниматься множеством других дел, он для насаждения образования в России сделал все, что было в его силах. Мы уже знаем, что царь молодых дворян отправлял учиться за границу; но обучение за границей было для многих невозможно, да и стоило государству дорого. Надо было завести собственные школы. На Руси до Петра существовали только низшие церковно-приходские училища. Только в правление царевны Софии в Москве была учреждена высшая школа, которая получила название Славяно-греко-латинской академии. Во главе ее были поставлены два греческих монаха — братья Лихуды, получившие прекрасное образование. Кроме того, в Киеве с давних пор существовала славная Киево-Могилянская академия, многие ученики которой стали помощниками Петра в его просветительских делах.

При всех достоинствах этих высших учебных заведений они, однако, давая главным образом духовное образование, не могли подготовить таких людей, которые нужны были Петру Великому. Ему были необходимы люди, хорошо знающие морское, военное и инженерное дело. Поэтому, оставив академии в прежнем виде, он стал заводить новые школы. Еще в 1701 году государь открыл для изучения морских наук Навигацкую школу, поместив ее в Сухаревой башне в Москве. Одни поступали в нее добровольно, но таких было сначала немного; других стали набирать принудительно. Через десять лет в школе было более 400 учеников. Всем им выдавались кормовые деньги, пока они учились; за самым же их учением был установлен строгий надзор: за пропуски учебных дней с учеников брали большие денежные штрафы, а если они их не уплачивали, то учеников подвергали телесному наказанию. Навигацкая школа вела свое дело с большим успехом, особенно когда начальником ее был поставлен первый русский математик Магницкий, всю душу свою отдававший школе. Из Навигацкой школы вышли деятельные и сведущие помощники Петра в деле морском, артиллерийском, инженерном. Они же стали первыми учителями в других вновь открываемых школах.

Вслед за Навигацкой появились в Москве и другие школы: Инженерная, Артиллерийская, а также Медицинская, которой заведовал голландский доктор Бидлоо, весьма хваливший понятливость и сообразительность своих учеников. В 1715 году высшие классы Навигацкой школы были переведены в Петербург и из них образовалась Морская академия. Вначале во главе ее был поставлен француз Сент-Илер, который относился к своим обязанностям небрежно. Царь, узнав об этом, написал: «Спросить француза, чтобы подлинно объявил, хочет ли он свое дело делать?.. И буде будет, — чтобы делал; буде нет, то чтобы отдал взятое жалованье и убрался из России». Вскоре Сент-Илера уволили, и Петр назначил начальником академии Нарышкина, при котором она достигла особенного процветания: ученики ее стали самостоятельно совершать плаванье на фрегатах и на деле изучать морскую службу. Но для того, чтобы заставить молодых людей учиться, надо было государю прибегать к весьма суровым мерам: в каждом классе по

приказу Петра был поставлен солдат с хлыстом, который должен был, «буде кто из учеников станет безчинствовать, оным хлыстом быть, не смотря какой бы фамилии ученик не был». Такова была школа, которую проходило тогда русское юношество. Но иначе и нельзя было поступать царю-преобразователю, когда многие не сознавали пользы образования и только силой можно было заставить их учиться.

Не ограничиваясь Москвой и Петербургом, Петр стал открывать школы, хотя только начальные, и в других городах. Эти школы назывались цифирными, потому что в них особенно изучались арифметика и геометрия. Школы эти назначались для дворянских детей, но потом в них стали допускать и детей других сословий. Для подготовки образованных священников Петр велел архиереям открыть особые школы, или духовные семинарии, в которых тоже могли учиться дети и не духовных лиц. Упразднив патриаршество и учредив Святейший Синод (в 1721 году), он поставил ему, между прочим, в особую обязанность заботиться о поднятии образования духовенства и о просвещении верой Христовой язычников, особенно в Сибири.

Кроме распространения образования путем школ царь действовал и другими мерами. В одно из своих путешествий за границей он купил большое собрание редких камней, раковин и чучел различных рыб, зверей, насекомых, совсем неизвестных или мало известных в России. Присоединив к этому собранию разные русские редкости, которые Петр приказывал привозить отовсюду в столицу, он открыл в Петербурге так называемую «кунсткамеру», в которой эти диковинки показывались желающим бесплатно.

Для того чтобы народ меньше верил всяким нелепым слухам и лучше понимал мероприятия правительства, Петр основал первую русскую газету: с 1 января 1703 года стали выходить «Ведомости». Содержание первого номера их было составлено при ближайшем участии государя. В них стали сообщаться разнообразные известия из России и из-за границы. Особенно много места, конечно, эта первая русская газета уделяла живо всех интересовавшей войне со шведами. При Петре было издано много книг разнообразного содержания: по географии, по истории, по разным военным наукам. Царь сам часто указывал перевести ту или другую полезную иностранную книгу. Петр очень любил и свои русские старые летописи, велел бережно их сохранять и хотел общий свод их напечатать во всеобщее сведение. Вообще надо сказать, что с Петра Великого всякого рода книги значительно подешевели и стали более доступными.

Петр Великий желал, чтобы русские и в области высшего знания скорее догнали другие просвещенные народы, чтобы и русские с течением времени стали приносить пользу всему человечеству своими собственными научными открытиями и изобретениями. По совету знаменитого немецкого ученого Лейбница Петр задумал устроить в Петербурге Общество ученых людей, которые бы трудились над усовершенствованием искусств и наук. В 1724 году был утвержден им устав этого общества, которое было названо Академией наук. Но самое открытие Академии совершилось уже после смерти Петра, в царствование его супруги Екатерины Первой.

В состав Академии были приглашены, за неимением русских ученых, иностранцы. При ней было открыто особое учебное заведение, в котором даровитые юноши подготовлялись к занятиям науками. С течением времени из этих юношей и стали выходить настоящие ученые из русских, вступавшие в состав самой Академии наук. К сожалению, сама Академия на долгие годы сделалась приютом одних почти ученых немцев, которые часто забывали о том, для чего хотел открыть Академию Великий император. С этими немцами пришлось впоследствии вести тяжелую борьбу первому русскому знаменитому ученому — Ломоносову.

Петербург — столица государства

Забываясь так много о распространении просвещения, Петр Великий желал изменить многое и в правах русских людей, особенно дворянства.

Государь не мог оставить без внимания и ту слепую приверженность к старине, которая мешала проведению в жизнь многих его начинаний. Он думал, что одной из главных причин отчуждения русских от иноземцев и нежелания русских заимствовать у иностранцев хорошее было различие между внешним обликом русского человека и западного европейца. Поэтому он приказал всем дворянам и горожанам одеваться в немецкое платье и брить бороды.

Петру не нравилось также затворничество русских знатных женщин в теремах. Чтобы постепенно уничтожить этот обычай, государь устраивал у себя и велел устраивать своим приближенным так называемые «ассамблеи», или собрания, где сходились для разговоров, танцев и других развлечений женщины и мужчины. Не особенно удобно чувствовали себя в новомодных французских платьях и среди новой обстановки тогдашние женщины; но человек ко всему привыкает: вошли в обычай и выезды на вечера, о которых раньше никто не смел бы и подумать. Конечно, народные обычаи изменяются не скоро, с большим трудом. Но и в этом деле Петр достиг некоторых успехов. Вместе с тем, однако, у некоторых нерассудительных молодых людей появилось пренебрежение к своему родному, даже к установлениям православной церкви. Петр весьма не одобрял вольнодумства, и подобным молодым людям приходилось не раз испытать на себе тяжесть его дубинки.

Новые порядки и новые обычаи трудно было заводить в старой столице. Много было в ней людей, которые еще бороду считали образом Божиим, а за старое русское платье готовы были стоять горой. Поэтому Петр с 1703 года по часту уже живет во вновь основанном им Петербурге, а затем постепенно этот город превращается и столицу Русской империи.

Петербург был основан при самом устье Невы, где широкая река разветвляется на несколько рукавов, образуя острова. Земля, на которой стоит теперь столица, была завоевана Петром у шведов. Но она за шведами была только последние 90 лет, раньше же принадлежала нам: на нынешнем Васильевском острове и в других местах по Неве и ее притокам кое-где уцелели еще к тому времени русские поселения, а на том месте левого берега Невы, где теперь Смольный монастырь, была даже православная церковь. Русские поселения встречались и далее на север, вплоть до Выборга и Кексгольма, а на западе — до Нарвы. Когда в 1703 году Петр впервые достиг устья Невы, он здесь нашел и взял шведскую крепость Ниеншанц, стоявшую на месте нынешней окраины Петербурга — Большой Охты. Однако это место Петру не понравилось, и он заложил город несколько ниже по течению реки.

Чтобы обеспечить новый город от нападения шведов, государь прежде всего озаботился постройкой крепости. Сам он жил вблизи от нее, в маленьком домике, неустанно наблюдая за работами. Этот знаменитый «Домик Петра Великого», одна из комнат которого обращена в часовню, где находится чудотворный образ Нерукотворного Спаса, и теперь стоит на том месте, где поставил его Великий царь. Сюда стекаются во множестве богомольцы для поклонения, и здесь непрестанно совершаются молебны перед образом, сопутствовавшим Петру во всех его походах. Вскоре вслед за построением домика и первой в Петербурге церкви Св. Троицы (недалеко от него) появились и дворцы «летний» и «зимний»; но эти «дворцы» были скорее похожи на обыкновенные каменные дома, которые можно встретить теперь чуть не в каждом уездном городе: так они были малы и просты.

По мере увеличения населения Петербурга стали соиздаться в нем и новые храмы Божий. Благодетельный государь сооружал их в ознаменование важных событий. Так, была воздвигнута церковь во имя Преподобного Самсона Странноприимца, в день памяти которого одержана была Полтавская победа. Затем был построен храм во имя Преподобного Исаакия Далматского, в день

памяти которого родился Петр. Имени Первоверховных Апостолов Петра и Павла посвящен был построенный им собор в крепости. Наконец, Петр основал Лавру, куда из Владимира-на-Клязьме были торжественно перенесены мощи Св. Александра Невского: этот доблестный князь был радетелем Русской земли, в 1240 году одержал блестящую победу над шведами на берегу реки Невы, отчего и прозван был Невским.

Место, на котором возникал новый город, было лесисто и болотисто. Со страшными трудностями приходилось бороться при постройках, частые наводнения причиняли много вреда. Петр думал бороться с наводнениями прорытием многочисленных каналов, но это не всегда приносило ожидаемую пользу. Тогда Петр задумал обезопасить дорогой его сердцу город громадной насыпью, но он не успел привести этот замысел в исполнение.

Для земляных работ, для строения домов и других дел в Петербурге требовалось много рабочих рук; но добровольных пришельцев сюда было сначала немного. Государю приходилось особыми приказами собирать рабочих из разных губерний. Первые петербургские купцы и ремесленники явились тоже не по доброй воле: они царским указом были вызваны из Москвы и других городов. Но вскоре за подневольными жителями потянулись и добровольные переселенцы: увидели, что и заработать, умеючи, в Петербурге можно, да и поторговать можно хорошо. Стала здесь развиваться и морская торговля: суда всяких наций посещали новый город. Петр Великий всякими мерами старался приохотить иностранных моряков и купцов к посещению Петербурга, часто сам выходил на боте встречать иностранные торговые суда к Кронштадту, проводил их и, как лоцман, получал от капитанов установленную за это плату. Царь радушно принимал иностранных, особенно голландских, моряков и купцов, среди которых у него было много знакомцев еще со времени путешествия за границу.

Благодаря неустанным заботам Петра Великого новая столица быстро обстроилась и разукрасилась. Тогда она занимала только часть нынешнего Петербурга. Еще на реке Фонтанке стоял дремучий лес, а Невский проспект окружали главным образом огороды; но встречались уже и тогда такие величественные сооружения, как дворец князя Меншикова или коллегии (ныне первый кадетский корпус и университет). Смотри на создание своих рук, Петр под конец своей жизни говорил: «Кому из вас, братцы мои, хоть во сне снилось, лет 30 тому назад, что мы с вами здесь, у Балтийского моря, будем плотничать и в одеждах немцев, в завоеванной у них же нашими трудами и мужеством стране». Петр говорил сущую правду: только благодаря его необычайному уму и настойчивости удалось создать все это. И правильно сказал впоследствии наш великий писатель Пушкин о новом царственном городе, что он «из тьмы лесов, из топи блат вознесся пышно, горделиво».

Заложение Санкт-Петербургской крепости

Но не пышно и не горделиво, а удивительно просто жил в этом городе его великий основатель. Петр поселился в своем любимом Петербурге на постоянное жительство в 1712 году. Но его живой, кипучий дух не знал покоя: часто и после этого покидал он по разным делам новую столицу, как раньше покидал Москву, быстро переносился из одного конца России в другой, «на свою, — как он говаривал, — государеву службу». Скоро и просто совершал он эти поездки: садился зимой в простые сани, летом в кибитку, брал с собою денщика Румянцева да еще двух-трех молодых людей и катил куда нужно, за сотни верст.

Проста была и полна непрерывных трудов жизнь государя: вставал он очень рано, часов в 5 утра, и, наскоро выпив кофе, который ему часто приготавливала сама супруга, спешил на корабельные верфи или на другие постройки, в высоких сапогах, иногда зачиненных им самим, в

зеленом кафтане немецкого покроя из русского сукна, подчас с заплатами, сделанными императрицей. Осмотрев верфи или постройки, царь переходил в сенат или коллегии или же возвращался домой и там принимал своих сотрудников. Обедал государь в 12 часов, затем по старому русскому обычаю шел часок-другой соснуть, а потом вновь начиналась государственная работа. В часы досуга царь не любил сидеть сложа руки: в свободное время он занимался у себя токарным делом. Но и сюда к нему приходили зачастую с неотложными докладами о делах государственных. Случалось, что сюда же царь вызывал для отеческого внушения своих приближенных, в чем-либо провинившихся. Иногда и знатнейшим из них приходилось попробовать царской дубинки.

Петр Великий был для всех доступен, готов был всякого выслушать, но болтовни и длинных разглагольствований не терпел. «Отпиши, Макар, — сказал он однажды своему секретарю, — к астраханскому губернатору, чтобы впредь лишнего ко мне не брехал, а писал бы о деле кратко и ясно. Знать, он забыл, что я многоглаголевых вралей не люблю, у меня и без того хлопот много».

Любя простоту во всем, царь, однако, не был человеком мрачным, угрюмым. Широкое русское веселье любил он всей душой, и если у него бывал пир, так уж, можно сказать, на весь мир. Такие пиры устраивались обыкновенно после великих, радостных для Руси событий.

Царя некоторые неразумные люди обвиняли в пристрастии к иностранцам, но это обвинение было несправедливо. Петр никогда не назначал иностранцев на первые места. На такие места у него были поставлены русские люди: Меншиков, Апраксин, Головкин, Шереметев и др. Иностранцами царь пользовался только как орудием ради их знаний. Беззаветно любя Родину, он за честь и славу ее готов был отдать свою жизнь. Вся его жизнь была посвящена служению России. Конечно, и Петру случалось ошибаться; иногда он карал слишком сурово, требовал того, что трудно было исполнить, но его бескорыстная любовь к Отечеству, его напряженные труды, поставившие Россию на ряд с великими мировыми державами, по справедливости заслужили ему у потомства прозвание Великого.

Самая смерть Петра глубоко трогает сердце. Он ускорил свою кончину из-за того, что подданных любил больше жизни своей.

Уже с 1715—1716 годов Петр не раз прихварывал, а в 1724 году летом он заболел довольно опасно. Врачи советовали ему осторожность, но он не обращал на их советы внимания. В 1724 году, в бурную октябрьскую, дождливую и холодную ночь, царь плыл из Кронштадта в столицу. Невдалеке от деревни Лахты на заливе послышались крики о помощи: тонул севший на мель военный бот. Царь немедленно отправился туда и сам помогал спасать матросов, стоя по пояс в ледяной воде. Болезнь после этого сразу усилилась, но железная натура царя боролась с приближающейся смертью: только в январе 1725 года он слег окончательно. Силы оставляли царя; он не мог уже говорить, а только писал на грифельной доске.

Утром 28 января душа Великого Петра отошла в вечность. Но то, что создано было им, осталось на благо Отечества. Отпевавший государя в Петропавловском соборе архиепископ хорошо выразил эту мысль в своем надгробном слове. «Какову он Россию свою сделал, такова и будет: сделал добрым любимую, любимая и будет, сделал врагам страшную, страшная и будет; сделал ее на весь мир славною, славная и быть не перестанет!»

Елизавета Петровна и Екатерина Великая

Время от смерти Петра до Елизаветы

Вслед за быстрым ростом при Великом императоре Россия после его смерти несколько останавливается в своем развитии. За первые 17 лет после Петра на престоле Российской империи сменилось четыре государя: вдова Петра Екатерина Первая (1725—1727); его малолетний внук Петр Второй (1727—1730); племянница Петра Великого Анна Иоанновна (1730—1740); ее внучатый племянник младенец Иоанн (1740—1741), после которого престол перешел к дочери Петра — Елизавете. Жизнь государства за это время не отмечена сколько-нибудь выдающимися событиями.

Положение России, приобретенное ею при Петре, было уже настолько прочно, что оно не поколебалось при быстрой смене его преемников. Шведы попробовали было в царствование малолетнего Иоанна Антоновича начать войну, желая возвратить земли, потерянные ими по Ништадтскому миру, но были побиты и заплатили за свою попытку еще частью своих финляндских владений (до реки Кюмени), присоединенных к Выборгской области (в 1743 году).

Неопасным соседом была для России и Польша. Издавна раздираемая бесконечной внутренней смутой и своеволием сильных панов, она утратила свою былую силу. Беспорядок во всех делах управления был полный; законы и суды не имели никакой силы; войско было ничтожно, плохо обучено и плохо вооружено и не могло ни защитить страну от внешних врагов, ни поддержать порядок внутри. Уже во времена Петра Великого в Польше происходило долгое междоусобие между приверженцами короля Августа Второго и сторонниками выдвинутого шведами против него другого короля — Станислава Лещинского. Петру пришлось занять Польшу своими войсками и восстановить власть законного государя. Петр не захотел тогда воспользоваться слабым положением Польши и отнять от нее принадлежавшие ей русские области. Он только подтвердил старые договоры, обязывавшие польское правительство не допускать никаких обид и притеснений православному населению этих областей. Но порядок, установленный Петром, был непрочен. Едва вышли из Польши русские полки, прежняя междоусобица вспыхнула с новой силой. Очевидно было, что жить самостоятельно это государство уже не может. Знатные и богатые паны, державшие в своих руках всю власть, не заботились о своем государстве, не дорожили ни пользой народа, ни честью родины. Они давали подкупать себя на сейме и не стеснялись призывать в Польшу на помощь себе и своим сторонникам иностранные войска. Это было выгодно для соседей, но губительно и унижительно для Польши.

Из всех соседей этой страны больше всего власти и силы над нею приобрела со времени Петра Великого Россия.

Императрица Екатерина I (с 1725 по 1727)

В 1733 году когда умер король Август Второй, в Польше началось обычное междоусобие. Французы подкупили часть панов на сейме, и те провозгласили королём того же Станислава Лещинского, жившего во Франции после своего поражения и выдавшего здесь свою дочь замуж за короля Людовика Пятнадцатого. Другие, желавшие избрать саксонского короля Августа, сына покойного Августа Второго, жаловались императрице Анне Иоанновне, что выборы произведены неправильно, и требовали военной поддержки. Русские войска были введены в Польшу. С другой стороны вступили в нее призванные сторонниками Лещинского французы. Победа осталась за русскими, и Август Третий утвердился на польском престоле.

Пётр II (с 1727 по 1730)

Попробовала вмешаться в дело и Турция, опасавшаяся усиления России на счет Польши. Но и в последовавшей затем войне с Турцией русские войска постояли за себя. Турки и татары были разбиты совершенно. Русские заняли Крым. Императрица Анна хотела удержать его за собою, чтобы навсегда покончить с беспокойными татарскими набегами. Но в дело вмешалась, кроме Франции, еще Англия: державы грозили войной, если Россия не вернет Крыма Турции. Анна Иоанновна уступила и ограничилась тем, что пределы России были отодвинуты далее на юг; присоединена нынешняя Екатеринославская губерния с северной частью Херсонской губернии.

Победа над Турцией имела важное значение тем, что отнимала сильную поддержку у азиатских орд, испокон веков кочевавших в южных степях по границам России. При Петре Великом к вечным набегам из Крыма прибавились ещё набеги кубанской татарской орды. Ногайцы, калмыки и башкиры, считавшиеся русскими подданными, также нередко искали случая поживиться грабежом на Руси. Но Россия становилась все сильнее и все крепче теснила разбойничьи племена. Уже в 1731 году киргизские орды, кочевавшие в привольных степях восточнее Урала, перешли в подданство России. Чтобы следить за новыми подданными, на границе киргизской степи выстроен был городок-крепость Орск, а в 1742 году — Оренбург. Башкиры, недовольные постройкой этих городов, попробовали поднять бунт, призывая себе на помощь кубанских татар, но те и другие были скоро усмирены. Чтобы отрезать башкир от киргиз и не дать им в случае бунта действовать сообща, по обе стороны от Оренбурга, по всему течению Урала от верховья реки до моря выстроена была новая линия крепостей. Казачьи полки, поселенные вокруг этих крепостей, образовали новое Оренбургское войско. Под прикрытием Оренбургской линии северная половина теперешней Самарской губернии стала быстро заселяться русским земледельческим населением. Самый Оренбург стал местом бойкой торговли, уже через пять лет после его основания туда наехало столько купцов из Хивы, Бухары и Ташкента, что русским купцам не хватило для продажи привезенных товаров.

Императрица Анна Иоанновна

Так постепенно и прочно укреплялась сила России и на восточной окраине, и пред враждебными государствами Западной Европы.

Многие из европейских держав долгое время не хотели признавать за русскими государями императорского титула, утверждая, что право на этот титул имел лишь Петр Великий лично как счастливый завоеватель, но не его преемники. Однако видя, что могущество России держится на прежней высоте, государства одно за другим стали именовать Россию империей. В царствование императрицы Елизаветы России впервые после Ништадского мира пришлось воевать с сильной европейской державой — Пруссией; блестящие победы, одержанные нашими войсками, окончательно укрепили за Россией славу великой державы.

Внутренняя жизнь нашей Родины омрачена была в первые годы после смерти Петра Великого многими тяжелыми настроениями.

Сотрудники Петра Великого после его смерти стали ссориться и враждовать между собою. Враждой между русскими вельможами воспользовались иноземцы. При Петре они были на вторых местах, а через несколько лет после него, в правление Анны Иоанновны, заняли самое видное положение в государстве. Особенно возвысился курляндский выходец Бирон, имевший неограниченное влияние на дела управления.

Не связанные ни верой, ни происхождением с народом, их приютившим, эти иностранцы — главным образом немцы — управляли нашей страной весьма жестоко, и горько приходилось тем

русским людям, все равно — будь то простой крестьянин, архиерей или знатный министр, которые осмеливались прогневить Бирона. С беспощадной жестокостью клеветы его разыскивали с народа увеличенные подати, а также все недоимки за прежние годы.

Такое положение дел в государстве вызывало сильнейшее недовольство русских людей всех сословий. Оно прекратилось только тогда, когда на престол при всеобщем ликовании народа вступила дочь Петра — Елизавета.

Общее направление деятельности императриц Елизаветы и Екатерины

Общая радость, вызванная воцарением цесаревны Елизаветы Петровны, не удивительна. Память Петра Великого благоговейно хранилась русскими людьми, и от новой императрицы все ждали, что она будет управлять страной и народом согласно примеру и заветам своего великого отца. Но и помимо того, личные свойства новой государыни вызывали к ней общее расположение.

Обладая привлекательной внешностью, она отличалась простым, живым и веселым нравом; при виде ее всякому становилось легче на душе; любовь к веселью не мешала Елизавете Петровне быть глубоко набожной: будучи императрицей, она не раз хаживала пешком на богомолье, прилежно выстаивала церковные службы, а в делах управления обнаружила живую заботу о нуждах православной церкви; особенно порадовала эта забота православный люд и духовенство после недружелюбного и сурового управления сановников-немцев, бывших у власти в царствование императрицы Анны Иоанновны и младенца Иоанна Антоновича. Замечательна была также доброта императрицы Елизаветы и ее горячая любовь ко всему русскому. Елизавета Петровна, подобно Петру Великому, не сторонилась иностранцев: любя веселье, музыку, всякие зрелища, она охотно выписывала к своему двору французских и итальянских певцов; но еще больше ей нравились русские песни, хороводы с крестьянскими девушками; в делах же государственных она решительно отстраняла всякое вмешательство иностранцев. Сановники-немцы с первых же дней ее царствования заменены были русскими, среди которых было уже достаточно людей, по образованию не уступавших ни немцам, ни французам. В течение всего своего двадцатилетнего царствования она не отступала от этого усвоенного ею правила. Когда ей предлагали назначить на какое-нибудь место иностранца, она отвечала: «К чему это? Разве нет способных русских людей?»

Императрица Елизавета Петровна (с 1741 по 1761)

По уму и способностям Елизавета Петровна не могла равняться своему великому отцу, но она всемерно старалась идти по его стопам, восстановила многие законы Петра Великого и первенствующее значение сената, отнятое у него в предыдущие царствования.

Тем же стремлением идти по следам Петра Великого отличалось и следующее царствование — императрицы Екатерины Второй, начавшееся вскоре после смерти Елизаветы. Екатерина Алексеевна, сама не русская по крови, не уступала императрице Елизавете в любви к русскому народу, а за свой ум и государственные способности заслужила, подобно Петру, имя Великой.

Императрица Екатерина Великая (с 1762 по 1796)

Родившись принцессой одного из мелких немецких княжеских родов, она приблизилась к русскому престолу через супружество с внуком Петра Великого — императором Петром Третьим, царствовавшим полгода. Этот брак был заключен по желанию императрицы Елизаветы Петровны еще в начале ее царствования, когда Петр был объявлен наследником престола. Екатерине было всего 14 лет, когда она выходила замуж. В ней уже и тогда видны были недюжинные способности и светлый ум, перед которым впоследствии преклонялись величайшие ученые того времени. С природным умом она соединила редкую образованность, приобретенную ею почти без помощи учителей. Она обладала удивительным умением обращаться с людьми, верно оценивать их способности и привязывать их к себе. Особенно полюбили ее в России за то, что она, родившись немкой, сумела сделаться русской по духу. Она быстро и хорошо усвоила русский язык, глубоко и искренно полюбила Россию, прониклась историческими заветами русского народа, и никому не приходило в голову вспоминать об ее иноземном происхождении. Не только придворные, имевшие счастье личного знакомства с императрицей, но даже простые солдаты смотрели на нее с обожанием.

Нередко были случаи, что люди, получившие крест или медаль из ее рук, отказывались после от заслуженной высшей награды, чтобы не расстаться со знаком отличия, полученным от «матушки-императрицы», как все называли Екатерину.

Общая любовь и это ласковое прозвание «матушка-императрица» и имя Великой достались Екатерине недаром. С первых лет царствования государыня проявила необычайно живое внимание к государственным делам, искреннее желание жить и работать исключительно на пользу своей новой Родины. Она не только умела окружить себя умными и способными русскими людьми, но и сама не пропускала дня без усиленных государственных трудов. Раннее утро уже заставляло ее за рабочим столом. Быстро и здраво разбираясь своим ясным и широким умом в самых сложных и трудных делах, императрица поистине была душой всего управления.

Не считая достаточным для себя изучение России по одним только книгам, Екатерина не раз совершала по России продолжительные путешествия, чтобы ближе ознакомиться с жизнью управляемого ею народа. Все это давало возможность государыне сделать весьма много в деле законодательства и управления.

Положение сословий

При Елизавете Петровне, а особенно при Екатерине уже не во всем было можно и нужно следовать Петру: жизнь сильно изменилась за это время. Изменилось самое положение сословий. При Петре дворянство несло пожизненную военную и другую службу государству, но уже при Анне Иоанновне оказалось возможным ограничить эту службу 25 годами. К этому времени дворянство стало более замкнутым сословием, чем раньше: только потомственные дворяне сохранили право владеть землями и жившими на них крепостными, дворяне личные этого права не имели. Вместе с тем дворянин теперь получил возможность начинать уже службу не с рядового или простого матроса, а с офицера, пройдя вновь открытую дворянскую военную школу — сухопутный шляхетский, или дворянский, корпус. Однако уклонявшихся от службы дворян по-прежнему сурово наказывали. Только в 1762 году был издан Петром Третьим «Указ о вольности дворянства», предоставлявший дворянам право служить или не служить по собственной охоте, но действие этого указа было на некоторое время приостановлено, и только по «Жалованной Грамоте» дворянству, данной императрицей Екатериной Второй в 1785 году, дворяне окончательно освобождались от обязательной службы. Этой «Жалованной Грамотой» дворянство признавалось первенствующим сословием в государстве и призывалось к широкому участию в местном управлении.

Постепенное освобождение дворянства от обязательной службы объясняется прежде всего тем, что во времена императрицы Екатерины не было нужды в таком числе подневольных служилых людей, как раньше. Уже имелось достаточно подготовленных людей, сведущих в разных делах военного и гражданского управления, да и сами дворяне теперь вполне сознавали необходимость службы государству без всякого со стороны его принуждения. Хотя служба дворянина стала необязательна, дворянство по-прежнему поставляло для армии офицеров; многие дворяне считали за честь для себя проливать кровь за Отечество и не смотрели на военную службу, как на тягостную повинность.

С другой стороны, за то время, когда дворяне бывали на всю жизнь оторваны службою от своих земель, имения их пришли в упадок; неумелые или своекорыстные управляющие разоряли и отсутствовавшего помещика, и его крестьян. Разорение дворянских имений и крестьян было для государства крайне невыгодно. И по этой причине дворяне были освобождены от постоянной обязательной службы. С этого времени многие из них могли сами управлять своими имениями. Кроме того, при императрице Екатерине на дворян смотрели, как на людей, которые на местах, в уездах, должны занимать, по выборам дворянских обществ, различные должности, как, например, должности предводителей, исправников, заседателей суда и т. п. Таковы были причины, делавшие полезным личное пребывание дворян в деревне.

Вполне понятно, что власть дворянина над крестьянином в это время стала значительно больше, чем прежде. По отношению к своим крестьянам помещики и раньше считались начальниками и судьями. Теперь, живя в деревне, они на деле получили большую власть над ними. Но в то время не без основания многие думали, что для самих крестьян лучше, если ими управляют дворяне, на землях которых они живут, а не случайные управляющие, ничем не связанные с крестьянством. Живя в деревне, помещик легко мог защитить своих крестьян и от обид и притеснений мелких приказных людей. Дворянин-помещик видел свою выгоду в том, чтобы крестьяне его не были разорены, так как его собственное благосостояние тесно связано было с благосостоянием крепостных крестьян: чем зажиточнее были крестьяне, тем исправнее они платили оброки. Конечно, не все помещики это сознавали, и бывали случаи, что, не понимая собственной выгоды, дворяне обращались со своими крепостными жестоко, требуя от них излишних оброков или тяжелой барщины; но такие случаи были не часты, и мы знаем из записок многих современников, что сами дворяне с величайшим презрением относились к таким своим собратьям.

Еще в 40-х годах XVIII века знатный и образованный помещик Татищев, первый начавший писать русскую историю, в своей духовной указал сыну правила хорошего управления имением и крепостными крестьянами. Он советовал сыну иметь в деревне образованного священника и дать ему безбедное пропитание, «чтобы он лучше прилежал к делам церкви». Затем он считал необходимым учить крестьянина грамоте, чтобы тот мог «через это назваться истинным человеком». Татищев идет еще дальше и советует своему сыну держать в деревнях своих еще доктора и снабдить деревни непременно банями и аптеками... Таковы были взгляды этого помещика на отношения дворянина к его крестьянам. Не забудем, что он писал это еще в царствование Елизаветы.

Казак Пугачёв

В царствование же императрицы Екатерины таких просвещенных людей, как Татищев, стало гораздо больше. В это время среди дворян появляются и такие люди, которые уже говорят о возможности уничтожить крепостное право. Во все царствование Екатерины идет обсуждение того, как приступить к облегчению участи крепостных. Сама императрица была убежденной

противницей крепостного права. Она, особенно в начале царствования, мечтала освободить от крепостной зависимости. Сделать это она, однако, не могла, во-первых, потому, что не встретила себе сочувствия среди многих своих приближенных, взгляды самой императрицы изменились после пугачевско-уральских казаков и много мятеж захватил значительную часть Поволжья и Урала. Те отвратительные жестокости, которые совершали шайки Пугачева, заставили императрицу думать, что простой русский народ еще не может обходиться без опеки и власти дворянина. Вот почему она, будучи противницей вообще крепостного права, не только не отменила его, а еще раздала многие казенные земли с жившими на них государственными крестьянами в частную собственность помещикам (особенно в южных и западных областях).

Пугачёв, беглый донской казак, объявил себя императором Петром Третьим, якобы не умершим. К нему примкнула часть уральских казаков и много крепостных крестьян. Этот ужасный мятеж захватил значительную часть Поволжья и Урала. Те отвратительные жестокости, которые они совершали, заставили императрицу думать, что простой русский народ не может ещё обходиться без власти дворянина. Вот почему она, будучи противницей крепостного права, не только не отменила его, а ещё раздала многие казённые земли с жившими на них государственными крестьянами в частную собственность помещикам (особенно в южных и западных областях).

Дела законодательства и управления

От Петра Великого до императрицы Екатерины Второй в деле законодательства и управления империей не произошло существенных изменений. Нельзя не отметить только некоторых мероприятий императрицы Екатерины. Установленная Петром рекрутская повинность была тягостна для населения, поэтому при Елизавете было повелено производить рекрутские наборы каждый год не со всего государства, а только с пятой его части. При этой же императрице началось генеральное (всеобщее) межевание земель, так как границы их были весьма спутаны и между владельцами происходили бесконечные споры и препирательства.

Гораздо большим оживлением отличалась законодательная деятельность при императрице Екатерине, прославившей свое долгое (1762—1796) царствование и блестящими победами, и мудрым, заботливым управлением.

Уже вскоре после вступления своего на престол она нашла, что одним из существенных недостатков русской жизни является устарелость законодательства: сборник законов, как мы знаем, был издан при царе Алексее Михайловиче, а жизнь с тех пор изменилась до неузнаваемости. Еще Петр Великий считал необходимым переработать и дополнить «Уложение» своего отца, но не успел этого сделать. Императрица Екатерина решила составить новое Уложение. Она читала множество сочинений знаменитых иностранных ученых о государственном устройстве и суде. Конечно, она хорошо понимала, что далеко не все то, что они писали, применимо к русской жизни.

Императрица находила, что законы должны быть согласованы с потребностями страны, с понятиями и обычаями народа. Для этого государыня решила обратиться к испытанной уже первыми царями из дома Романовых мере — созвать выборных от различных сословий государства для выработки нового Уложения. Это собрание выборных было названо «Комиссией для составления проекта нового Уложения». Комиссия должна была сообщить, прежде всего, правительству о нуждах и пожеланиях населения, а затем выработать проекты новых, лучших законов.

Она была открыта торжественно в 1767 году самой государыней в Москве, в Грановитой палате. Всех выборных депутатов собралось 567 человек: тут были представители от дворянства (от каждого уезда), купечества, государственных крестьян, а также оседлых инородцев. Всем депутатам был роздан «Наказ» императрицы. В этом наказе Екатерина указывала те общие правила, на основании которых должно быть составлено новое Уложение. Императрица особенно хотела внести в наше законодательство больше мягкости и уважения к человеку. Особенно казалось необходимым ей уничтожить пытки и предоставить дворянству и городскому сословию самоуправление.

Затем Комиссия разделилась на 19 отдельных комитетов, которые должны были заниматься различными отраслями законодательства. Вскоре, однако, в ней обнаружилось непонимание многими депутатами того, к чему они призваны, и, хотя депутаты относились к делу серьезно, работы их шли весьма медленно. Бывали случаи, что общее собрание, не кончив рассмотрения одного вопроса, переходило к другому. Дело, порученное Комиссии, было большое и сложное, и приобрести сноровку в нем не так было легко. Императрица перевела Комиссию в Петербург; однако она и в Петербурге за год не только не приступила к составлению нового Уложения, но даже не разработала ни одного его отдела. Быстрая во всяком деле государыня была этим недовольна. Между тем в 1768 году многие депутаты из дворян должны были отправиться на войну с турками. Екатерина объявила о закрытии общих собраний Комиссии. Но отдельные комитеты продолжали работу еще несколько лет.

Комиссия не составила Уложения, но зато она ознакомила государыню с нуждами страны. Сама Екатерина писала, что она «получила свет и сведения о всей Империи, с кем дело иметь, и о ком пецись должно». Теперь она могла действовать вполне сознательно и определенно.

Прежде всего она нашла необходимым изменить управление на местах — в губерниях. Жизнь показала, что управление такими огромными губерниями, которые были образованы при Петре Великом, весьма затруднительно. Екатерина разделила Россию на 50 губерний так, чтобы приблизительно в каждой губернии было одинаковое число жителей. В губерниях были образованы новые учреждения, из которых некоторые, как, например, губернские правления, казенные палаты и др., сохранились до наших дней. Это показывает, что мероприятия императрицы в области управления отличались большим знанием народной жизни. В губернском и уездном управлении, преобразованном Екатериной, наряду с назначенными правительством чиновниками, были и выборные от местного дворянства во главе с предводителями.

Новые губернские учреждения были распространены на всю Россию. Государыня ввела их и в Малороссии. В последней было уничтожено гетманство еще в самом начале царствования императрицы, а Малороссия, находясь под управлением особой Малороссийской коллегии, постепенно готовилась к введению в ней общерусских учреждений. Оно и произошло в 1782 году, и этот год можно считать годом окончательного слияния Малороссии с коренной Россией.

Не менее важны были заботы государыни о развитии городов: в этом отношении деятельность ее представляла собой прямое продолжение деятельности Петра Великого. Вместе с «Жалованной Грамотой» дворянству она дала «Жалованную Грамоту» и городам. Городское общество по этой грамоте делилось на купцов трех гильдий, ремесленников и посадских. Все постоянные жители города получали право выбирать через каждые три года городского голову и думу, которые ведали все городское хозяйство. Вместе с тем, покровительствуя особенно развитию торговли, императрица Екатерина давала купцам разные льготы. Между прочим, чтобы не отвлекать купцов на много лет от торговых дел, освободила их от рекрутской повинности, но за это они должны были уплачивать значительную денежную сумму.

Развитие русской торговли со времен Петра шло медленно, но верно: способствовало увеличению торговли уничтожением при Елизавете Петровне внутренних таможен в городах и на ярмарках. Значительно возросла и иностранная торговля: вывоз наш за границу увеличился уже по одному тому, что в царствование Екатерины были присоединены такие богатые области, как правобережная Украина, Новороссия и Крым.

Вместе с развитием торговли шло вперед и развитие промышленности. Важно отметить то обстоятельство, что теперь правительству уже не приходится действовать путем принуждения, как при Петре. Само население сознает громадную пользу фабрично-заводской промышленности. Под конец царствования Екатерины в России насчитывалось около 2 000 фабрик и заводов. Кроме фабрик и заводов, во второй половине XVIII века возникло так называемое кустарное производство. Во многих местностях России крестьяне у себя в деревнях начали изготавливать разные изделия, которые получили широкий сбыт.

Кроме забот о развитии промышленности и торговли правительству приходилось в то время принимать меры к заселению вновь приобретенных громадных земельных пространств на юге России. При Елизавете Петровне сюда в большом числе вызывались славяне, по преимуществу сербы, жившие на Балканском полуострове и страдавшие от турецкого ига, а также жившие в Австрии, где им тоже приходилось плохо: эти новые поселенцы были православными и по крови и языку людьми нам близкими; потом уже стали селиться у нас на юге и немецкие колонисты, которым отводили также незаселенные места по Волге, в Самарской и Саратовской губерниях.

Помимо вывоза из-за границы новых поселенцев Екатерина принимала и ряд других в высшей степени благодетельных мер для сохранения населения. В настоящее время трудно себе представить, какое громадное количество людей на Руси в то время умирало от оспы; эта страшная болезнь ежегодно уносила многие тысячи людей, а некоторых обезображивала на всю жизнь. В это время англичанин Дженнер открыл средство для борьбы с оспой; он стал делать прививки здоровым людям и тем предохранял их от заражения. Средство это, которое теперь распространено повсеместно, во время императрицы Екатерины считалось еще по невежеству очень многими весьма опасным. И вот сама императрица, чтобы показать пример своим подданным, первая велела привить оспу себе и всей своей семье. Поступок этот вызвал тогда всеобщее восхищение не только у нас в России, но и за границей.

Однако и помимо оспы свирепствовало на Руси множество всяких болезней. Чрезвычайно велика была детская смертность. Посещали Россию и разные губительные повальные болезни — особенно страшна была чума 1771 года, свирепствовавшая по всей России и вызвавшая в Москве бунт невежественной черни. Смертность достигала ужасающих размеров главным образом потому, что население было лишено всякой врачебной помощи; докторов было мало, да и были они только в крупных городах. Императрица Екатерина обратила и на это большое внимание: для заведования всем врачебным делом в России была учреждена особая медицинская коллегия, в каждом уездном городе должны были быть два врача — один для города, другой для уезда — и аптека; губернаторы обязаны были побуждать городские общества открывать больницы, а также приюты для увечных и неизлечимо больных. При императрице же Екатерине получили дальнейшее развитие разного рода попечительные учреждения: так, для попечения о дворянских сиротах были учреждены дворянские опеки, а для сирот других сословий — сиротские суды. Во главе всех благотворительных заведений в каждой губернии был поставлен вновь образованный «приказ общественного призрения».

Ломоносов и русское просвещение

Заботы Великого Петра о просвещении не остались без ответа со стороны русского народа. Пророчество Великого царя о том, что явятся на Руси свои русские ученые, оправдалось: на заботы его о просвещении русский народ ответил Ломоносовым.

В 1711 году в то самое время, как Великий Петр находился в самом разгаре своей деятельности, в среде предприимчивых архангельских поморов родился первый великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов. Он был сыном рыбака, проживавшего в Курострове, напротив города Холмогоры, на Северной Двине. Отец его не знал грамоты, но был человеком выдающимся среди своих односельчан: он первый среди поморов снарядил по-голландски оснащенное судно, галиот, и на нем совершал далекие поездки, не только по Белому морю, но и по океану — на Мурман и даже на Новую Землю. Когда Ломоносову минуло 10 лет, отец стал брать в свои поездки и его. Ко всему внимательно присматривался любознательный мальчик: величественная природа нашего севера производила на него глубокое, неотразимое впечатление. Такие дивные картины природы, как северные сияния, могучие ледяные горы Северного океана, рано стали наполнять его воображение и занимать его ум. Он начал искать объяснения этих удивительных явлений природы. Ломоносов рано для тогдашнего крестьянского мальчика научился грамоте от одного своего односельчанина и в 12 лет уже лучше всех односельчан читал в своей сельской церкви на клиросе.

Однако жизнь Ломоносова в родной деревне была не сладкой: мать он потерял очень рано, а мачех'а не любила его и особенно преследовала за любовь к книгам. Но •страстное желание учиться не давало ему покоя: он решил покинуть родную деревню и с согласия отца в 1730 году ушел в Москву. По дороге он остановился на несколько дней в Антониевом-Сийском монастыре, а затем с рыбным обозом поморов прибыл в Москву, где ему и удалось попасть в Славяно-греко-латинскую академию. Низшие классы при академии, соответствовавшие низшим классам теперешних средних школ, молодой помор прошел очень быстро — первые три в один год, несмотря на страшно бедственное свое положение. Сам он впоследствии писал об этом времени так: «Имея один алтын в день жалования, нельзя было иметь на пропитание в день больше, чем на денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил». Не менее бедности удручали Ломоносова и насмешки его товарищей, которые говорили: «Смотри-ка, какой болван, лет в двадцать пришел латыни учиться».

Но все победил, все вынес одаренный от Бога необычайными способностями юноша. Его ненасытный ум уже не удовлетворялся теми сведениями, которые он получил в Московской академии, тем более что они ничего не давали ему для познания природы, а к этому он более всего стремился. Ломоносов уже готов был ехать священником-миссионером в Карелию, но неожиданно счастливые обстоятельства дали ему то, что он искал: в числе 12-ти лучших учеников академии он в 1735 году был послан в Петербург, в университет при Академии наук. Но здесь его ждала новая счастливая неожиданность: осенью того же 1735 года он уже плыл на корабле в Германию, посланный туда Академией наук для изучения физики и химии под руководством лучших немецких ученых. Давнишняя мечта Ломоносова исполнилась: он мог теперь изучать то, что его больше всего занимало. За границей Ломоносов пробыл несколько лет и с необычайным успехом изучал свои любимые науки. В годы заграничного пребывания выпало на долю его немало неприятностей и беспокойств всякого рода. Не поладив с профессорами, Ломоносов в 1740 году решил вернуться на Родину. Денег у него не было, и он принужден был путешествовать пешком. По дороге он был завербован в прусские солдаты. Вербовщикам понравился его рост и могучее телосложение. Тяжелая участь ожидала нашего ученого, но, к счастью, ему скоро удалось бежать. В 1741 году Ломоносов добрался до Петербурга; но его не назначили сразу профессором в Академию наук, а дали ему место помощника профессора, хотя в то время никто в Академии не мог сравняться с ним в знаниях. Тогда в Академии безраздельно господствовали немецкие ученые.

Восшествие на престол Елизаветы Петровны оказалось благодетельным и для русской науки: немцы потеряли прежнюю власть в Академии, и высочайшим указом в 1745 году Ломоносов, первый из русских, был назначен профессором Академии наук. Вместе с тем в это же время Ломоносов благодаря своим стихотворениям сделался лично известен императрице Елизавете и стал в весьма дружеские отношения к Ивану Ивановичу Шувалову, благороднейшему человеку и искреннейшему поборнику просвещения в России. Сильное покровительство, оказываемое* Ломоносову Шуваловым, давало ему возможность вести по временам из-за русской науки успешную борьбу с академическими немцами.

С того времени как Ломоносов сделался профессором химии в Академии, его научная деятельность не прекращалась уже ни на один день. Ломоносов работал в самых различных областях знания. Он производил многочисленные физические и химические опыты, иногда с опасностью для жизни; для этих опытов он придумывал особые приемы и благодаря им достигал таких успехов, каких другим тогдашним ученым не удавалось достигнуть. В своих книгах, посвященных изучению природы, он высказал много новых, никому до него не приходивших в голову мыслей. Некоторые его мысли были так смелы, что ученые того времени не решались следовать за ним. Эти мысли только в наше время вполне поняты и по достоинству оценены.

Беззаветная любовь к изучению природы соединялась у Ломоносова с глубокой верой в Бога и безграничной любовью к России, к русскому народу и государству. Он видел слабое развитие у нас многих отраслей науки и работал над ними, не щадя своих сил. Самый книжный русский язык многим обязан Ломоносову: он старался объединить в нем церковнославянское книжное слово с живой устной народной речью.

Поистине в области науки Ломоносов был такой же всеобъемлющий гений, как Петр Великий в области государственной.

Но Ломоносов велик не только тем, что сам был всеобъемлющим великим ученым, что некоторыми научными открытиями он далеко опередил свое время. Нет, он велик еще тем, что самые свои столь плодотворные занятия наукой готов был принести в жертву горячо любимой им Родине. Он часто отрывался от науки для того, чтобы написать, например, деловую записку «О размножении и сохранении Российского народа», многие мысли которой получили впоследствии осуществление при Екатерине. Исполняя просьбу Ломоносова, его друг И. И. Шувалов стал хлопотать о создании в Москве университета, который и был открыт в 1755 году. Это был первый настоящий университет в нашем Отечестве, так как университет при Академии наук был скорее простой школой, да и поставлен был плохо. Ломоносов советовал открыть высшее учебное заведение именно в Москве, как сердце России. Надежды Ломоносова и Шувалова вполне оправдались: Московский университет дал Отечеству впоследствии много замечательных людей. Ломоносов умер еще не старым человеком в 1765 году и погребен был в Петербурге, в Александро-Невской Лавре.

Такова была жизнь этого замечательного русского человека, который, выйдя из простой крестьянской семьи, занял почетное место среди великих людей нашего народа.

Вполне справедливо сказал о Ломоносове Пушкин:

Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря.
Мальчик отцу помогал. «Отрок! Оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы,
Будешь людей ловлять, будешь помощник царям».

Императрица Елизавета могла гордиться Ломоносовым, как славой своего царствования: но просвещение при ней еще не достигло того развития, которое оно получило при императрице Екатерине Второй. Будучи сама женщиной широко образованной, она считала первым своим делом распространение просвещения среди своего народа. Деятельным ее сотрудником в этой области был И. И. Бецкий, получивший образование за границей. И он и императрица находили, что нужно заботиться не только о приобретении знаний учащимися, но и о том, чтобы хорошо воспитать подрастающее поколение. Сделать это они думали в закрытых учебных заведениях, чтобы на детей не могло оказывать дурного влияния грубое и малообразованное общество, из которого они вышли. Для воспитания мальчиков существовало несколько кадетских корпусов, а для благородных девиц открыт Смольный институт. Тогда же рядом с ним было открыто особое училище для воспитания девушек купеческого и мещанского сословий. Устраивая учебные заведения для девиц, императрица показывала этим, что она считает необходимым образование и для женщин. Она хотела, чтобы в России были просвещенные и образованные матери, которые могли бы правильно воспитывать будущее поколение русских граждан.

Заслуживают внимания также человеколюбивые заботы императрицы и Бецкого о призрении детей, брошенных своими родителями на произвол судьбы. Для воспитания подкидышей и обучения их различным мастерствам и ремеслам были учреждены воспитательные дома в Петербурге и Москве.

Во вторую половину своего царствования государыня задумала широко распространить образование и вне столицы, открывая в губернских городах главные народные училища, а в уездных — малые. Первые из них были вроде теперешних гимназий, а вторые — вроде городских училищ. К концу царствования императрицы Екатерины было уже в России более 300 училищ.

Не менее плодотворно было покровительство русским писателям, которое оказывала императрица Екатерина. При ней литература наша очень оживилась: появились такие писатели, как Фонвизин и Державин. Сама императрица не раз бралась за перо и сочиняла комедии, где осмеивались недостатки современного ей общества. В том же духе работал и Фонвизин, написавший комедию «Недоросль». Вообще русский театр, возникший при Елизавете, в царствование Екатерины получил большое развитие и сделался не только местом для развлечений, но и средством исправления нравов. Императрица Екатерина, наконец, покровительствовала изучению родной русской истории. Она сама много ею занималась.

Просветительская деятельность самой императрицы, таких вельмож, как Бецкий, Шувалов и другие, привела к тому, что теперь дворяне, да и многие люди из других сословий, стремились сами к получению образования. Теперь не приходилось уже прибегать к тем насильственным мерам для насаждения образования, которые применялись при Петре Великом.

Просвещенная деятельность Великой государыни оставила в памяти потомства не меньший след, чем ее великие завоевания, о которых еще будет подробная речь.

«Память пышности двора твоего и великолепие праздников твоих, — писал впоследствии Бибииков, — со временем исчезнут, геройские подвиги храбрых твоих войск новыми нашего века победами затмятся: но дела благотворительницы и законодательницы России пребудут в сердцах в роды родов неизгладимыми и тверже запечатленными, нежели бы начертанные на величественных памятниках».

Присоединение Белоруссии, Волыни, Подолии и правобережной Украины

Забота о благоустройстве государства, о довольстве и счастье народа была в глазах императрицы Екатерины главной из ее царственных обязанностей. В молодости ей казалось даже, что хорошими законами можно вовсе истребить всякое зло и неправду, неразлучные с природой человека, создать «блаженство всех и каждого». К этому великом делу и лежало больше всего ее сердце.

Но положение России в Европе было тогда таково, что Екатерине с первых же лет своего царствования пришлось также уделять много сил и много внимания на достойную защиту прав и выгод России и русского народа перед иноземными государствами. Россия вызывала уже к себе страх и зависть, и вокруг нее сплеталась целая паутина ловких козней, имевших целью или подорвать могущество России, или использовать русскую силу на защиту чужих нужд и выгод. Всякая оплошность со стороны русских государственных людей грозила тяжелыми последствиями, которые, прежде всего, и отразились бы бедою на благосостоянии и жизни самого народа, о счастье которого так пеклась императрица.

Этими внешними делами, очень сложными, требовавшими больших знаний и тонкого ума, Екатерина занималась сама. Хорошим помощником ей был ее министр — образованный и умный граф Панин. В сношениях и переговорах с иностранными державами Екатерина всегда руководилась одним простым и ясным правилом: тратить средства России исключительно на те дела, которые могут принести самой России бесспорную пользу. Зато в таких делах она отстаивала пользу России, не поддаваясь ни просьбам, ни угрозам, с мужеством и упорством, приводившими в отчаяние иностранных послов.

Один раз английский посол, старавшийся заключить выгодный для англичан, но стеснительный для русских торговый договор, дошел до того, что стал на колени перед императрицей, умоляя ее уважить нужды и просьбы дружественного России английского народа. Все было напрасно: государыня не допускала даже малого стеснения своего народа.

Это твердое правило помогло императрице Екатерине с честью и пользой для России разобраться в важнейших событиях, надвинувшихся с первых же лет ее царствования.

На торжестве коронации императрицы приехавший из Польши Белорусский православный епископ Георгий Конисский обратился к ней сгорячей мольбой — защитить православное население Белоруссии от постоянных насилий со стороны католиков и униатов. Несмотря на все договоры с Россией и на многократные требования Русского правительства, православное население русских земель, бывших еще под властью Польши, терпело по-прежнему грубые обиды и притеснения, доходившие иногда до насильственного обращения в католичество или в унию.

Каждый год длинные списки таких обид и насилий присылались в Петербург. Упорное невнимание польского правительства к законным требованиям России было тем обиднее, что сама-то Польша без поддержки России не могла уже держаться. И в первые годы царствования Екатерины, как прежде, поляки продолжали докучать просьбами то о деньгах, то об оружии, то о военной поддержке для устройства своих внутренних дел.

Характер Екатерины не позволял ей мириться с таким положением вещей. Повторять в сотый раз бесплодные напоминания о старых договорах она не хотела и решила принять на этот раз крутые меры. Этого требовала не только защита русского населения в Польше, но и прямая польза Российской империи. Нельзя было допустить, чтобы Польша вышла из подчинения России, установившегося со времени Петра Первого: тогда она подпала бы под власть или влияние других соседних держав, которые через это стали бы более опасными для России.

Как раз в это время, в 1763 году, умер польский король Август Третий.

Опять началось, как в 1733 году, обычное в Польше междоусобие. Сильная партия, желавшая возвести на престол пана Станислава Понятовского, просила у Екатерины поддержки против вооруженных насилий, к которым прибегали противники. Императрица и воспользовалась этим случаем: она обещала свою поддержку Понятовскому с тем условием, что он и его сторонники, получив власть, установят новый закон, по которому православные подданные Польши наравне с католиками получают право участвовать в сейме и занимать всякие должности по государственной службе: тогда, конечно, всякие притеснения за веру стали бы немыслимы.

В силу этого соглашения с Понятовским казачьи полки были двинуты в Польшу, без труда разогнали отряды бунтовщиков, мешавших правильным выборам, и Станислав-Август был избран королем.

Однако и эта попытка — добиться справедливых прав для русского населения Польши — окончилась неудачей. Король Станислав, правда, предложил сейму издать закон о равноправии с католиками православных. Но сейм, состоявший исключительно из католиков, решительно отверг предложенный закон. Самого короля осыпали при этом грубой бранью; члены сейма размахивали обнаженными саблями, крича, что даже предложить такой закон может только изменник. Сильная ненависть поляков-католиков к иноверцам испугала и самого короля и его сторонников, раньше обещавших Екатерине добиться равноправия православным. Король донес императрице, что исполнить свое обещание он не может. Но шутить таким образом с Екатериной было опасно. Раз решив довести начатое важное дело до конца, она готова была идти и на крайние меры.

По ее призыву православное население русских областей Польши взялось за оружие и грозило восстанием, если ему не будут даны равные с католиками права. В г. Слуцке (ныне Минской губернии) собралось целое войско. Такой же вооруженный съезд собрали в Торне (ныне в Пруссии) польские лютеране, которым католики тоже не хотели давать прав. В Польше такие вооруженные съезды чем-либо недовольных шляхтичей, называвшиеся конфедерациями, издавна вошли в обычай и даже считались как бы дозволенными; такие удивительные порядки были в Польше. Екатерина обещала конфедератам вооруженную поддержку: казачьи полки стояли недалеко от Варшавы и в короткое время могли занять ее.

Угроза междоусобной войны и военного вмешательства России сломила, наконец, упрямство католиков — и сейм в 1768 году утвердил закон о равноправии с католиками православных и лютеран. Вместе с тем сейм заключил с Россией договор, дававший России право следить за порядком и соблюдением законов в Польше. Польское правительство уже сознавало, что оно не в силах поддержать в стране порядок. События очень скоро заставили вспомнить об этом договоре.

Поляки-католики, доходившие в своей ненависти к православным до изуверства, в свою очередь объявили вооруженную конфедерацию в г. Баре (ныне Подольской губернии), требуя отмены только что изданного закона о равноправии и низложения короля Станислава-Августа, которого они называли изменником и отступником от веры.

Конфедераты-католики сражались плохо, зато с беспощадной жестокостью мучили и убивали всякого православного, попавшего в их руки, жгли деревни и села, оставляя всюду за собой следы разрушения и трупы замученных и повешенных православных крестьян. Тогда крестьянское и казачье население польской Малороссии (Турция к этому времени вернула ее Польше), в свою очередь, подняло кровавое восстание против короля и против панов. По страшной силе и жестокости это восстание напоминало времена Хмельницкого: в г. Умани гайдамаки (так называли теперь восставших казаков) перерезали свыше 10 тысяч поляков и евреев, не щадя ни женщин, ни детей.

Страшное междоусобие охватило всю Польшу. Король, на которого восстание надвигалось с двух сторон, просил помощи у Екатерины, и императрица, согласно с договором 1768 года, снова двинула в Польшу свои войска. Гайдамаки немедля сложили оружие: они не хотели биться против войск православной императрицы. И прежде, начавши резню, они простодушно думали, что этой жестокостью делают угодное Екатерине. Но с конфедератами-поляками пришлось вести настоящую войну. В открытом поле конфедераты не могли устоять против регулярного войска, но они прятались небольшими партиями по лесам, делали быстрые набеги на русские отряды или мирные села, и эта мелкая, утомительная война затянулась надолго. Вожди конфедератов старались выиграть время, надеясь дожидаться помощи от кого-нибудь из сильных врагов России. Особенно рассчитывали на Турцию. Послы конфедерации совместно с французским послом настойчиво убеждали турецких министров не дать России еще усилить свое влияние на польские дела.

Под влиянием этих наговоров Турция обратилась к Екатерине с дерзким требованием — отказаться от поддержки православных в Польше и вывести оттуда свои войска.

Екатерина избегала ненужных войн, но там, где этого требовали польза народа и честь государства, она не боялась принять вызов. Одновременно с польской смутой началась тяжелая турецкая война, затянувшаяся на 6 лет. Были минуты, когда Австрия также грозила России войной. Несмотря на все эти осложнения, русские войска в Польше продолжали упорную борьбу с конфедератами.

С большим трудом удалось, наконец, разогнать и переловить их шайки. Но король Станислав-Август в продолжение всей этой войны вел себя двулично и лицемерно: в душе сочувствуя конфедератам, он ни в чем не помогал нашим войскам, сражавшимся за него, а сам постоянно и настойчиво требовал от Екатерины, чтобы она отказалась от договора 1768 года о равноправии православных. Чем труднее приходилось России в тяжелой турецкой войне, тем настойчивее становились требования короля. В то же время он упорно отказывал во всяком, даже самом справедливом, требовании Екатерины в пограничных спорах, в жалобах на насилия над русскими подданными. Он даже заводил тайные переговоры с Францией и Австрией, прося у них помощи против России.

Екатерина, узнав об этих переговорах, предупредила короля, что считает его поведение равным объявлению войны.

В разгар польской смуты австрийцы, видя полное бессилие Польши, заняли своими войсками пограничные с Австрией польские земли. Вытеснить их оттуда можно было только войной. Но Екатерина, вынесшая уже по вине поляков тяжелую турецкую войну, не захотела снова из-за поляков проливать кровь своих солдат. Все средства были уже испробованы, чтобы добром добиться справедливых прав для православных подданных Польши. Король и шляхта ответили на миролюбие России явной враждой и попытками поднять против нее новых врагов, только бы не исполнить простых и законных требований императрицы. Все это давало Екатерине право отнестись к Польше, как к явному врагу. Без возражений предоставила она австрийцам занятые ими польские области; не мешала она также и своему постоянному союзнику — прусскому королю — присоединить к Пруссии часть польских владений; сама, в возмещение бесчисленных обид и убытков, причиненных России поляками, присоединила к России старинную русскую область — Восточную Белоруссию (теперешние Витебская и Могилевская губернии). В этом крае некогда, до присоединения его к Литве, княжили потомки Св. князя Владимира Равноапостольного. Мощи Св. княжны Евфросинии из его славного рода ныне почивают в древнем городе Белоруссии — Полоцке. Во время присоединения Восточной Белоруссии к Российской империи все сельское и городское население в ней было русское. Одна часть его была

православной, а другая униатской по вере. Но лишь только белорусские униаты перешли под власть России, многие из них тотчас вернулись к православию.

Прусский король Фридрих откровенно признавался, что из трех держав, овладевших польскими областями, одна Россия имела на то нравственное право. Пруссия и Австрия, действительно, воспользовались слабостью Польши для захватов: пруссаки набросились на польско-славянские земли, а Австрия завладела даже русской по населению Галичиной — древним достоянием Русских князей. Этой Галиц-кой Русью с ее столицей Львовом, как и Русью Угорской и Русью Буко-винской, Австрия владеет и до сих пор. В этой родной нам зарубежной Руси до сих пор не удалось унии совсем загубить православную веру, как ни стремились к этому австрийцы, поляки и угры, или венгры.

Польский сейм, боясь навлечь на Польшу войну, послушно подписал в 1772 году договор об уступке России, Пруссии и Австрии занятых ими земель.

* * *

Обессиленная потерей обширных окраин Польша оказалась теперь в полном подчинении у России. Русский посол в Варшаве имел больше власти и значения, чем сам король. Кто хотел чего-нибудь добиться, обращался к нему или ехал со своею просьбой в Петербург. Но самой Польше от этого особенной беды не было. Даже враги России признавали, что под ее надзором Польша стала оправляться от бедствий и разорений многолетней смуты; в ней установился некоторый порядок в делах управления.

Но мир и на этот раз был непрочен. Пруссия и Австрия, опасаясь соединения двух сильных славянских народов, не жалели денег и старались через подкупленных агитаторов (подстрекателей) возбудить среди поляков озлобление и вражду к России. Их старания не остались бесплодны. Пока Россия была страшна, в Польше было тихо. Но в 1787 году началась у России новая тяжелая турецкая война. Ложные слухи о неудачах русских войск и ложная надежда на союз и помощь против России европейских держав внушили полякам мысль, что бояться России больше нечего. Миролюбие Екатерины, оставившей без внимания первые оскорбительные для России действия польского правительства, еще больше придало смелости полякам.

Сейм объявил уничтоженными все прежние договоры с Россией, искал союз против нее у Пруссии. На сейме во всеуслышанье с небывалой дерзостью поносили грубою бранью и Россию, и императрицу. Русским подданным нанесен был в Польше целый ряд тяжелых оскорблений; несколько высших православных духовных лиц, и в числе их единственный в Польше православный епископ Виктор, в 1789 году посажены были в крепость или брошены в тюрьму; суды не давали никакой защиты православным церквам, когда их грабили пьяные солдаты и чернь. Православное население правобережной Украины и Волыни опять, как в 1786 году, начинало волноваться. Ждали помощи от императрицы. Многие целыми семьями бежали за Русскую границу. Поляки боялись нового гайдамацкого восстания и стягивали на Украину войска. Чтобы предупредить восстание, иные предлагали опустошить весь край, как дельвали поляки в старину.

Понятно, что на эти действия со стороны Русской императрицы мог быть один ответ: война.

В 1792 году русские войска снова вступили в Польшу. Православное население Украины встречало русские полки как своих избавителей, оказывая им всякую помощь: поляки же не могли добыть ни одного лазутчика. В густо населенной стране они не могли собрать сведений о передвижении целой русской армии; русским же генералам было известно всякое движение

любого польского отряда. Среди самих поляков, по обычаю, нашлось немало врагов короля; они объявили конфедерацию и, вооруженные, примкнули к войскам императрицы.

Война длилась недолго. Польские войска, довольно многочисленные, но нестройные, своевольные и не привыкшие к бою, не проявили ни военного искусства, ни настоящего мужества, и бывали биты при всякой стычке с русскими. Надежда на помощь Пруссии не оправдалась: пруссаки добились уже своего — вызвали в Польше новую смуту и теперь сами вероломно захватили у обманутых ими поляков еще несколько богатых торговых городов.

После нескольких месяцев войны поляки запросили мира. Главные начальники двинутых против России войск бежали за границу. Король попытался унижением перед своими польскими врагами — конфедератами — и перед Екатериной купить прощение. Но Екатерина, никогда не тратившая даром крови своих солдат, продиктовала суровые условия мира: не желая дольше оставлять во власти польской неурядицы и насилий земли, бывшие некогда законным наследием Русских государей, императрица в 1793 году навсегда присоединила к Российской империи Минскую, Волынскую и Подольскую области и правобережную Украину. Эта Украина составила вместе с присоединенным к России еще при царе Алексее Михайловиче Киевом нынешнюю Киевскую губернию.

Приобретения, сделанные Екатериной в 1772 и 1793 годах, особенно дороги были для России тем, что это были не чужие земли, завоеванные лишь силой оружия: это были исконные русские области, отторгнутые в разное время врагами, а теперь вернувшиеся под скипетр Российских государей.

Малоросские крестьяне

Чуждыми русскому народу в этих областях были только помещики-поляки да жившие в городах и местечках евреи, которым сюда и во все западнорусские области был открыт доступ поляками. Коренное же население этих земель — все крестьяне и большая часть мещан—было русское по крови и по языку: белорусы в Минской, Могилевской и Витебской областях, малороссы на Волыни, в Подолии и Киевской земле.

Когда императрица Екатерина посетила соединенные с Россией русские земли, епископ Конисский, по жалобе которого императрица и вступилась в 1763 году за православных подданных Польши, приветствовал ее в Могилеве замечательной по Малоросские крестьяне силе и красоте речью. В этой речи ярко выразилась всенародная радость белорусского населения, нашедшего, наконец, мир и свободу под властью православной императрицы. В память давно жданного воссоединения с Россией древних русских областей Екатерина велела выбить медаль с надписью на славянском языке: «Отторженная возвратих».

Турецкие войны

В тяжелых условиях началась для России война с Турцией — война, которой русские не искали и не ждали. Нужно было мужество Екатерины, чтобы с честью встретить неожиданное испытание. Война в Польше требовала значительных сил, поэтому против турок можно было двинуть лишь очень небольшое войско.

Но Екатерина, сама смелая и верившая в силу своего народа, не хотела ограничиться обороной: раз начав войну, она решила не только наказать турок за нападение, но и свести с ними старые счеты.

В ответ на объявление турками войны, русские войска начали наступление на подвластные Турции Дунайские княжества (теперешнюю Румынию).

Екатерина хотела попытаться поднять против Турции поработанных ею христиан. Для этого решено было послать в Эгейское море, к берегам Турции, населенным преимущественно православными греками, наш Балтийский флот. Решение это было смелым: наши корабли, никогда не выходившие из Балтийского и Немецкого морей, не были приспособлены для такого дальнего и тяжелого плавания. Но Екатерина верила, что мужество и выносливость русских моряков преодолеют все трудности.

Обогнув всю Западную Европу по Атлантическому океану и Средиземному морю, с большим трудом и задержками, потеряв в дороге от бурь несколько кораблей, дошел наш флот до берегов Малой Азии, принадлежавших тогда, как и теперь, Турции.

Число кораблей было невелико: всего 9 крупных и 18 мелких; вдобавок корабли, сильно пострадавшие от долгого плавания, не имели возможности починить как следует свои повреждения; матросы были сильно истощены усталостью и болезнями. Несмотря ни на что, начальники флота — кн. Орлов и адмирал Спиридов смело искали боя. 23 мая 1770 года они встретили сильный турецкий флот, состоявший из 16 крупных и 60 мелких судов. Адмирал Спиридов первый начал битву нападением на турецкий адмиральский корабль. После сильной перестрелки турки, оробев, стали уходить. Их флот укрылся в Чесменской гавани. Ночью русские, наполнив четыре барки горючими веществами, зажгли их и направили в гавань, где сгучились турецкие корабли. Одна из этих барок зажгла неприятельское судно, и пожар, перекидываясь с корабля на корабль, охватил скоро всю гавань, превратив ее в сплошное море огня. Взрывы следовали один за другим. К утру все было кончено. Одни обгорелые обломки плавали по поверхности залива. Кроме одного корабля, захваченного в плен, весь флот турецкий погиб в пламени. «Слава Богу и честь Русскому флоту! — доносил императрице Спиридов. — Весь неприятельский военный флот мы атаковали, разбили, разломали, сожгли, в небо пустили, потопили, в пепел обратили и оставили на том месте престрашное позорище!»

Надежда на восстание греков не оправдалась. Греки настолько привыкли бояться турок, что даже после истребления турецкого флота немногие только из них решились поднять оружие. Но все же геройский поход и славная Чесменская битва не прошли без пользы.

Чтобы не дать подняться восстанию, турки должны были стянуть на юг большие войска, ослабляя этим свою армию, действовавшую на Дунае. Правда, их силы в Румынии все-таки были велики: 100-тысячная крымская орда и около 150 тысяч турецкого войска. Но со времен Петра Великого русское войско по вооружению и военному искусству далеко превосходило турок, не говоря уже о татарах. При надлежащем обучении испытанная храбрость наших солдат делала их непобедимыми. Вдобавок командовал ими старый герой, посевший в битвах, — генерал Румянцев. Солдаты любили его до обожания, называли его своим отцом и орлом.

Стремительным, смелым движением Румянцев напал сначала на крымских татар, потом на турок: те и другие были разбиты наголову. В битве с турками русские имели всего 17 тысяч человек против 150 тысяч врагов: тем славнее была эта блестящая победа.

После этого русские войска без боя заняли Крым, а затем во главе с Румянцевым двинулись на самый Константинополь. Флот Спиридова в то же время грозил столице Турции с моря. Турки должны были просить мира.

Екатерина поставила им очень суровые условия: турки должны были отказаться от власти над Румынией, Крымом и кубанскими татарами. Все понимали, что это значило: держаться самостоятельно эти слабые народы не могли и, отделенные от Турции, само собою должны были рано или поздно подчиниться России. Опять, как при императрице Анне Иоанновне, в наши дела с Турцией вмешались иностранные державы. Австрия грозила войной, если Россия не откажется от своих требований. Но запугать императрицу Екатерину было трудно. «Когда увидят, что угрозами ничего не выиграют, то остальное устроится само собою; а если увидят, что мы гонимся за миром, то получим мир дурной, — рассудила она и дала решительный ответ. — Надо, чтобы Австрия перестала постоянно грозить нам войной. Россия, подвергшись нападению, сумеет защищаться. Она не боится никого, а переговоры мы ведем с турками, а не с австрийцами, с которыми у нас нет войны».

После долгих переговоров она согласилась отказаться от освобождения Румынии; за остальные свои требования она готова была продолжать войну. Ее мужество и настойчивость увенчались успехом. В 1774 году заключен был славный мир в Кучук-Кайнарджи. Россия получила очень важные турецкие крепости — Кинбурн на берегу Черного моря (ныне Херсонская губерния) со всей степью от устьев Днепра до устьев Буга и Керчь-Еникале в восточной части Крымского полуострова, возле Керченского пролива, соединяющего Азовское море с Черным. Вдобавок Россия получила 4 с половиной миллиона рублей в возмещение военных издержек.

России представлено было право, которое имела она и по отношению к Польше: заступаться за православных подданных Турции. Крым и Кубанская земля объявлены независимыми от Турции. Русским торговым кораблям предоставлен свободный выход из Черного моря в другие моря через Константинопольский пролив.

Кучук-Кайнарджийский мир был для Турции страшным ударом. Всего тяжелее была туркам потеря Крыма: Крым дорог был им в военном и торговом отношениях; многие вельможи и богатые купцы имели на южном берегу Крыма усадьбы и дворцы, куда приезжали отдыхать среди роскошной природы этого благословенного края.

Тяжело было отделение от Турции и крымским татарам: без поддержки турок они не могли делать набеги на русские земли и добывать пленных, которые продавались ими по высоким ценам. «Обстоятельство это, — говорит один современник-татарин, — повергло и дворянство наше, и простой народ в большое огорчение».

Взятие Измаила

Упала также и торговля, запустели многие города. Феодосия (на южном берегу Крыма) считалась прежде вторым Константинополем по богатству и роскоши: на всех площадях шумели фонтаны, в кофейнях толпились купцы, наехавшие чуть не с половины Азии; рабы и рабыни из пленных христиан толпами продавались на рынках. С уходом турок Феодосия превратилась в тихий захолустный городок с одним туземным населением.

Крымские татары — народ бедный, дикий и мало развитой — не могли сами поддержать ни промыслов, ни торговли. Не умели они поддержать без чужой помощи и порядок в управлении страной. Немедленно начались раздоры и усобицы. Сильным ударом для ханства было почти поголовное выселение христиан из Крыма в пределы России, в окрестности Азова. Хан Шагин-Гирей попробовал было ввести в Крыму европейские порядки, но мусульманское духовенство, видя в этом отступление от веры отцов, взбунтовало против него народ.

Ханские дворцы были разграблены чернью, а сам хан принужден был бежать в горы. Не имея сил водворить порядок, он обратился к императрице Екатерине с просьбой присоединить мятежный Крым к России, а ему дать какое-нибудь убежище.

Екатерина, внимательно следившая за смутой в Крыму, без колебаний двинула туда свои войска. Если кто из татар и был недоволен водворением новой власти, то не смел подумать о сопротивлении. Крым занят был без одного выстрела. 9 апреля 1783 года объявлено было, во всеобщее сведение, о присоединении его к России. Вместе с Крымом присоединена была к России область кубанских татар, которая с течением времени стала местом поселения войска черноморских или кубанских казаков.

Выгоды этого приобретения для России были неопределимы. Екатерине удалось и здесь достигнуть заветной цели, к которой уже три века стремились русские государи: завоевать для России ее южные черноземные степи, самой природой предназначенные для народа-пахаря. Со времени Михаила Федоровича русское население далеко продвинулось на юг, заняв нынешние Воронежскую, Курскую, Харьковскую и Полтавскую губернии. Но население этих южных земель до 1783 года жило по-прежнему под страхом татарского набега со степи: все мужчины поголовно записаны были в казачьи или гусарские полки и одновременно с крестьянским своим делом должны были собираться по нужде и на защиту степной границы.

При Анне Иоанновне укрепленная сторожевая линия между Днепром и Донцом шла по южной границе Полтавской и Харьковской губерний. Нынешняя Екатеринославская губерния и северная часть Херсонской считались уже русскими, но селиться там было невозможно, так как степная граница к югу от них не была защищена. Во время турецкой войны при Екатерине между Днепром и Донцом проведена была новая линия укреплений — по южной границе теперешней Екатеринославской губернии.

Теперь с занятием Крыма не только открывались для русского земледельческого населения плодородные степи нынешних Херсонской и Таврической губерний, но и для населения прежней южной окраины русской начиналась новая, мирная и безопасная жизнь. Теперь уже нечего было бояться татарского набега, смерти или горькой неволи. Укрепленные степные линии стали не нужны. Вместо них Черное море омывало и охраняло южную границу России.

Вновь занятый край (Екатеринославская, Херсонская, Таврическая губернии) объединен был под названием Новороссии, и управление им Екатерина поручила главному своему советнику и сотруднику князю Потемкину.

Умный и деятельный наместник не жалел трудов и усилий. По его призыву на новые земли толпами повалили переселенцы — и бродячие, вольные люди, и беглые крестьяне; переводились сюда тысячами и крепостные; шли поселенцы и из Крыма, и из-за границы — немцы, славяне. Потемкин всеми мерами поддерживал разведение садов, виноделие, овцеводство, шелководство; сам выписывал для поселенцев хороший скот для развода, виноградные лозы, плодовые деревья. В удобных местах строились новые города. Со сказочной быстротой выросли в безлюдной дотоле степи Екатеринослав, Херсон, Николаев, в Крыму — Севастополь; в Николаеве и Севастополе в

несколько лет успели выстроить довольно сильный военный флот. В Крыму снова расцвели и промыслы, и торговля, заглохшие было с уходом турок.

В 1786 году императрица пожелала сама познакомиться со своими новыми владениями. Ее путешествие отличалось торжественностью и блеском, достойными государыни великого народа после блестящих побед.

В то время как последний крымский хан доживал свои дни в Калуге, Бахчисарай — бывший триста лет столицей страшного для России разбойничьего Крыма — увидел в своих стенах милостивую и грозную победительницу — Великую Екатерину, окруженную блестящей свитой.

Два европейских государя — польский король и император Австрии — выезжали ей навстречу.

Из богатого и благословенного, но совершенно дотоль пустынного края, к которому так давно тянулся русский народ, словно волшебством выростала действительно Новая Россия. За какие-нибудь двадцать лет население Новороссии возросло с 50 тысяч до 700 тысяч, и еще богатый запас свободных земель ждал новых переселенцев. Теперь эти земли кормят уже 6 миллионов народу, а при более совершенной обработке земли и улучшенном ведении хозяйства будут кормить в десять раз больше.

Но все неоценимые приобретения, сделанные Екатериной, надо было еще укрепить за Россией. Было ясно, что Турция без новой войны не помирится с присоединением Крыма к России. Видя неизбежность этой войны, Екатерина заботливо готовилась к ней. Австрию, бывшую еще недавно во вражде с Россией, она сумела привлечь к союзу, и в 1787 году, когда началась новая турецкая война, австрийские войска действовали совместно с нашими против турок.

Вторая турецкая война Екатерины (1787—1791), как и первая, ознаменована была блестящими успехами русского оружия. Главным героем ее явился знаменитый Суворов — один из самых прославленных полководцев, каких когда-либо видел мир.

Александр Васильевич Суворов был родом из небогатой дворянской семьи. С детских лет увлекался он рассказами о военном деле и о подвигах замечательных полководцев всех времен. Пятнадцати лет по собственному желанию вступил в военную службу простым солдатом, что в ту пору уже было редкостью для дворянина. Девять лет он был солдатом и только 24-х лет от роду получил первый офицерский чин. В войнах времен императрицы Елизаветы он выдвинулся, несмотря на скромный чин, как замечательный офицер: имя подполковника Суворова знали в армии, знали больше, чем имена многих крупных генералов.

Повышаясь в чинах, он все больше и больше мог показать свои редкие военные дарования. Никто не мог сравниться с Суворовым в умении говорить с солдатами, ободрить усталых или оробевших метким словом или шуточной прибауткой, на которые он был мастер. А больше всего одушевлял он войска своим примером, разделяя с солдатами все тягости и лишения походной жизни и опасности в битве. От природы хилый и слабый, он умел так закалить свое тело, что не боялся ни усталости, ни простуды, зимою делал походы в одном суконном плаще, ел с солдатами из котла. Зато под его начальством солдаты поражали всех своей неслыханной выносливостью: переходы по 70 верст в день, хотя бы в распутицу и непогоду, были для них обычным делом. И нередко случалось Суворову после такого перехода вести солдат без отдыха в бой.

А в сражении суворовские полки проявляли мужество и стойкость, поразительные даже для русского солдата. Это были какие-то сказочные богатыри — «чудо-богатыри», как называл их сам

Суворов. За 30 лет своей боевой жизни он ни разу не скомандовал своим чудо-богатырям отступления и ни разу не был разбит.

В царствование Екатерины Второй Суворов принимал участие во всех военных действиях против поляков, турок, бунтующих башкирцев. «Известно, — говорил он, — я и в Камчатку и в Японию готов, если на то Высочайшая воля».

Но настоящей славой не только на Родине, но и по всей Европе покрыли его подвиги во время второй турецкой войны.

Главными русскими силами, двинутыми против турок, начальствовал в эту войну князь Потемкин, наместник Новороссии. Умный и способный правитель, он оказался посредственным полководцем: его стотысячная армия действовала вяло и нерешительно, а сам Потемкин от первых неудач так падал духом, что предлагал императрице просить мира. Екатерина со спокойным мужеством приказала продолжать войну. «Прошу ободриться и подумать, что добрый дух и неудачу поправить может, — писала она Потемкину. — Пишу это все тебе, другу, воспитаннику моему и ученику».

Суворов тем временем начальствовал особой небольшой армией на Дунае; против него надвигались главные силы турок. Суворову приходилось действовать в союзе с австрийцами, двинувшими в Румынию свои войска. Неслыханно быстрым переходом Суворов подоспел на помощь австрийцам, которые призывали его отчаянными посланиями: на их 18-тысячный отряд наступало целое турецкое войско — 50 тысяч, а за ними двигались и другие 50 тысяч. «Жаль, что они не все вместе, лучше было бы покончить с ними разом», — спокойно сказал Суворов и приказал идти в атаку. Русских было у него всего 7 тысяч. Ученый австрийский полководец считал безумием нападать на вдвое сильнее врага. Но Суворов знал, что делает.

Австрийцы, по выражению Суворова, приобрели к тому времени неискоренимую привычку быть битыми. Но под его командой даже австрийские солдаты проявили необычную для них стойкость и мужество. Турки были разбиты. Император Австрии вне себя от радости осыпал Суворова почетными наградами. Немного спустя Суворов нанес туркам еще более страшное поражение у Рымника: из 100 тысяч турок только 15 отступили, не бросив оружия. После этих блестящих побед успех всюду стал переходить на сторону русских.

Несмотря на то, положение России было стесненное. Одновременно с войной против турок России пришлось вести войну и со шведами. В Польше началась новая смута, требовавшая также вооруженных действий. Австрия опять, как при Петре Великом, отстала от союза и заключила с Турцией мир. Англия и Пруссия вели переговоры о вооруженном союзе с Польшей против России. Турки, надеясь на эти затруднения, с упорством отказывались от мира. Надо было напугать их движением на Константинополь. Но дорогу на Константинополь заслоняла сильнейшая крепость Измаил, стоявшая в устье Дуная. Не взяв ее, нельзя было двинуться вперед.

В октябре и ноябре 1790 года около 30 тысяч русского войска стояло под стенами Измаила, но из этой осады не могло ничего выйти: сильнейшая крепость, вооруженная тремя сотнями пушек, имела в свои стены 42 тысячи отличного войска и могла считать себя вполне неприступной. О приступе наши генералы не решались и подумать. Обстреливать крепость не могли за недостатком пороха и ядер. Солдаты, страдая от мокрой осенней погоды, голодали, болели и совсем упали духом.

В конце ноября началось отступление. Но не успели еще все войска отойти от Измаила, как получено было приказание вернуться и вновь занять покинутые позиции: начальником осадного корпуса назначен был Суворов.

2 декабря он подъехал к русскому лагерю без всякой свиты, в сопровождении одного казака, который вез в узелке все походное имущество генерала. При появлении любимого вождя солдаты точно переродились. Усталость и уныние сменились общим ликованием и подъемом духа. Все знали, что Суворов не любит долго смотреть на осажденную крепость. «Одним смотрением крепости не возьмешь», — говорил он.

Неделю спустя Суворов созвал совет старших начальников и сообщил им свое решение — взять крепость приступом или погибнуть всем под ее стенами. Атаман Донского казачьего войска Платов первый громко крикнул: «Приступ!» Все единогласно высказались за то же: под начальством Суворова собирались всегда испытанные храбрецы. Многие из них впоследствии сами были прославленными полководцами.

Начальнику крепости Суворов послал короткое извещение: «Я с войсками прибыл сюда. 24 часа на размышление — и воля; первые мои выстрелы — уже неволя; штурм — смерть». Из крепости получен был ответ: «Скорее небо обрушится на землю, чем сдастся Измаил».

В ночь с 10 на 11 декабря войска шестью колоннами выступили из лагеря к стенам крепости. Скоро наступление было замечено. От непрерывной стрельбы, точно огненной нитью, засветились валы и стены Измаила. Опытные воины сознавались, что никогда не случалось им испытать такого адского огня. С жестокими потерями дошли русские до укреплений и стали заваливать вязанками хворосту глубокие крепостные рвы. Непрерывная пальба со стен так и косила ряды нападавших. В одном полку перебиты были все офицеры, и полковой священник с крестом стал во главе полка. Под градом пуль, среди грохота несмолкавшей пальбы русские лезли на валы Измаила с непоколебимым упорством. Суворов, следя за ходом приступа, распоряжался движением отрядов. Но многим солдатам в пылу одушевления казалось, что они видят любимого вождя перед собой: его видели одновременно во многих местах.

К рассвету солдатские и казачьи отряды стали уже с разных концов врывать в крепость. Турки резались с редким ожесточением. Жестоким и кровавым боем, шаг за шагом продвигались наши вперед. К 8 часам утра все было кончено: из 42 тысяч турецкого гарнизона спасся один человек, который и принес на родину известие о страшном ударе, разразившемся над Турцией.

Впечатление было потрясающе по неожиданности. Никто ни в Турции, ни в Европе не допускал и мысли, чтобы сильная крепость, защищенная высокими стенами, вооруженная отличной артиллерией, могла пасть перед войском, значительно более слабым численно, чем защищавший ее гарнизон. Сам Суворов, осматривая утром валы и стены взятой крепости, сознавался, что отважиться на приступ Измаила можно только один раз в жизни. В Константинополе народ, взволнованный этим беспримерным поражением, поднял бунт. Пруссия и Англия немедленно отказались от мысли выступить против такого противника, каким показала себя Россия.

Этим богатырским ударом закончилась война. Пораженная Турция поспешила заключить мир, который и был подписан в Яссах (1791). Цель России была достигнута: весь северный берег Черного моря, Крым и новороссийские степи отданы были ей в вечное и бесспорное владение. Черное море, к которому были направлены первые походы Петра Великого, стало, наконец, в значительной части нашим морем. Еще при жизни Екатерины Великой на месте убогого турецкого поселка Гаджибея заложена была Одесса, которой суждено было вскоре затмить все более старые черноморские гавани.

Конец Польши

Завоевание Новороссии и возвращение от Польши старых русских областей дали России то, к чему издавна стремились русский народ и его державные вожди. Теперь Россия могла отдохнуть от утомительных войн. Но последние годы славного царствования Екатерины были смущены еще одной кровавой бурей: в 1794 году поднялось новое восстание в Польше.

Несчастья и позор, постигшие Польшу в последние 30 лет, во многих из поляков разбудили угасшее чувство любви к родине и вызвали стремление вернуть ей былое могущество и свободу. Во главе заговора стал человек смелый и горячо любивший свой народ — Костюшко. Восстание началось зверскими поступками, навлекшими на Польшу вполне заслуженную грозу. В четверг на Страстной неделе 1794 года в Варшаве заговорщики набросились внезапно на отряды русских солдат, расставленные по городу далеко один от другого, — и началась неслыханная по жестокости резня. В одной церкви перебито было 500 солдат, подходивших безоружными к причастию. Опыаненная от крови толпа разграбила арсенал; из всех окон, с крыш шла непрерывная пальба по русским, когда те проходили по улицам или выбегали из домов. Ни один гонец не мог проехать по улицам — толпа захватывала всех, кто был в русском мундире, и забивала насмерть. Королевские войска приняли участие в этой отвратительной резне. Сам король не имел смелости ни стать во главе восстания, ни принять меры против него. Кончились тем, что остатки русского войска принуждены были покинуть Варшаву.

Почти одновременно с Варшавой восстание вспыхнуло и в столице Литвы — Вильне. В пасхальную ночь заговорщики бросились на квартиры русских офицеров и многих перебили. Уцелевший полковник Тучков собрал вокруг себя солдат и ввиду большого превосходства в силах неприятеля отступил в Гродну.

Руководители мятежа рассылали по всей стране воззвания, обещали крестьянам свободу, иноверцам — полное равноправие и защиту законов; пытались вызвать восстание и в бывших польских землях, отошедших в 1772 и 1793 годах к Австрии, Пруссии и России. Но попытки раздуть этот мятеж во всенародное восстание не имели успеха: исправлять старые законы было уже поздно, а обещаниям никто не верил.

Военные способности Костюшко и одушевление, с каким многие из восставших сражались, доставили полякам на первых порах несколько успехов в стычках с небольшими русскими отрядами. Русские генералы, действуя недружно и нерешительно, за пять месяцев войны не успели сделать ничего важного. Пруссаки и австрийцы, которым тоже грозило польское восстание, придвинули свои войска к границам, но от настоящей войны уклонялись, предоставляя ее русским. Так тянулось до августа, когда императрица, недовольная медленным ходом дел, отправила в Польшу Суворова.

Его появление, как всегда, совершенно изменило ход войны. Быстрыми и решительными переходами Суворов двинулся прямо на Варшаву, стягивая к себе по пути действовавшие порознь русские отряды. Костюшко, сбитый с толку невиданной быстротой суворовских передвижений, попробовал поправить дело смелым нападением на отряд генерала Ферзена, но эта смелость кончилась для него бедой: его войско бежало, а сам он, раненный, взят в плен казаками. Видя бегство своих и свой неминуемый плен, Костюшко бросил саблю и падая с коня, сказал с отчаянием: «Конец Польше».

Польше, действительно, приходил конец. Уже в начале октября Суворов подступил к Варшаве. Предместье города — Прага — было сильно укреплено и защищалось тридцатью тысячами войска, столько же, сколько имел Суворов. Но для чудо-богатырей, видевших валы и стены Измаила, укрепления Праги были не страшны. После кровопролитного приступа, длившегося целый день, Прага была взята. Поляки защищались с таким ожесточением, что из 30 тысяч их легло в битве 23, только 7 тысяч положили оружие.

В Варшаве господствовал неопиcуемый ужас. О защите никто не думал. Войска поспешно отступали из города. Население спешило отправить к Суворову послов с мольбой о мире.

Суворов, грозный и беспощадный во время сражения, умел щадить врагов, просящих милости. Он дал послам скорый и благожелательный ответ. Русские полки с распущенными знаменами и с музыкой вступили торжественно в смирившийся город. Несмотря на озлобление, какое питали солдаты к варшавянам, недавно резавшим их безоружных братьев-русских, строгая суворовская дисциплина не допустила никаких враждебных действий или насилий. Русские войска охраняли порядок и спокойствие в городе лучше, чем умело это делать само польское правительство.

Месяц спустя, когда Суворов уезжал из Варшавы, город поднес ему золотую табакерку с надписью: «Варшава своему избавителю». Еще раньше Варшавы взята была приступом русскими войсками Вильна.

Императрица не могла пощадить мятежного государства, из которого каждый год выходили смуты и потрясения, требовавшие денег и крови. Да и сама Польша страдала от этих потрясений не меньше, чем ее соседи. Несчастливая страна была совершенно опустошена вечной неурядицей и войной. Поля оставались необработанными, народу грозил голод.

Императрица и в этом случае нашла в себе силу кончить дело раз навсегда решительным ударом. Мятежная Польша перестала существовать. Австрийцы и пруссаки поделили между собою чисто польские области: первым достались земли со старой столицей Польши — Краковом, вторым — земли с новой ее столицей Варшавой. К России отошли земли бывшего великого княжества Литовского — нынешняя Виленская, Ковенская и Гродненская губернии (последняя без Белостокского округа), и герцогство Курляндское. Из этих земель только в Ковенской губернии да в небольшой западной части Виленской живет коренное литовское население (из всех европейских народов наиболее родственное славянам). Во всей остальной части Виленской губернии и в Гродненской губернии живут русские (белорусы, а на юге Гродненской губернии — малороссы). В городе Гродно до сих пор уцелели остатки каменной православной церкви (на Коложе), построенной Русскими князьями еще до татарского завоевания Руси, более семисот лет тому назад. Но ко времени присоединения к России русское население всех этих мест сплошь было уже униатским, частью же и католическим. Только кое-где уцелели слабые остатки исконного тут православия. В самой Вильне была только одна православная церковь (в Свято-Духовом монастыре), тогда как четыреста лет перед этим, во время соединения Литвы с Польшей в Вильне было до пятнадцати православных храмов. Уцелела одна православная церковь и в г. Брест — в том самом Бресте, в котором за двести лет перед этим провозглашена была пресловутая церковная уния: в этой церкви, в бедном Симеоновском монастыре, почивали мощи Преподобного Афанасия, игумена Брестского, принявшего в 1648 году смерть от руки католиков и униатов.

Падением Польши закончилась великая борьба, начавшаяся еще при государях Рюрикова дома и тянувшаяся три столетия. Борьба эта была великим народным делом. Западная Русь, страдая под иноземной властью, познала самую тяжелую беду, какая может постичь народ: потерю своего Отечества. Стремление выйти из этой беды, говорить свободно на родном языке и исповедовать свободно веру отцов — было общим и глубоким в сердцах русского населения, подвластного Польше. «Волим под Царя восточного, православного», — кричала в 1654 году на Переяславской раде казачья громада. С этого началось великое народное движение. Оружие царских войск поднялось в этой борьбе на поддержку дела, на которое двинулся сам народ, не щадя ни своей, ни вражьей крови. Первые успехи в этой борьбе выпали на долю царя Алексея Михайловича. Сто лет спустя умом и твердостью Великой императрицы почти закончено было великое дело освобождения и объединения русского народа.

Павел Петрович и Александр Благословенный

Участие России в европейских войнах

6 ноября 1796 года после тридцатичетырехлетнего славного царствования скончалась императрица Екатерина Великая. На престол вступил Павел Петрович, сын ее и императора Петра Третьего, правнук Петра Великого.

Россия была в это время одной из самых сильных держав в Европе. После побед и завоеваний Екатерининского царствования все европейские государства наперерыв искали союза и поддержки России; без разрешения русской императрицы, как говорили современники, ни одна пушка не смела выстрелить в Европе.

Довольный сильным и выгодным положением России император Павел считал, что страна больше не нуждается в завоеваниях, и хотел предоставить народу отдых после долгих войн. Но судьба не дала ему сохранить мир.

Со времени Петра Великого Россия вступила в ближайшие сношения с другими государствами Европы. Одни из этих государств, как Турция и Швеция, были нашими постоянными врагами. Другие являлись естественными союзниками нашими против общих врагов, например, Австрия против Турции, Дания против Швеции.

Торговые отношения и сложные политические расчеты начали тесно связывать Россию с народами, живущими даже далеко от наших границ. Эти связи не позволяли теперь России, как бывало в старину, относиться с полным равнодушием к тому, что происходит за ее западной границей. Война между европейскими государствами, победа одного и поражение другого грозили иногда в будущем серьезной опасностью Русской державе или отзывались чувствительно на русской торговле, промыслах, а стало быть, и на благосостоянии всего народа. Особые расчеты заставляли Россию выступать на поддержку дружественной страны, сношения с которой давали какие-нибудь выгоды или которая, в свою очередь, могла впоследствии быть полезной нам своей поддержкой.

На этом основании в царствование Елизаветы Петровны Россия впервые приняла участие в войне между европейскими державами. Пруссия теснила тогда союзную нам Австрию, и императрица Елизавета в 1757 году послала за границу на помощь австрийцам свои войска. В этой войне русским пришлось столкнуться с сильным врагом: прусский король Фридрих Второй слыл лучшим полководцем того времени, а прусские войска, прославленные победами над австрийцами, французами и шведами, считались непобедимыми. Железная стойкость и беззаветное мужество русских войск сломили, однако, и их силу. В кровопролитной битве около Кунерсдорфа прусская армия была разбита наголову, почти уничтожена и сам непобедимый столь король Фридрих едва ускакал от гнавшихся за ним казаков. После этого русские под командой генерала Чернышева вступили (29 сентября 1760 года) в столицу Пруссии — Берлин.

Война эта дала русским славу, но не принесла прямых выгод. Екатерина Великая, стремившаяся прежде всего защитить жизненно прямые выгоды своей родины, остерегалась вступаться в сношения других государств между собою. Однако в последние годы ее царствования в Западной Европе начались события, которые опять потребовали вмешательства России.

Император Павел I (с 1796 по 1801)

Войны, охватившие тогда Европу, возникли с того, что во Франции произошла сильная смута. Король, добрый и кроткий Людовик Шестнадцатый, был свергнут и лишен жизни. Отсюда пошли кровопролитные войны с державами выступившими в защиту порядка. Французские войска предводимые отличными полководцами, одержали ряд блестящих побед над австрийцами, пруссаками, голландцами и итальянцами, завоевали ряд немецких областей, всю Голландию, Швейцарию и почти всю Италию, состоявшую тогда из нескольких небольших государств. Особенно прославился своими победами генерал Наполеон Бонапарт.

Большое усиление Франции было опасно для России: Франция со времен Петра Великого постоянно проявляла враждебность к России, поддерживала и подстрекала наших врагов — Турцию, Швецию и Польшу. И теперь французы не скрывали намерения добиться восстановления Польского государства, вошедшего некоторой своей частью в состав России.

Императрица Екатерина уже и решилась выступить против Франции. Но смерть помешала ей исполнить это.

Император Павел по своем вступлении на престол три года не подымал оружия, выжидая событий. Но завоевания французов шли все дальше, война кипела во всей Европе. Наконец, он вынужден был осуществить намерение своей матери.

В 1799 году император Павел заключил союз с Австрией и двинул в далекий заграничный поход — в Италию — 60-тысячное войско. Во главе его поставлен был славный Суворов, тогда уже старик, но полный еще сил и военного пыла. Из уважения к его боевой славе австрийский император подчинил Суворову и свои войска. Наш великий полководец давно уже томился бездействием. С большим вниманием следил он за подвигами и возрастающей славой Наполеона Бонапарта. «Далеко шагает мальчик. Пора его унять», — говорил он и много раз просил у императрицы Екатерины: «Матушка, пошли меня бить французов!»

Столкнуться с Бонапартом Суворову не пришлось: тот в это время находился в Египте, где вел войну с турками и англичанами. Но все же во главе французских войск в Италии стояли лучшие из военачальников, а сами войска, привыкшие к победам, были опасным противником. Австрийские войска, многократно перед тем разбитые, не отваживались больше на сражения с ними. Но появление в Италии русских сразу изменило ход войны. Удивительное военное искусство Суворова развернулось здесь во всем блеске. Поразительно быстрые переходы под жгучим солнцем, смелость нападений и ничем несокрушимое упорство наших солдат в бою сломили французские войска.

Переход русской армии через Альпы

Особенным упорством и блеском доставшейся Суворову победы отличалась битва у реки Треббии, где французы, превосходившие русских числом, три дня отчаянно бились. Их преимущество было еще в том, что их войска были вполне свежие, а русские вступили в бой, утомленные совершенным ими быстро тяжелым переходом. Когда Суворов повел свои полки в первую атаку, у него в ротках едва насчитывалось по 40 человек: дошли только наиболее выносливые, остальные отстали и подходили уже во время боя. Была минута, когда наши войска, совершенно измученные, начали колебаться. Храбрейший из сподвижников Суворова князь

Багратион прискакал к нему с донесением, что войска едва держатся, зарядов мало и ружья от долгой стрельбы начинают дурно стрелять. «Плохо, князь Петр!» — сказал Суворов и, вскочив на коня, помчался в передние ряды под выстрелами врагов. Появление любимого вождя сразу остановило начавшееся колебание. Французы, сами измученные, в свою очередь подались назад: они были уверены, что к русским подошли свежие силы — так ободрились при виде Суворова истомленные русские полки. К концу третьего дня отступление французов перешло в бегство: целые отряды кляли оружие и сдавались в плен.

Страшное поражение непобедимых дотоле французских войск произвело сильнейшее впечатление всюду. Итальянские города встречали победителя с ликованием, весь народ высыпал ему навстречу, все дома пестрели флагами, коврами, воздух дрожал от криков и музыки. Во всей Италии не было человека более любимого и более известного, чем великий русский полководец.

Вскоре, нанеся французам еще ряд поражений, Суворов совершенно очистил от них Италию. С обычной своей смелостью он хотел, не теряя ни минуты, вести войска во Францию, на столицу ее Париж, чтобы одним ударом кончить войну, истощавшую уже 7 лет Европу.

Все дело испортили наши союзники австрийцы. Командуя союзной армией, Суворов должен был считаться и с указаниями австрийского императора. Но указания эти, зачастую обусловленные робостью либо недалновидностью, стесняли его и препятствовали свободе его действий. «Ради Господа, не мешайте же мне!» — умолял славный фельдмаршал. Но это не помогало. Смелая мысль двинуть войска на Париж привела австрийцев в большое смущение, кроме того, они начали опасаться, как бы победы Суворова не дали России значительного перевеса над Австрией. Австрийский император пожелал, чтобы Суворов вместо похода на Париж двинулся в Швейцарию и очистил ее от французов. Суворов подчинился и повел туда полки.

Поход по этой стране представлял необычайные трудности, так как вся она пересечена самыми высокими в Европе горами под названием Альпы, с непроходимыми ущельями и пропастями. В мировой истории известен за две тысячи лет перед тем переход через Альпы величайшего полководца древности Аннибала. Теперь подобный же подвиг выпало совершить русскому герою. Положение его было тем более трудным, что он не получил обещанных австрийцами съестных запасов, теплой одежды и вьючных лошадей. Углубившись в тесную Швейцарию, русские оказались в большой опасности среди незнакомых гор, окруженные отовсюду значительными силами французов. Стало ясно, что при таких условиях достигнуть намеченной цели нельзя: надо было думать о том, чтобы благополучно вывести войска. В Европе все были уверены, что русские попали в ловушку и им не удастся выбраться благополучно из швейцарских гор.

Французский генерал хвастливо уже доносил в Париж, что Суворов у него в кармане. Но французы поторопились торжествовать победу. Оборванные и полуголодные, все почти босые, со скудным запасом зарядов, русские богатыри штыками пробивались через вражеские силы, заступившие им путь на Родину, и вышли с победой из страшной западни, отбросив со своей дороги врагов и осилив преграды, поставленные природой.

Пришлось им при этом двигаться по едва проходимым горным тропам, перебираться через глубокие ущелья. Переход через Сен-Готард и так называемый Чертов мост вызвал неопишное изумление у самих швейцарцев и в Европе. До настоящего времени на этих прославленных местах красуются доски, напоминающие о великих подвигах и удали русских храбрецов под начальством непобедимого Суворова. Бессмертная слава покрыла русских чудо-богатырей и их великого вождя. Император Павел осыпал Суворова всеми наградами, какие только были возможны. Войскам было приказано воздавать ему такие же почести, как самому государю императору.

Недовольство императора Павла действиями австрийцев, в которых можно было подозревать прямое предательство, было велико. Он отказался от союза с Австрией и отозвал Суворова и войска в Россию.

Начало новой борьбы с Францией

Пять лет Россия не воевала. Но войны в Европе с французами не только не утихали, а разгорались все сильнее. Генерал Бонапарт, вернувшись из Египта, без труда разбил австрийцев и итальянцев и снова занял всю Италию. Он стал в это время не только главнокомандующим французских войск, но и консулом (правителем) Франции. Разумное и твердое управление вместе с блестящими победами сделали Бонапарта любимцем не только войска, но и народа, утомленного долгими внутренними смутами. Бонапарт воспользовался этим и в 1804 году, не довольствуясь положением выборного, временного правителя, провозгласил себя императором Франции. Но ненасытное его честолюбие этим не было удовлетворено. Ему хотелось еще славы и новых завоеваний.

Уверенный в своей непобедимости, он произвольно расправлялся с соседями, создавал и упразднял государства, удалял с престола законных государей и ставил на их место своих родственников или генералов. Такие государства были, конечно, независимы лишь по имени; на деле поставленные Наполеоном короли были его послушными слугами и сами государства превращались как бы в часть Французской империи. Никакие договоры и законы не были помехой честолюбивому Наполеону: он уважал только силу. Презрение Наполеона к закону дошло до того, что по его приказанию солдаты во время мира перешли границу соседнего немецкого государства, схватили проживавшего там одного из принцев прежнего королевского дома и расстреляли его.

На престоле России в это время был сын императора Павла Александр Первый (с 1801 года).

Обида, причиненная королю какого-нибудь итальянского или немецкого государства или смерть французского принца, конечно, непосредственно не задевали России. Но грубое нарушение всех законов, какими руководствуются обычно в международной жизни просвещенные христианские государства, не могло не встревожить и русского императора. Как в жизни отдельных людей ловит вора не только тот, кто сейчас им обокраден, и тушит пожар не тот один, чья хата уже загорелась, — так бывает и в жизни государств. Император Александр, питавший отвращение пролитию крови, много раз пробовал мирным путем добиться от Франции соблюдения права и международных обычаев, но все его заявления вызывали лишь дерзкие ответы со стороны Наполеона.

Император Александр I (1801 по 1825)

Наконец, в 1805 году император Александр решил вступить в союз с Австрией, Пруссией и Англией, и русские войска снова двинулись за границу — на подкрепление австрийцев, уже начавших военные действия. Император сам находился при армии. В первой стычке, где русским удалось разбить и прогнать несколько полков французской конницы, императору впервые пришлось своими глазами увидеть поле битвы. Вид убитых и раненых так расстроил доброго сердцем молодого государя, что он не мог удержаться от слез: «Ужасная вещь — война», — повторял он. Но впереди ждали его еще более грустные впечатления, тяжелые испытания.

Война 1805—1806 годов полна была для нас неудач. Великого Суворова уже не было в живых, а из остальных генералов никто не мог тягаться с Наполеоном, удивительные военные способности которого создали ему славу непобедимого полководца. Вдобавок совместные действия с австрийцами, как всегда, вызывали путаницу и несогласия. В битве под Аустерлицем наши и австрийцы потерпели страшное поражение и должны были отступить с тяжелыми потерями. Австрия немедленно заключила с Наполеоном постыдный мир, отдав все земли, какие он от нее потребовал.

В 1806 году Россия в союзе с пруссаками возобновила военные действия. Битва при Прейсиш-Эйлау кончилась вничью. В жизни Наполеона это был первый случай, когда ему не пришлось торжествовать победу. Но затем под Фридландом Наполеон, разгромивший уже пруссаков, нанес и нашим сильное поражение. Эта неудачная война стоила России больших потерь и людьми, и деньгами. Однако Наполеон, не желавший затягивать войну с таким сильным и опасным противником, как Россия, сам предложил почетный для нас мир, который и был заключен в 1807 году в Тильзите.

По этому миру Россия ничего не теряла. Наоборот, Наполеон для укрепления добрых отношений с Россией предоставил ей часть земель, завоеванных им у Пруссии, а именно Белостокскую область, составляющую западную часть нынешней Гродненской губернии. Преобладающее население в этой области было русское. В городах Вельске, Дрогичине и Мельнике ко времени присоединения их к России держалась еще православная вера. Остальное русское население было униатское.

Войны с Швецией и Турцией и присоединение новых областей

Вскоре России пришлось вести борьбу со старыми своими врагами. Почти одновременно началась война со Швецией на севере, с Турцией на юге. Обе войны велись успешно, но потребовали большого напряжения сил.

Героями шведской войны были сподвижники Суворова князь Багратион и генерал Кульнев, мужеству которого удивлялись и враги. Сперва в течение 1808 года завоевана была русским оружием принадлежавшая Швеции Финляндия. Затем в 1809 году война перенесена была в самую Швецию. Под начальством Багратиона и Кульнева наши войска в лютый мороз предприняли неслыханный по смелости переход по льду через Ботнический залив в самую Швецию. Залив этот, составляющий часть Балтийского моря, обыкновенно не замерзает сплошь, но в 1809 году исключительно суровая зима сковала его льдом. Восемь суток наши шли в ледяной пустыне, взбираясь на глыбы льда, нагроможденные одна на другую, переправляясь через трещины, широкие, как реки; на ночь солдаты зарывались в снег, чтобы не замерзнуть. Стоило подуть южному ветру и ослабеть льду, — морская пучина поглотила бы весь отряд. Но русское мужество не знало ни трудностей, ни страха. «В походе быть бодрым и веселым! Уныние свойственно одним старым бабам», — говорил солдатам храбрый Кульнев. И солдаты шли бодро и весело. Их неожиданное появление в самой Швеции вызвало общий ужас. Никто не хотел верить возможности такого перехода. Пораженные шведы поспешили просить мира, который и был подписан в 1809 году в г. Фридрихсгаме. Вся Финляндия, уже более года занятая русскими войсками, перешла навсегда, как сказано в договоре со Швецией, в собственность и державное обладание Российской империи.

Император Александр отнесся к новозавоеванному краю со всей свойственной ему добротой и снисходительностью. Он, хотя и полновластный завоеватель Финляндии, сохранил ей прежние

порядки местного управления. Он еще до окончания войны разрешил 20 января 1809 года представителям финляндских сословий собраться на областной сейм, или съезд, принести на нем присягу верности и представить ходатайство о местных нуждах. Мало того: он, по просьбам финляндцев, присоединил в 1811 году к Финляндии Выборгскую губернию, завоеванную еще Петром Великим и Елизаветой Петровной, распространив на нее финляндские порядки. Оказывая эти милости Финляндии, император Александр Первый считал ее, однако, такую же неотъемлемой собственностью и нераздельной составной частью Российской империи, как и другие ее области. Объявляя особым манифестом (1 октября 1809 года) о присоединении по Фридрихсгамскому договору Финляндии к Российской империи, он говорил: «Новые владения наши всегда будут составлять твердую и незыблемую ограду Империи Нашей». Петр Великий Выборг назвал «крепкой подушкой Петербурга», а его правнук желал, чтобы вся Финляндия стала «незыблемой оградой» русской столицы и всего Русского государства.

Война с Турцией затянулась дольше, и только весной в 1812 году заключен был выгодный для нас мир. К России отошла от Турции плодородная Бессарабия, река Прут с этой поры стала нашей государственной границей на западе.

Счастливого окончания турецкой войны было как нельзя более кстати для России. Новая война с Францией готова была разразиться с минуты на минуту.

Великая Отечественная война

Соглашение, заключенное в Тильзите, не могло быть прочным. Наполеон продолжал свои захваты и беззакония, расправы со слабыми государствами. Еще в Тильзите он делал императору Александру намеки на возможность разделить с ним господство над Европой. И потом в беседе с русским послом в Париже он однажды вернулся к этой мысли, — разрезал пополам яблоко и сказал: «Видите, как легко поладить мне и вашему государю: одна половина земли мне, другая ему». Узнав об этом, Александр заметил: «А кто мне поручится, что Наполеон, съевши свою половину яблока, не захочет съесть и другую?»

Всякий новый захват императора французов вызывал возражения со стороны русского императора, что раздражало Наполеона, привыкшего уже к раболепству. Сердило его и то, что император Александр не хотел в угоду ему выслать из России нелюбимых Наполеоном лиц, и то, что в изданных в то время в России законах о торговле французы не получили ожидаемых льгот. В душе Наполеон хотел и в России распоряжаться, как в подвластной ему стране, но всякая попытка в этом направлении встречала решительный отпор. Чуть не каждый день возникали новые столкновения и взаимные жалобы. Переговоры между Россией и Францией принимали все более резкий и угрожающий характер. Во всей Европе только и было разговоров, что о предстоящей неизбежной войне.

Могущество Наполеона в это время достигло высшей степени. В четырех крупных государствах Европы были королями его братья или генералы; большинство немецких государей признали над собою «покровительство», то есть, в сущности, власть Наполеона; владения же других были непосредственно присоединены к Франции; из части польских земель, отнятых от Австрии и Пруссии, Наполеон в 1807 году образовал особое Польское государство — Варшавское герцогство; правителем его был саксонский король, подчинившийся Наполеону.

Иго французов было изнурительно и тяжело для побежденных. Тяжелые подати, военный постоя, всевозможные поборы и притеснения со стороны французских солдат и чиновников разоряли и богатых людей, и простой народ и вселяли общую ненависть к французам. Но государи и правители, либо поставленные Наполеоном, либо запуганные, не смели уже призвать

свои народы к борьбе против притеснителей, и император Франции поистине мог считать себя владыкою всей Западной Европы. Даже Австрия и Пруссия, бывшие прежде его упорными врагами, теперь склонились к союзу с ним и обязались в случае войны помогать ему.

В течение всего 1811 года Наполеон открыто готовился к походу на Россию. Во всех подвластных ему государствах шли усиленные рекрутские наборы. Заготавливались огромные запасы оружия, военных снарядов, солдатской одежды, походных телег, склады съестных припасов. Бесчисленные французские шпионы разведывали все, что могли, о русских военных силах, вооружении и дорогах. Сам Наполеон внимательно изучал карту России, намечая путь своему походу.

Об этих приготовлениях хорошо знали у нас. Император Александр тоже не терял времени для приготовлений к обороне. Но Россия ни по богатству, ни по числу населения не могла сравниться с Западной Европой, подвластной Наполеону. Против шестисот тысяч, собранных им, русским удалось сосредоточить на границе немногим больше двухсот тысяч.

До последней минуты, однако, император Александр не терял надежды покончить дело миром. «Я не сделаю первого выстрела, — говорил он французскому послу, — я допущу вас перейти Неман и сам его не перейду. Будьте уверены, что я не хочу войны. Мой народ тоже не хочет войны, но если на него нападут — он сумеет защищаться всеми силами». Наполеон, со своей стороны, желая выиграть время, постоянно твердил о своем желании поддержать мир. Своему послу в Петербурге он дал прямое приказание — лгать до последней минуты даже тогда, когда французские войска вступят уже в русские пределы. Посол твердил каждый день о миролюбии своего императора, а между тем французские, немецкие, итальянские, польские войска со всех концов Европы стягивались уже к русской границе.

В начале июня 1812 года сам Наполеон прибыл сюда же к своей «великой армии». Приготовления к войне были закончены, медлить было нечего. В ночь на 12 июня бесчисленные полки стали переправляться через Неман. Роковая война началась.

«Скоро я буду владыкою всей Европы. Остается одна Россия — я ее раздавлю», — так говорил Наполеон, начиная войну.

Никогда еще Европа не видала под властью одного полководца такого огромного войска. Часть собранных сил пришлось Наполеону оставить в Германии для охраны крепостей и дорог, и все-таки в пределы России он ввел 400 тысяч отлично вооруженного, отборного войска. Переправа через Неман прошла в блестящем порядке. Разделившись на несколько армий, широким строем, охватывая обширное пространство от Риги и Полоцка до Волыни, французы начали быстрое и решительное наступление на восток. Главные силы под начальством самого Наполеона двигались по намеченному заранее пути через Вильну и Витебск на Смоленск и Москву. В составе армии Наполеона был и особый 80-тысячный отряд, выставленный поляками Варшавского герцогства. Местные власти, состоявшие в областях западного края, по которым шла армия Наполеона, из поляков, а также многочисленные здесь польские помещики всячески помогали врагам России людьми, деньгами, припасами.

Русская армия, насчитывавшая в передовой линии едва 175 тысяч человек, не могла и думать об открытом бое с подавляющими силами неприятеля, во главе которых стоял вдобавок полководец, одержавший ряд блестящих побед над армиями всей Западной Европы.

«Доверяю вам мою армию. Не забывайте, что другой у меня нет», — сказал император Александр главнокомандующему, генералу Барклаю. Осторожный Барклай хорошо помнил это наставление.

Наполеон вел быстрое наступление, стремясь настичь, разбить и уничтожить русскую армию. Барклай спешно отступал, невзирая на ропот и неудовольствие в войсках: среди солдат и офицеров жива еще была память о великом Суворове, при котором наши войска даже на чужбине не знали слова «отступление». Отступать теперь, защищая родную землю, казалось нестерпимо горькою обидой. «Русские не должны бежать. Это мы хуже пруссаков стали. Куда бежите? Зачем срамите Россию и армию? Стыдно мундир носить! Ради Бога наступайте!» — так роптали старые генералы, выросшие под суворовскими знаменами.

Невзирая на ропот и прямые обвинения в измене, Барклай продолжал отступление. Он видел, что каждый шаг в глубь России ослабляет врага. Наполеон не мог оставить без охраны пройденные им области, и его великая армия сама собою, без сражения, таяла и уменьшалась в числе. Русские напротив, чем дальше отступали, тем становились сильнее. Подошли к армии донские казачьи полки под командой лихого атамана Платова, сподвижника Суворова. Подходили подкрепления из дальних губерний. А между тем в глубине России начиналось грозное движение, которого не предвидел Наполеон, хвалившийся раздавить Россию своими несметными полками.

Трудно описать волнение и негодование, охватившее весь русский народ, уже сто лет не видавший врага в своих пределах. Красноречивые манифесты императора Александра, призывавшего весь народ к борьбе с врагом, дерзнувшим вступить на Русскую землю, находили живой отклик во всех сердцах. Особенно волновалась Москва: первопрестольная столица Русского государства, средоточие великих русских святынь, ядро создавшего Империю русского народа, гнездо старинного родовитого дворянства и богатейшего, именитого купечества — Москва недаром называлась сердцем России. Общее одушевление, охватившее и знать, и простой народ, достигло неслыханной силы, когда стало известно, что государь сам прибудет в Москву.

Император Александр Павлович пользовался в народе большой любовью. Замечательно красивый, ласковый и приветливый, он одарен был редкой способностью — очаровывать всякого, кто имел счастье его видеть или с ним говорить. Забота о благе народа, о его богатстве и просвещении была с детских лет его заветной мечтою. Теперь, в дни народного горя и опасности больше, чем когда-либо, нужно было в Москве живое слово всеми любимого государя, чтобы укрепить и направить к истинной пользе России общее одушевление.

В жаркий солнечный день, 12 июля, император Александр въехал в свой первопрестольный город. Бесчисленная толпа заполняла улицы и площади, унизывала карнизы и крыши домов. Воздух дрожал от криков: «Веди нас, куда хочешь! Веди нас, отец наш! Умрем или победим!» Государь едва двигался сквозь густую толпу людей, плакавших и ловивших его руки и полы мундира, чтобы поцеловать их. Стража хотела раздвинуть перед императором толпу, но он не позволил. «Не тревожьте, не троньте их, я пройду!» — говорил он, кланяясь на все стороны.

В залах дворца ожидали императора созванные им дворянство и купечество Москвы. Государь обратился к собравшимся с вдохновенным словом. «Настало время для России показать свету все могущество и силу, — говорил он. — Я в полной уверенности взываю к вам; вы, подобно предкам вашим, не потерпите ига чужого, и неприятель пусть не восторжествует в своих дерзких замыслах. Этого ожидают от вас Отечество и Государь». В порыве одушевления дворянство постановило на свой счет снарядить и вооружить ополчение из крестьян — по одному ратнику с 10 душ; сами неслужилые дворяне становились в ряды ополчения; кто мог, жертвовал и деньгами — собрано было до 3 миллионов рублей; купечество в несколько часов собрало пожертвований на 10 миллионов рублей. Городской голова Москвы дал 50 тысяч — половину своего состояния. Великая княгиня Екатерина Павловна, сестра императора, выставила на свой счет целый батальон солдат. Московские богачи Мамонов и Салтыков также снарядили два полка конницы. Бедняки несли свою последнюю копейку. Рабочий Белкин пожертвовал единственные свои 5 рублей,

завещанные ему отцом про черный день; «для всех нас не может быть дней, чернее нынешних», — говорил он.

Со времен Минина не видано было на Русской земле такого общего порыва — пожертвовать всем для спасения родной земли. Государь, выходя из зала, где собирались пожертвования, не мог удержаться от слез и несколько раз повторял: «Я никогда не забуду этого дня!»

Примеру Москвы последовала вся Россия. Всюду собирались пожертвования. Все сословия Русской земли участвовали в них: и дворянство, и купечество, и мещане, и крестьяне, и духовенство, и монастыри. Св. Синод отдал на военные надобности деньги, которые в течение нескольких лет собирал для обеспечения духовных школ и духовенства. Всего собрано было пожертвований деньгами, вещами и припасами не менее как на сто миллионов рублей. В то же время шли быстрые сборы ополченцев и ратников в тех губерниях, которым они государем были разрешены (хотя все губернии желали в них участвовать). Из всех сословий множество людей просилось в ополченцы и ратники. Свыше трехсот тысяч принято было их на службу.

Но собрать, обучить и вооружить народное ополчение — все это требовало времени. А между тем французская армия стремительно и грозно приближалась к Москве. Платов с казаками, прикрывавший отступление нашей армии, несколько раз выдерживал с успехом горячие схватки с французской конницей. Двинувшись с Волыни в Гродненскую губернию, генерал Торماسов нанес при г. Кобрине прямое поражение сильному отряду врагов, взял в плен двух генералов, две тысячи солдат, захватил пушки и знамена. Но главная армия продолжала отступать, упорно уклоняясь от решительной битвы, хотя отдельные стычки, иногда очень кровавые, происходили чуть не каждый день.

Под Смоленском произошло первое крупное столкновение. Русский отряд, прикрывая отступление главных сил, мужественно выдержал натиск всей французской армии, чтобы дать время выйти из города войскам и обозам. Смоленск, весь засыпанный ядрами и бомбами, горел со всех концов, улицы были загромождены обломками разбитых домов, телами убитых и раненых. К вечеру, когда обозы вышли на свободную дорогу, остатки геройского отряда отступили вслед за главной армией. Когда они в последний раз оглянулись с глубокой тоской на пылающий Смоленск, из полуразрушенного города до них донесся звон церковных колоколов; было 5 августа, канун Преображения Господня, и уцелевшие от пожара и бомбардировки храмы сзывали немногих оставшихся в городе православных на молитву.

Битва при Клястицах 19 июля 1812 г.

8 августа на место нелюбимого солдатами Барклая император назначил главнокомандующим Кутузова. В молодости, сражаясь под начальством Суворова, Кутузов отличался большой храбростью, был весь изранен в бесчисленных боях. Екатерина Великая и Суворов отмечали его своим особым вниманием. Позднее Кутузов выдвинулся уже как самостоятельный полководец, опытный, умный, осторожный и очень хитрый. Наполеон следил с любопытством за действиями Кутузова в турецкую войну и называл его «старой северной лисицей». Но он не знал еще, что у этой «лисицы» есть львиные когти.

Бородинский бой и сожжение Москвы

Назначение Кутузова, заслуженного, всеми уважаемого и чисто русского по крови и по нраву человека, встречено было общей радостью. Его любили, ему верили. Его никто не посмел бы заподозрить в измене.

Принимая начальство над армией, Кутузов понимал, что спасти Москву уже нельзя. Но общее стремление к бою было так сильно, так горячо, что принять сражение стало необходимым. Не доходя Москвы, русская армия остановилась и заняла позицию для боя вокруг села Бородина. В ее рядах насчитывалось в это время 120 тысяч человек, но значительная часть их состояла из новобранцев и ополченцев, плохо владевших оружием и не бывавших еще в бою. Наполеон надвигался на русских с армией в 140 тысяч. Остальные силы — наши и вражеские — действовали особыми армиями и отрядами в других местах.

26 августа 1812 года разыгрался знаменитый Бородинский бой. Давно не видано было такого упорного и кровопролитного сражения. С утренней зари до ночи среди грохота пушек кипела непрерывная битва, чередовались с обеих сторон стремительные и молодецкие штыковые атаки, позиции по нескольку раз переходили из рук в руки. Русские и французы не уступали друг другу в мужестве и упорстве. К ночи десятки тысяч трупов покрыли поле битвы.

Русские не отступили ни на шаг перед бешеным напором, длившимся целый день, и готовы были продолжать бой. Но Кутузов, потеряв целую треть армии и лучших своих генералов, считал более осторожным избежать дальнейшего кровопролития. Переночевав на месте битвы и приведя в порядок расстроенные в бою полки, он велел отступать. У него сложилось окончательное решение: Москва должна быть сдана неприятелю, но эта жертва спасет Россию. Кутузов, хотя и со стесненным сердцем, но отдал приказ о сдаче Москвы. Он живо чувствовал, какую ответственность перед Россией принимает на себя, давая такое распоряжение.

Русские войска прошли через Москву и остановились на Калужской дороге.

2 сентября Наполеон во главе своих полков вступил в оставленную Москву. Неприветливо приняла врагов древняя русская столица. Огромный город был почти пуст. Все, кто имел возможность, выехали из Москвы, не желая оставаться под вражеской властью. Барские дома все стояли пусты. Казенное имущество вывезено из города. Вывезены из церквей и монастырей более ценная утварь и церковные облачения. Никто не вышел навстречу победителю, никто не передал ему с почетом городских ключей. Для Наполеона Москва была пятой столицей, которую он занимал с бою, и он привык встречать в таких случаях почет, раболепный страх, униженные просьбы. Пустота Москвы сначала удивила французского императора, потом испугала.

Упорство русских, не желавших мириться с его властью, показывало, что война не кончена с занятием столицы. И вправду, о заключении мира никто в России не думал. Солдаты плакали, выступая из Москвы. Народ в деревнях провожал проходившие войска причитаниями об участи столицы. Старик Кутузов не терял бодрости духа и уверенности в конечном нашем успехе. «Жалко, это правда, — говорил он, — но подождите, я ему голову проломаю!» Император Александр чувствовал и думал так же, как весь его народ. «Если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое верное дворянство и крестьян, буду сам предводительствовать ими и скорее соглашусь питаться хлебом в недрах Сибири, чем подпишу стыд моего отечества!» — так говорил император, так писал он в своих манифестах к народу. Когда Наполеон попробовал сам предложить мир, Александр не только ничего не ответил, но даже запретил Кутузову впредь пропускать к нему французских послов или передавать письма от Наполеона.

А между тем положение французской армии становилось с каждым днем все хуже. Тяжесть далекого похода и потери в Бородинской битве так расстроили ее, что о дальнейшем наступлении нечего было и думать. Великая армия расположилась в Москве и около нее. Ей нужен был отдых.

Но его-то и не было. Прошло два дня — и в городе начались пожары. Жители, оставшиеся в Москве, сами поджигали свои дома, чтобы те не достались врагам. Деревянные дома и склады товаров запылали, как костер. Тушить было нечем: пожарные приборы все были увезены или сломаны, и пожар, разносимый ветром, слился скоро в море огня, охватившее три четверти Москвы. Самый Кремль загорелся, и Наполеон, перепуганный и озлобленный, едва успел пробраться из него среди пылающих домов в загородный Петровский дворец.

Два дня горела столица. Когда огонь прекратился, на месте цветущего города дымилось необозримое пожарище. Едва уцелела четвертая часть домов. Великая армия осталась на зиму без крова. В погребках магазинов французы награбили много сластей и вин, но мяса и хлеба у них почти не было. Уже в день занятия Москвы для главного из наполеоновских генералов — неаполитанского короля Мюрата с трудом нашли где-то сайку, а скоро и черный хлеб оказался на исходе. Рынок был пуст: из окрестных деревень никто не привозил ничего на продажу.

Наполеон велел забрать все серебро из церковной утвари, которое не успели увезти. Он велел даже сорвать позолоченный крест с колокольни Ивана Великого, думая, что он золотой. Остатки же погорелого города он отдал на разграбление своим солдатам. Да они и без позволения начали уже раньше грабеж, от которого удержать не могла их никакая сила. Грабеж сопровождался страшными насилиями над оставшимися в Москве жителями и святотатственным поруганием церковной святыни. Буйные солдаты превращали храмы в казармы, из икон раскладывали костры, в алтарь ставили лошадей, покрывая вместо попоны священническими ризами. Можно себе представить, какие чувства возбуждало это гнусное кощунство в русских сердцах. Но и для французов эти бесчинства были губительны.

Наполеон с ужасом видел, как в армии падает дисциплина, стройные когда-то полки превращаются в шайки грабителей и бродяг. Он видел уже, что спасти себя и армию можно ему только скорым заключением мира. Думая, что взятие Москвы хоть в первую минуту испугает императора Александра, он спешил использовать это впечатление, пока расстройство его армии еще не стало известно русским. Неделю спустя после занятия Москвы он послал государю любезное письмо с предложением мира, для которого, говорил он, достаточно простой записочки от русского императора. Письмо осталось без ответа. Это молчание было для Наполеона страшнее всякой бури.

Голод в Москве усиливался. Попытки насильно собирать продовольствие по окрестным деревням давали мало добычи. Русские, где не могли защитить, сами увозили или истребляли съестные припасы. От русской армии отделились мелкие партии, конные отряды гусар и казаков; под начальством испытанных храбрецов эти «партизаны» так и кружились вокруг Москвы, захватывали мелкие французские отряды, отбивали обозы, пушки, зарядные ящики. Казаки несколько раз стремительными наездами врываются в самую Москву, и на ее улицах происходили кровавые схватки. В отдалении за подвижной цепью партизанских отрядов стояла русская армия; ополчения подходили к ней со всех сторон; армия, отдыхая, с каждым днем становилась все сильнее и готовилась к удару на слабеющего, расстроенного врага. Между тем под Москвой в тылу у французов, в Смоленской губернии, разгоралась народная война. Озлобленные нашествием врага крестьяне вооружались чем попало, хватали и били французов поодиночке или мелкими отрядами, сами иногда собирались в дружины, отбивали города, занятые французами, и выдерживали настоящие сражения с вражескими войсками. Часто во главе таких крестьянских дружин становились местные помещики, иногда отставной офицер или предприимчивый солдат, или церковный причетник, иногда предводитель выходил из самих же крестьян. В одном селе Смоленской губернии во главе крестьянского добровольческого ополчения стала вдова убитого французами старосты Василиса.

Вести о надвигавшейся со всех сторон народной войне очень смутили Наполеона. Его войска таяли и падали духом со дня на день все больше. Прошел месяц, и главная русская армия, стоявшая все время на юге от Москвы, у села Тарутина Калужской губернии, зашевелилась. 6 октября Кутузов перешел в наступление, разбил передовые отряды французов, причем взято было 1500 пленных и едва не был захвачен сам неаполитанский король Мюрат, родственник и любимый генерал Наполеона. Страшное смятение охватило французов, когда разбитые полки Мюрата беглецами явились в Москву.

Последние минуты Наполеона в Москве

Стало ясно, что дальше держаться в Москве нельзя, и Наполеон в тот же день отдал приказ о выступлении. На прощание он велел взорвать на воздух Кремль и соборы и сжечь все казенные здания. Но взрыв Кремля был неудачен, не все мины взорвались. Новодевичий монастырь спасен был монахиней Саррой: она с четками в одной руке и с ведром воды в другой сорвала и залила фитиль, уже почти догоревший до пороха.

Едва стало известно о выступлении главных сил Наполеона из Москвы, казаки и партизаны со всех сторон начали вступать в опустевший город. Уцелевшие жители Москвы плакали от радости, когда на улицах первопрестольной показались первые русские отряды. Остаткам французской армии пришлось торопливо выступать вслед за главными силами.

Великое дело совершилось. Старик Кутузов, узнав о том, что французы выступают из Москвы, заплакал и сказал: «Боже, Создатель наш! Наконец ты внял молитве нашей! С этой минуты Россия спасена!»

И вправду, всем было ясно, что война идет к концу. Французы искали уже не победы, а спасения; но и спасение было невозможно. Остатки великой армии представляли в это время, по признанию самого Наполеона, какое-то скопище грабителей, одетых во что попало, лишенных дисциплины; много лошадей пало; солдаты страдали от голода. А между тем за этой голодной, нестройной толпой тянулись огромные обозы, тяжело нагруженные серебром и всякой добычей, награбленной в Москве.

Отчаянная попытка Наполеона пробиться на юг, на неразоренную дорогу, не удалась. После ряда жарких схваток, сражений, из которых особенно важной была битва под Малоярославцем, он должен был вернуться на старую, Смоленскую дорогу, уже совершенно опустошенную во время наступления. Армия Кутузова все время наседала на отступавших с тылу; другие русские отряды надвигались с юга и с севера, грозя отрезать французам путь к отступлению. Силы французов таяли с каждым днем. Солдаты, изнемогая от усталости, сдавались и поодиночке, и даже целыми отрядами. Партизаны кружились вокруг, забирая в плен отсталых, больных и раненых, которых французы не могли везти с собою.

До Смоленска дошло всего 50 тысяч человек. Здесь были брошены почти все пушки и обозы. Еще несколько дней спустя Наполеон велел сжечь знамена, чтобы они не достались русским. Сам он, боясь попасть в плен, со дня выступления из Москвы всегда носил при себе яд. В начале ноября завернули жесточайшие морозы, что было уже окончательной гибелью для плохо одетых и не привыкших к холоду французов. Все дороги были покрыты трупами замерзших. Голод и отчаяние доводили солдат даже до людоедства.

16 ноября при переправе через реку Березину большая половина Наполеонова войска была истреблена или сдалась: у него осталось всего 9 тысяч измороженных, голодных и оборванных

солдат. Отступление перешло в прямое бегство. Видя, что все гибнет, Наполеон бросил остатки своей разбитой армии и уехал спешно во Францию — набирать новое войско. Несмотря на ужасающее поражение, он не упал духом и рассчитывал к будущему году собрать новую трехсоттысячную армию и возобновить борьбу на жизнь и смерть. В декабре 1812 года жалкие остатки великой армии — несколько тысяч оборванных, истощенных беглецов без обоза и без пушек и почти без оружия — перешли обратно русскую границу.

Следом за ними переступила границу стройная и грозная масса наших полков. Война переходила на чужую землю. Император Александр решил продолжать борьбу до тех пор, пока окончательная гибель Наполеона не обеспечит России и Европе прочного мира.

Расплата за Москву

В короткое время русские войска без сопротивления заняли все Варшавское герцогство и вступили затем в немецкую землю. Во всех немецких государствах народ волновался, порываясь восстать против французского ига: давно накипевшая ненависть к притеснителям сказывалась так явно, что самые нерешительные из государей были поневоле увлечены общим воинственным подъемом. Пока русские были далеко, немецкие князья, послушные грозному приказу Наполеона, прилежно собирали войска и готовили запасы для нового похода на Россию. Но приближение наших войск повсюду вызывало перемену настроения. Немецкие государства одно за другим отпадали от Франции и соединяли свои войска с победоносной русской армией, при которой находился и сам император. Народ всюду встречал его как избавителя, и великодушный Александр не отказывал в помощи тем самым немцам, которые год назад шли с оружием в руках на Русскую землю. Виновными за это страшное дело он считал не немцев, даже не французский народ, а одного Наполеона. С ним он и вел беспощадную борьбу.

Пруссия, Австрия, Швеция спешили стать на сторону победителя против страшного еще недавно Наполеона. Но он и теперь оставался еще опасным. Доведенный до отчаянья, он напряг все силы и все свои огромные дарования для последней борьбы. Людей он не жалел. «Если мне понадобится полмиллиона жизней, Франция даст мне их без ропота», — говорил он. Со страшным трудом и напряжением, забирая даже 15-летних мальчиков, он в короткое время составил двухсоттысячную армию.

В течение всего 1813 года шла упорная война в Германии, и не раз казалось, что успех клонится снова на сторону Наполеона. Австрия и Пруссия все время колебались и готовы были на примирение с Наполеоном. Но император Александр железной настойчивостью не уступал своему грозному противнику. Он сумел удержать своих колеблющихся союзников, и война 1813 года завершилась страшным поражением, нанесенным Наполеону союзными войсками около города Лейпцига. В этой битве у французов было 200 тысяч, у союзников — 300 тысяч солдат, собравшихся чуть не со всей Европы. Главные подвиги в этой «битве народов», как ее называют, совершены были опять русскими войсками, как и во всей войне 1813 года.

В январе 1814 года армии союзников вторглись уже во Францию и, несмотря на отчаянное сопротивление Наполеона, подступили к Парижу. Русские взяли приступом высоты, господствующие над городом, — и Париж под угрозой бомбардировки сдался. Защищавшее его войско сложило оружие.

19 марта 1814 года — торжественный и памятный день в истории России. Император Александр Первый в сопровождении австрийского императора, прусского короля, бесчисленной свиты владетельных князей, генералов, во главе своих гвардейских полков вступил победителем в столицу Франции. Как непохоже было его вступление на вступление Наполеона в Москву. Улицы

огромного города полны были толпами народа, разодетого по-праздничному. Все враги Наполеона ликовали, предвидя его падение: французы, истомленные тяжестью перенесенных войн, теперь отступили от своего недавно еще любимого императора и с шумной радостью приветствовали победителей, вступавших в сдавшийся город.

Въезд русских войск в Париж

Восторженное внимание жителей столицы Франции сосредоточено было на русском императоре, которому принадлежала вся слава упорной борьбы и нелегкой победы. Если сдавшийся Париж не похож был на брошенную жителями Москву, то не похожи были и русские полки на те разнузданные шайки, которые грабили русскую столицу, насильничали над мирными ее обитателями, ругались над русскими святынями и подкладывали бочки с порохом под стены Кремля. В стройном порядке проходили победоносные войска по улицам Парижа. Русский государь сдержал свое слово — он воевал только с Наполеоном, а французам он нес не месть, а освобождение, мир и отдых, которого уже 25 лет не видела страна. Нескончаемые войны Наполеона стоили Франции свыше двух миллионов жизней.

Только теперь Франция получала из рук великодушного русского императора мир, столь желанный и ей самой, и всей Европе. В день Светлого Христова Воскресенья невиданное трогательное зрелище собрало на улицах Парижа бесчисленные толпы. На главной площади города, где 20 лет назад невинно пролилась кровь короля, православное духовенство в присутствии русского царя, его свиты и гвардии совершало торжественное богослужение: восстановление мира во Франции начиналось молитвой, искупающей страшный грех царубийства, с которого начались для Франции все ее несчастья и беды.

В дальнейших переговорах и распоряжениях о судьбе побежденной Франции главный голос принадлежал, конечно, русскому императору. По его настоянию Наполеон принужден был отречься от императорской власти, и французский трон вернулся к законной династии. Государствам Европы, находившимся в зависимости от Наполеона, возвращена была свобода. Россия за это время приобрела неувядаемую славу, имя великодушного императора Александра было на устах всего света.

Земельные приобретения России ограничились присоединением большей части Варшавского герцогства, созданного Наполеоном в 1807 году и занятого уже в 1813 году русскими войсками. Это герцогство с бывшей новой польской столицей Варшавой переименовано было в царство Польское и с этой поры навсегда вошло нераздельной частью в состав империи Всероссийской.

В царстве Польском кроме коренного населения — поляков проживает много евреев. Несколько же восточных уездов Люблинской и Седлецкой губерний с г. Холмом населены русскими. В то время когда образовывалось и присоединялось к России царство Польское, русские люди указанной местности, для краткости называемой Холмщи-ной, давно уже увлечены были из православия в унию. Только яблочинский Онуфриевский монастырь (Седлецкой губернии) стоял здесь несокрушимой твердыней православия.

Император Александр по своему великодушию далек был от мысли мстить полякам западного края, примкнувшим с полной готовностью к войскам Наполеона, за ту вражду, какую они проявили к России в 1812 году. Изгоняя из России французов, император Александр в бытность свою в Вильно еще в конце 1812 года обнародовал манифест о даровании полного прощения тем своим подданным-полякам, которые изменили ему, перейдя на сторону Наполеона. Что же касается новых его подданных в царстве Польском, то он даровал им самоуправление, оставил в

действию их местные законы, во многом отличные от законов Российской империи; разрешил им даже иметь особую казну и особое войско. Наконец, для участия населения в издании законов император Александр учредил в Варшаве особый сейм народных представителей по подобию старого польского сейма. Словом, русский государь явил полякам в царстве Польском необычайные доброту и милость.

Когда общий совет европейских государей, собравшихся в столице Австрии Вене в 1815 году, закрепил договорами восстановленный в Европе законный распорядок, победоносные русские войска стали возвращаться в родные пределы.

Кончилась страшная борьба. Путь от Москвы до Парижа был залит русской кровью и усеян русскими костями. Зато спасая честь и независимость родной страны, русский царь и русский народ свершили и другое великое дело: дали мир и свободу всем европейским народам, избавив их от тяготевшего над всей Европой Наполеонова ига. Этот великий подвиг — бессмертная заслуга русского народа в истории Европы.

Благодарные русские люди наименовали императора Александра Первого Благословенным. Без Божией милости и чудесной помощи Россия не могла бы преодолеть нашествия и вторгшихся в нее полчищ Наполеона, составленных из народов всей Европы. В благодарственное молитвенное воспоминание об этом православная церковь ежегодно 25 декабря, в день Рождества Христова, творит во всех храмах земли Русской особое молитвословие по поводу избавления Отечества от нашествия галлов и с ними двадцати языков. Сам Благословенный государь в дивных делах своего царствования видел особый перст Божий: «Не нам, не нам, но Имени Твоему» — велел он выбить на медалях в память 1812 года.

Первой мыслью его после освобождения России от врагов было приступить к сооружению в Москве храма во имя Христа Спасителя. В Петербурге же им сооружен Казанский собор: к находящейся в нем чудотворной Казанской иконе Божией Матери прибегают с молитвой наши государи во всех важных обстоятельствах их жизни. Иконостас этого собора сделан из серебра, отбитого Донскими казаками у французов. В этом же соборе погребен по воле императора Александра Кутузов. Счастливому победителю Наполеона Кутузову тут же на правой стороне площади воздвигнут памятник. Другой памятник на левой стороне той же площади поставлен генералу Барклаю, подготовившему осторожным и тяжким для него самого отступлением победу.

Заботы о внутреннем благоустройстве государства

Большая часть царствования Александра Благословенного прошла среди великих войн, все силы русского народа были направлены на борьбу с Наполеоном; вместе с тем государь находил время и для забот об упорядочении внутреннего управления империей. Уже вскоре после вступления своего на престол он окончательно уничтожил пытки при судебном разбирательстве. Особенно важны его мероприятия относительно крестьянского сословия: как и его державная бабка Великая Екатерина, Александр был противником крепостного права, и в деле его ограничения им было сделано немало. Надо, впрочем, заметить, что началось уменьшение крепостной тяготы еще в кратковременное царствование его отца — императора Павла, который издал указ о трехдневной барщине: по этому указу крестьяне там, где была барщина, должны были работать на помещиков только три дня в неделю.

При императоре Александре Первом прекратилась раздача земель, населенных государственными крестьянами. Благодаря этому количество крепостных крестьян не могло

Научно-образовательный мультимедиа портал теперь значительно увеличиваться. Затем в 1803 году император издал закон о свободных хлебопашцах. Появился этот важный закон по следующему поводу. Один из лучших и благороднейших людей того времени граф Румянцев обратился к государю с просьбой разрешить ему отпустить на волю своих крестьян, наделив их землей. В ответ на эту просьбу и последовал указ о свободных хлебопашцах, то есть таких крестьянах, которые, выйдя из крепостной зависимости, получали за известную плату или на известных условиях, по добровольному соглашению со своими помещиками, землю.

Правда, далеко не многие помещики последовали примеру графа Румянцева, и только около 50 тысяч крепостных в царствование Александра Первого стали свободными хлебопашцами; но это мероприятие важно тем, что с высоты престола предрекалось будущее великое дело — освобождение крестьян с землей. К этому времени в государствах Западной Европы крестьяне вышли уже из крепостной зависимости, но при этом они получили только личную свободу и не были наделены землей. На этих же основаниях были освобождены от крепостной зависимости и крестьяне в царстве Польском, а также в трех прибалтийских губерниях.

Не менее важные меры были осуществлены императором Александром в деле высшего управления. Императрица Екатерина изменила и улучшила местные губернские учреждения, но высшее управление находилось по-прежнему в руках коллегий. Опыт, однако, показал, что коллегиальное управление, т.е. решение дел несколькими лицами, является не всегда удобным: в таких учреждениях дела решаются медленнее, чем там, где дело находится в руках одного ответственного распорядителя. Это и побудило императора Александра уничтожить коллегии и заменить их в 1802 году министерствами, во главе которых стояли министры, ответственные перед государем за деятельность своих ведомств.

Сначала министерств было восемь, а затем число их увеличилось до одиннадцати. Для решения тех дел, которые касались нескольких ведомств, министры собирались вместе в так называемом комитете министров.

Все новые законы и важные мероприятия, прежде чем они представлялись на утверждение государю, должны были с 1803 года подвергаться обсуждению в особом высшем учреждении — Государственном совете. Этот совет первоначально состоял из 35 членов, которых назначил государь из наиболее достойных и заслуженных высших сановников. Кроме рассмотрения новых законов Государственный совет обсуждал еще смету государственных доходов и расходов на каждый год вперед (так называемый бюджет).

Во всех этих преобразованиях государю помогал выдающийся по уму сотрудник Сперанский, сын бедного священника Владимирской губернии.

У императора Александра являлась мысль привлечь к содействию себе в разрешении дел законодательства и выборов от населения. Но тяжелые войны не допустили осуществить это. Притом же перед русскими самодержцами лежала еще другая важная забота: освобождение крестьян от крепостной зависимости. Причем, в отличие от Западной Европы, русские государи ставили себе задачей не только даровать свободу крестьянам, но и наделить их на необременительных условиях землей, дабы крестьяне могли стать самостоятельными хозяевами, а не безземельными батраками.

Учреждение министерств и Государственного совета имело хорошие последствия: дела законодательства и управления пошли быстрее, и самое управление было поставлено более твердо и единообразно.

Наряду с преобразованием государственных учреждений нельзя не отметить весьма благотворной деятельности императора на пользу просвещения. До него в России не было особого высшего учреждения, которое бы ведало всем народным образованием; император же Александр создал особое министерство народного просвещения. Затем, при нем на народное образование стали отпускать более денежных средств, благодаря чему увеличилось и число учебных заведений. Вместо Екатерининских главных и малых народных училищ в губернских городах были учреждены гимназии, а в уездных городах — уездные и приходские училища. Кроме уже существовавшего Московского университета были открыты три новых — в Харькове, Казани и Петербурге. Сильно развилось под ближайшим попечением матери государя императрицы Марии Федоровны женское образование: явилось несколько новых институтов в Москве и других городах. Новое лучшее устройство получили и духовные школы: академии (С.-Петербургская, Московская и Киевская), семинарии и училища. Был основан Императорский Александровский лицей, первоначально в Царском Селе — любимом местопребывании государя. В этом лицее получил образование наша русская гордость — великий поэт Пушкин. Второй лицей был основан в Ярославле на средства Демидова, а третий — в Нежине на средства графа Безбородко: в Нежине учился другой великий писатель — Гоголь.

Главнейшая литературная деятельность Пушкина и все произведения Гоголя относятся уже ко времени царствования императора Николая Первого. Но и Александр мог гордиться такими писателями своего царствования, как баснописец Крылов, знакомый с детства всякому русскому, как поэт Жуковский и историк Карамзин. Карамзин начал свою литературную деятельность еще при императрице Екатерине Второй: он писал повести, рассказы, издавал журналы. Но с течением времени он все более и более сосредоточился на изучении прошлой жизни русского народа. В 1816 году Карамзин издал первые восемь томов своей «Истории Государства Российского». Писал он свое произведение, проникнутое глубокой любовью к родному прошлому, во время великой борьбы русского народа со страшным западным завоевателем. До Карамзина многие и образованные русские люди плохо знали прошлое своей Родины. Карамзин, можно сказать, открыл им глаза на это прошлое: они увидели, каких великих государей имела наша страна, какие высокие подвиги самопожертвования совершались нашим народом, как, наконец, наши предки в тесном единении со своими самодержавными государями, посреди тяжких испытаний создавали будущую крепость и мощь Русского государства. Все это побуждало гордиться родной землей и еще больше любить ее.

В последние годы царствования императора Александра здоровье его все более и более ухудшалось, он чувствовал себя утомленным делами и той тяжелой борьбой, которую ему пришлось вынести с Наполеоном. У него возникла даже мысль об отречении от престола. Детей у государя не было, и поэтому наследником являлся его брат цесаревич Константин Павлович, но тот не считал себя в силах принять нелегкое бремя царской власти и заранее отказался от прав на престол. Тогда наследником престола становился другой брат императора (третий сын императора Павла) — великий князь Николай Павлович.

За несколько лет до смерти император Александр подписал манифест о том, что после него престол, ввиду отказа Константина Павловича, должен занять Николай Павлович. Но манифест этот почти для всех, в том числе и для самого будущего императора, остался неизвестным. Государь, по-видимому, хотел обнародовать его впоследствии, но не успел этого исполнить.

Наконец, расстроенное здоровье императора было сильно подорвано исключительным по своим размерам наводнением в Петербурге 7 ноября 1824 года. Такого сильного наводнения не было ни до, ни после того: значительная часть города оказалась под водой; множество людей погибло. Государь лично распоряжался спасением погибавших, разъезжая в карете по улицам Петербурга. Он говорил, что, побывав во многих сражениях, не видал ничего более ужасного, чем это бедствие. Летом следующего года государь решил отправиться в Таганрог, рассчитывая

укрепить здоровье свое и недомогавшей императрицы Елизаветы Алексеевны в более мягком климате. В Таганроге и императрица, и государь стали чувствовать себя значительно лучше.

Император не оставлял забот о государственных делах и решил воспользоваться наступившим облегчением, чтобы обозреть Севастополь и другие крымские города. В Крыму он сильно простудился и вернулся в Таганрог совсем уже больным. 19 ноября 1825 года императора Александра Благословенного — избавителя России и спасителя Европы от Наполеонова ига — уже не было в живых.

Император Николай Павлович

Вступление на престол

Когда в столицу пришла весть о кончине императора Александра, то великий князь Николай Павлович, не осведомленный о манифесте покойного государя, возвещавшем отречение цесаревича Константина от престола и переход прав на престол к нему, после первой панихиды тотчас же торжественно принес присягу со всеми его окружавшими Константину Павловичу. Между тем был распечатан пакет с собственноручной надписью императора Александра «Вскрыть после моей смерти», в котором оказалось оповещение о переходе престола к великому князю Николаю Павловичу. Однако великий князь, не имея подтверждения от цесаревича Константина об его отречении, отказался вступить на престол и уговаривал принести присягу Константину Павловичу. Такая присяга была принесена жителями Петербурга, а сенат разослал по империи указы о приведении к ней же населения всей России.

Когда о происшедшем в Петербурге стало известно Константину Павловичу, бывшему наместником в Варшаве, то он со своей стороны присягнул на верность императору Николаю Павловичу и отправил в Петербург письма к матери и брату, подтверждая безусловное свое решение об отказе от престола.

Письма эти были получены в Петербурге 12 декабря. И только тогда Николай Павлович решил принять царскую власть.

Обстоятельства, при которых новый император принял в свои руки бразды верховной власти, были тяжелые. Население только что принесло присягу Константину Павловичу и не знало об его отречении; теперь же народ призывали присягать императору Николаю Павловичу. Это должно было смутить народ и войска, чем и воспользовались некоторые лица.

Еще в царствование императора Александра Первого некоторые молодые офицеры и дворяне, побывавшие за границей во время войн с Наполеоном, стали увлекаться мечтами о возможности установления в России таких же порядков управления и государственного строя, какие существовали в иных государствах на Западе. Для достижения этой цели они образовали тайное общество. Увлекаясь своими мечтами, они упускали из вида ту разницу, которая существовала между развитием и всем жизненным укладом русского народа и тех народов Запада, которых они ставили себе за образец для подражания. Наряду с мыслями об уничтожении крепостной зависимости крестьян, у некоторых из них были намерения не только ограничить, но даже вовсе уничтожить царскую власть, с которой искони сроднился русский народ, а Родину раздробить на несколько отдельных частей. Иные же заговорщики для достижения своих целей не погнушались вступить в соглашение с поляками, которые желали отложиться от России и захватить Малороссию и Белоруссию.

Создавшееся после смерти императора Александра Павловича положение показалось этим заговорщикам наиболее удобным для приведения своих замыслов в исполнение.

Император Николай I (с 1825 по 1855)

14 декабря, в день, назначенный в Петербурге для принесения присяги императору Николаю, лица эти, получившие впоследствии название декабристов, решили смутить войска солдат и народ, уверяя их, что цесаревич Константин не отрекся от престола и что Николай Павлович неправильно хочет его занять.

Молодой император в тяжелый день 14 декабря по решимости и силе духа оказался вполне достоин того великого сана, который ему суждено было принять. Утром манифест о вступлении на престол был обнародован большинством гвардии, несмотря на старания заговорщиков, присягнуло императору Николаю Павловичу; только меньшую часть войск заговорщикам удалось увлечь на Сенатскую площадь, куда собрались и главнейшие из них.

Ранение Милорадовича на сенатской площади

Император был проникнут горячим желанием образумить заблудших и без кровопролития восстановить порядок.

Славный герой 1812 года, генерал-губернатор Петербурга Милорадович по повелению государя отправился на Сенатскую площадь. Прибытие любимого солдатами генерала и его команда «смирно» установили тишину. Милорадович обратился к солдатам с пламенной речью. Убедительные слова любимого командира произвели хорошее действие; солдаты уже с криками «ура» готовы были идти за ним, как вдруг пуля одного предателя, переодетого солдатом, сразила героя Отечественной войны, который оставался невредимым от вражеских пуль в 50 сражениях. Тяжело раненного генерала унесли на руках с площади, и через несколько часов он в сильных мучениях скончался. Утешением для него было сознание, что он умирает за своего государя и что злодей, его смертельно ранивший, не был солдат.

Пробовали уговаривать мятежников и митрополит Серафим, и младший брат государя Михаил Павлович, но безуспешно. И только когда мятежники сами начали пальбу, император приказал стрелять по ним. Двух-трех картечных выстрелов оказалось достаточно, чтобы рассеять мятежников. К вечеру все главные зачинщики были схвачены.

Для расследования дела была учреждена следственная комиссия, которая привела к ответственности 121 заговорщика. Они были преданы суду, который приговорил более половины из них к смертной казни; но государь смягчил приговор, и только пятеро наиболее виновных были казнены, остальные же сосланы.

Какое впечатление произвели на молодого императора тяжелые события первого дня его царствования, лучше всего видно из разговора государя через несколько дней после этого с французским послом: «Душа моя, — говорил он, — глубоко опечалена совершившимся. Но я имел утешение получить множество выражений преданности и убедиться в горячей любви к Отечеству населения, искупивших стыд и позор, которые горсть злодеев пыталась возвести на русский народ».

Дела законодательства и управления

Мужество и твердость, которые проявил император Николай Павлович при вступлении на престол, отличали все его тридцатилетнее царствование.

Прямота и искренность государя во всех делах сглаживали ту суровость характера, которую находили у него люди, мало его знавшие. Конечно, император, сам строго относившийся к своим обязанностям и смотревший на царскую власть, как на службу России, требовал и от подданных неукоснительного повиновения и исполнения долга; но суровости, а тем более жестокости в нем не было. Он был сердечен, что особенно проявлялось в отношении к детям. Сохранились многочисленные рассказы о том, как задушевно обращался император с воспитанниками учебных заведений: нередко играл с ними, причем мальчики забывали, что перед ними самодержавный монарх, повелитель величайшей империи.

Николай Павлович стремился непосредственно знакомиться с государственными делами и изучал их во всех подробностях. Поэтому при нем получила большое развитие Собственная Его Императорского Величества канцелярия. Она существовала и раньше, но заведовала только личной перепиской государя. При императоре же Николае переписка составила лишь часть обязанностей канцелярии по первому отделению. Образованное же вновь второе отделение призвано было ведать дела законодательства; третье — сосредоточило у себя высший полицейский надзор; наконец, четвертое отделение было учреждено для заведования всеми благотворительными и просветительными учреждениями матери государя императрицы Марии Федоровны, которая в царствования своего супруга императора Павла Петровича и обоих сыновей сделала очень многое в области призрения, благотворительности и женского образования. Учреждения эти, развиваясь и расширяясь, существуют и ныне, образуя ведомство императрицы Марии.

М.М. Сперанский

Особенно важное значение в царствование Николая Первого получил второе отделение Собственной Его Величества канцелярии. Еще в начале царствования император говорил, что желает в основу государственного строя и управления положить определительность и силу законов. Молодой государь видел, как медленно вершились у нас в то время дела, как много несправедливостей и обид причинялось населению, и главным образом потому, что со времени царя Алексея Михайловича вновь издаваемые законы не приводились в порядок и необходимое между собою согласование. Государь обращал внимание на это; Екатерина Великая даже созвала особую комиссию для составления Уложения, но довести дело до конца не пришлось.

Император Николай поставил на первую очередь упорядочение законодательства. И железная воля императора служила надежной порукой, что это будет завершено. Он принял издание полного собрания законов в свое непосредственное ведение и ближайшее его исполнение поручил уже известному нам Сперанскому.

Приступая к этому сложному труду, Сперанский предложил государю: или составить новые законы, независимо от существующих, или сначала собрать все изданные со времен «Соборного Уложения» царя Алексея Михайловича узаконения, а затем уже выбрать из них те, что отвечают потребностям данного времени, дополнив и выправив остальные. Государь одобрил второе предложение: он ясно понимал, что неудача предшествующих попыток происходила оттого, что

составители желали сочинять новые законы, не считаясь с существующими. Предложение это было одобрено и таким знатоком нашего прошлого, как историк Карамзин.

Сперанский и его сотрудники оправдали высокое доверие государя: через четыре года работа по собранию законов была закончена.

Первая часть работы была исполнена. Предстояло выполнить вторую, т.е. разобрать множество узаконений, выбрать из них те законы, которые и впредь должны были сохранять силу и распределить их в правильном и удобном порядке. И эта работа была исполнена весьма быстро: через три года появился «Свод Законов Российской Империи» в 15 томах. После этого все вновь издаваемые законы должны были быть ежегодно печатаемы в продолжениях «Свода».

«Свод» был разослан во все правительственные учреждения империи и поступил в продажу, так что отныне всякий мог пользоваться в своих делах «Сводом Законов», и злоупотребления стали затруднительнее.

Н.М. Карамзин

За большие заслуги в деле издания как «Полного Собрания», так и «Свода» Сперанский получил графский титул.

Вторым по важности делом императора Николая в области внутреннего устройства государства было улучшение нашего денежного хозяйства.

Еще в царствование императрицы Екатерины Великой правительство, нуждаясь в средствах, прибегло к значительному выпуску бумажных денег, или так называемых ассигнаций. Вначале ассигнационные рубли были одной стоимости с серебряными, но затем ценность их стала уменьшаться и ко времени царствования императора Николая ассигнационный рубль был уже почти в четыре раза дешевле серебряного. Произошло это оттого, что бумажных рублей выпущено было слишком много для покрытия громадных издержек, вызванных многочисленными и долгими войнами.

Император Николай Павлович по вступлении на престол обратил внимание на неудовлетворительное состояние наших финансов и поручил их улучшение графу Канкрину, который и сумел в сравнительно короткое время увеличить в казне наличие золота и серебра, необходимое для беспрепятственного обмена бумажных денег. Затем постепенно ассигнационные рубли были заменяемы новыми бумажными деньгами — кредитными билетами. Было обращено также внимание на развитие промышленности и хороших путей сообщения — появились первые в России железные дороги: в 1837 году была открыта Царскосельская железная дорога, а незадолго до смерти императора началось движение и по железной дороге между Петербургом и Москвой, которая теперь и называется Николаевской.

В положении сословий в царствование Николая Первого не произошло каких-нибудь коренных изменений. Крепостное состояние крестьян, живших на землях помещиков, по-прежнему сохранялось. Но император Николай много думал об изменении его к лучшему. В указе, изданном в первые же месяцы царствования, он предписывал помещикам христианское и сообразное с законом обращение с крестьянами. Через год по вступлении на престол, 6 декабря 1826 года, он учредил из высших сановников комитет, которому поручил изыскание мер к улучшению положения помещичьих крестьян. Этот комитет мало что сделал: среди приближенных государя немного было лиц, сочувствовавших ему в крестьянском вопросе.

В 1842 году, когда в Государственном совете обсуждался вопрос об обязанных крестьянах, государь сказал: «Крепостное право, в нынешнем его у нас положении, есть зло всем ощутительное и очевидное».

В течение своего царствования Николай Павлович учредил еще несколько комитетов по крестьянскому делу. Ничего существенного и эти комитеты не принесли. Но все же государю удалось осуществить несколько подготовительных мер для последующего освобождения крестьян: так, крестьяне получили право покупать с разрешения помещиков землю в свою личную собственность; было запрещено продавать крестьян по частным взысканиям с их помещиков отдельно от семейства как с землей, так и без земли; затем крестьяне, с разрешения помещика и по особому с ним договору, получили право приобретать землю в свое постоянное пользование за определенные повинности. Такие крестьяне стали называться «обязанными».

Государь не только не раздавал частным лицам казенных имений с крестьянами, но еще велел покупать в казну имения разорившихся помещиков, бывшие крепостные которых, таким образом, превращались в государственных крестьян. Беглых крепостных, ушедших на окраины (в Новороссию, Бессарабию и т.п.), правительство оставляло на свободе, вознаграждая за них помещиков. Император очень скорбел о прибалтийских крестьянах, освобожденных до него тамошними помещиками без земли, и решительно заявил, что никогда не допустит в России безземельного освобождения крестьян.

Император Николай до конца дней своих не переставал стремиться к тому, чтобы своими мероприятиями облегчить для своего преемника окончательное решение крестьянского дела: «Я должен, — говорил он, — передать это дело сыну с возможным облегчением для его разрешения».

Но если для крестьян крепостных было сделано сравнительно немного, зато император Николай Павлович может поистине быть назван благодетелем крестьян государственных, которых в ту пору было около 8 миллионов.

Для заведования казенными землями и крестьянами, жившими на них, было учреждено особое министерство государственных имуществ, во главе которого был поставлен граф Киселев, благороднейший человек того времени. Граф деятельно занялся благоустройством государственных крестьян, и его меры всегда встречали поддержку и одобрение государя.

До графа Киселева государственные крестьяне были обременены множеством тяжелых повинностей. На них почти одних лежала забота о починке и содержании дорог, мостов и т.п. Крепостные крестьяне часто, благодаря просьбам своего влиятельного помещика, освобождались от этих повинностей. Киселев прежде всего избавил государственных крестьян от такой несправедливости. Затем он стал постепенно переводить их на оброчное положение. Наконец, они получили право решать многие дела сами, через своих выборных. Государственные крестьяне стали разделяться на волости, которые делились на сельские общества, выбиравшие старост, сотских и прочие сельские власти. Вообще устройство государственных крестьян при Николае Павловиче напоминает то устройство, которое получили впоследствии крепостные после своего освобождения.

Надо заметить, что заботливость императора Николая о государственных крестьянах шла еще дальше: не были забыты и их духовные потребности — во многих деревнях государственных крестьян были устроены сельские школы.

Из других сторон внутренней деятельности императора нельзя еще не отметить его заботы о чиновниках. Последние, часто служа до глубокой старости и получая весьма маленькое

содержание, бедствовали и не всегда удерживались от предлагаемых им взяток. Император в заботах о служащих уже через два года после вступления на престол издал закон о пенсиях за 35-летнюю беспорочную службу. К людям, служащим верой и правдой, хотя бы занимавшим маленькое место, император относился с большой сердечностью. Однажды в мороз он увидел чиновника, который шел в одном сюртуке; узнав, что у того только одна, и притом плохая, шинель, которая находилась в починке, император прислал бедному чиновнику в тот же день новую хорошую шинель. Узнав затем, что этот чиновник служит исправно, государь велел увеличить ему жалованье.

В другой раз, идя по Невскому проспекту, государь увидел бедные дроги с гробом, тащившиеся на кладбище. За гробом не было никого провожатых. Осведомившись, что хоронят бедного чиновника, прослужившего верой и правдой 25 лет, император пошел за гробом. Видя государя, следующего за гробом, многие стали присоединяться к погребальному шествию; пройдя некоторое расстояние, государь попросил идущих с ним совершить последний христианский долг и проводить вместо него тело скончавшегося слуги царя и Родины до кладбища. Сам государь должен был вернуться во дворец и заняться неотложными делами. Конечно, желание императора было в точности исполнено. Затем государь на свой счет велел поставить памятник над могилой этого чиновника с надписью: «От Императора за верную 25-летнюю службу». Так заботливо относился государь к людям, честно и добросовестно исполнявшим свой служебный долг.

Польское восстание и положение западнорусских областей

При императоре Александре Первом, относившемся к полякам очень благожелательно, Польша стала быстро оправляться от бывшего разорения и скудости. Благополучие поляков быстро увеличивалось: проводились дороги, возникали фабрики и заводы, умножалось количество учебных заведений, открылся в Варшаве университет. В правительственных местах, в судах и в школах везде был польский язык; все чиновники, высшие и низшие, были поляки. Было сохранено и польское войско. Казалось, поляки должны были быть довольны, что они могут спокойно жить и трудиться под скипетром русских императоров, в столь благоприятных для них условиях. Но в действительности было не так. Польский сейм, собиравшийся в Варшаве каждые два года, только то и делал, что предъявлял все новые и несообразные требования и отвергал предлагаемые меры к упорядочению дел в Польше. Уже в последние годы жизни императора Александра вся Польша покрылась множеством тайных обществ, мечтавших не только о полном отделении от России, но и о присоединении к Польше всей Литвы, Белоруссии и Малороссии. Польским мечтателям грезилась великая Польша от моря до моря, то есть от моря Балтийского до Черного, хотя такой Польши никогда и не существовало.

В то время как тайные общества действовали снизу, возмущая и восстанавливая против России народ, знатные поляки, занимавшие видные должности, старались усыпить бдительность наместника царства Польского — цесаревича Константина. Поляки волновали население и в соседних с ними русских губерниях — белорусских и малороссийских.

Император Александр проявил свое особое расположение и к полякам, жившим в этих губерниях. Хотя их там было и немного, только помещики и их дворяне да некоторое количество мещан, тем не менее в западном крае не были введены законы Российской империи, а сохранены законы прежней Польши. Польским шляхтичам, даже беспоместным, предоставлены были все права русского дворянства. Они по-прежнему занимали все должности по гражданской службе: и в правительственных местах, и в судах русского чиновника было не найти. По-прежнему, как во

времена старой Польши, почти все образование сосредоточено было в руках римско-католических и униатских монахов — ярых ревнителей польщины. Даже русских крестьян-униатов, которых польские помещики называли быдлом, то есть бессмысленном скотом, теперь они не прочь были учить грамоте, но только польской. И в Виленском университете, основанном давно иезуитами, и в подчиненных ему средних и низших школах на всем пространстве нынешних девяти западнорусских губерний все ученье велось на польском языке. К концу царствования Александра Первого его министр народного просвещения едва добился того, что русский язык и русская история стали преподаваться в школах западного края на русском языке православными законоучителями и то после того, как смещен был с должности попечителя Виленского учебного округа князь Адам Чарторыйский, заядлый поляк, с юных лет вкравшийся в доверие императора Александра. В Вильне и в других городах образовались, особенно среди учащейся молодежи, тайные общества, такие же, как в царстве Польском, стремившиеся к восстановлению Польши с присоединением к ней всего западнорусского края.

Вступив на престол, император Николай Павлович первоначально ничего не изменил в существовавшем положении вещей. Он даже короновался в 1829 году в Варшаве польской королевской короной. Император думал, что такое отношение к полякам привлечет их к России. Но он ошибся. Мятеж вспыхнул уже через год после его коронации. Он начался 17 ноября 1830 года предательским нападением на дворец, где жил наместник. Цесаревичу Константину удалось спастись. В тот же день поляки напали на казармы русских войск, но были отбиты. Нападали поляки на русских и на улицах Варшавы, причем среди убитых были офицеры и даже генералы. Затем мятежникам удалось завладеть арсеналом, и находившееся там оружие было роздано населению. Большая часть польских войск изменила присяге и примкнула к мятежу. На следующий день великий князь уехал из Варшавы. С ним ушли русские войска. По пути великого князя догнала депутация из Варшавы, объявившая ему, что поляки прекратят восстание, если к царству Польскому присоединены будут все бывшие польские области — Литва, Белоруссия и Малороссия. Эти дерзкие условия, конечно, были неприемлемы. Великий князь отпустил посланных и с немногочисленным русским войском отошел от Варшавы. Вслед затем поляки отправили посольство в Петербург к государю. Государь объявил послам, что он не станет вступать в переговоры с мятежниками, и прежде всего потребовал положить оружие, причем предупредил их, что в противном случае поляки своими же пушечными выстрелами ниспровергнут Польшу. После этого мятежники организовали в Варшаве временное правительство и начали военные действия.

Русская армия под начальством фельдмаршала Дибича-Забалканского двинута была в Польшу. В первой же большой битве при Грохове (13 февраля 1831 года) поляки были разбиты. Но потом военные действия пришлось замедлить. На Россию обрушилось тяжелое бедствие: уже несколько лет свирепствовала страшная болезнь, занесенная из Индии холера, которая в 1830 и 1831 годах достигла особенной силы. Летом 1830 года, в разгар болезни, государь посетил Москву; он навещал больных, и его бесстрашие и спокойствие благотворно действовали на москвичей. В июле следующего года холера достигла чрезвычайной силы, и в Петербурге умирало до 500 человек в день. Злонамеренные люди распускали нелепые слухи, будто бы болезнь происходит оттого, что доктора отравляют хлеб и воду. Темный, необразованный народ смущался такими слухами и начал глухо волноваться. Начались бесчинства на улице, и даже были случаи убийства докторов. Один раз громадная толпа собралась на Сенной площади. Узнав об этом, государь без свиты и охраны не замедлил прибыть из Петергофа. Войдя в середину волнующейся толпы, государь обратился к ней со словами укоризны и закончил громовым окриком: «На колени! Просите у Всемогущего прощения».

Толпа, как один человек, опустилась на колени и начала молиться. Государь уехал, восторженно провожаемый народом. Так своим непосредственным обращением к народу император Николай умирил волнение.

Холера появилась и среди войск, действовавших против поляков. От нее скончались главнокомандующий Дибич и цесаревич Константин Павлович. На место Дибича назначили графа Паскевича-Эриванского, прославившегося в Закавказье во время войны с Персией. Холера тем временем стали ослабевать, и Паскевич, перейдя Вислу, осадил Варшаву. Поляки оказали отчаянное сопротивление. Но ничто не могло устоять против натиска и удали русских войск. Штурмом было взято хорошо укрепленное предместье Варшавы — Воля, а затем пали и прочие укрепления. Варшава сдалась 28 августа 1831 года. Польское войско ушло к Прусской границе, по переходе которой было обезоружено. Память о героическом штурме Варшавы сохранилась у солдат в песне, посвященной Паскевичу:

Уж как трудно было, братцы,
Нам Варшаву город брать...

Вскоре по взятии Варшавы подчинилась и вся Польша. После подавления восстания прежнее широкое самоуправление Польши было отменено: уничтожен был сейм, упразднено особое польское войско. Наместником царства назначен строгий Паскевич. Но император Николай все-таки не хотел совершенно ломать местных польских порядков управления. В 1832 году был издан закон для царства Польского под названием «Органический статут». По этому статуту полякам были оставлены в судебных и других установлениях местные законы, сохранен и польский язык в суде.

Польское восстание, стоившее русскому народу много денег и крови, имело благодетельные последствия для русского населения Западной Руси. Как было указано выше, поляки пытались поднять восстание в западнорусских губерниях. В губерниях Виленской, Гродненской, Волынской, Подольской, даже Киевской появились отряды повстанцев, но эти отряды были малочисленны и никакого вреда нашему войску не причинили; в эти отряды вступали только шляхтичи со своей дворней; крестьяне, хотя и были их крепостными, не захотели участвовать в мятежных действиях. Тогда русским властям стало ясно, что на верность польских помещиков рассчитывать не приходится. Они поняли, что вся наша сила в западном крае — в местных русских людях, крестьянах и мещанах.

Эти русские люди давно нуждались в защите, потому что с давних пор были бедны, малообразованны и угнетаемы поляками. Хотя громадное большинство их по принуждению своих помещиков стало униатами, но сохранило свою русскую народность.

При императрице Екатерине Второй в губерниях Киевской, Волынской и Подольской почти все униаты возвратились к православию. В Могилевской, Витебской и Минской губерниях большинство униатов, а в Виленской и Гродненской губерниях почти все русские крестьяне и мещане остались в униии.

Если и во времена польского владычества униаты считали себя не поляками, а русскими, то тем более они не могли не почувствовать свое родство с великой православной Россией, когда вновь стали ее сынами. Римско-католическое духовенство и польские помещики увидели, как ненадежна уния, и стали всякими путями переманивать униатов в римско-католическую веру. Униатские духовные власти негодовали на соращение их паствы и жаловались на католических епископов, монахов и священников. Уже в царствование императора Александра Первого среди высшего униатского духовенства стали являться лица, стремившиеся сблизиться с православной церковью. Им сочувствовали и некоторые более образованные приходские униатские священники. Но большинство униатского приходского духовенства было мало просвещенное, бедное и забитое, как и его паства. Император Александр не оставил без поддержки добрых стремлений униатских епископов к сближению с православной церковью и, по их просьбе, заботился, чтобы власть над ними римско-католического начальства была сокращена. А для

поднятия образования униатского приходского духовенства открыл в Полоцке духовную семинарию.

Император Николай, глубоко преданный православной церкви, видел, что уния отвлекает многих русских людей от православной России: еще будучи великим князем, он, стоя с войсками в западном крае, близко присмотрелся к тамошним церковным делам и порядкам и знал об унии не со слов других, ознакомился с нею непосредственно. В то же время среди самих униатов усилилось стремление к сближению с православной церковью: в Петербурге в составе высшего униатского церковного управления появился молодой униатский протоиерей из Киевской Украины, со светлым умом и пламенным русским сердцем — Иосиф Семашко.

Император Николай сразу оценил этого беззаветно преданного русскому делу человека и по его советам предпринял ряд мероприятий по делам униатской церкви. Он открыл еще одну униатскую духовную семинарию (в м. Жировицах Гродненской губернии). Затем он велел совершенно отделить управление униатской церковью от римско-католической.

Открытая для управления униатской церковью особая коллегия в Петербурге стала заботиться об униатском приходском духовенстве, не давая его в обиду, стала наблюдать за тем, чтобы богослужение в униатских церквях совершалось вполне по-православному, как то и было обещано римскими папами при введении унии.

Польское восстание еще усилило бдительность правительства относительно Западной России вообще и униатов в особенности. Явилась мысль о полном воссоединении их с православной церковью. Непоколебимым и ревностным защитником этой мысли был все тот же, теперь уже епископ, Иосиф Семашко.

В 1839 году в древнем русском городе Полоцке, откуда происходила православная святая подвижница Евфросиния Полоцкая, униатские епископы и многие старейшие священники собрались на собор и единогласно решили подать государю и в Святейший Синод просьбу о соединении западнорусских униатов с прародительской православной церковью. Воссоединение совершилось 25 марта 1839 года в заседании Святейшего Синода. Члены Синода после братского целования приняли униатскую западнорусскую церковь в полное общение с собой и возвели епископа Иосифа Семашко в сан православного архиепископа Литовского и Виленского. Иосиф, впоследствии получивший сан митрополита, продолжал еще много лет ревностно трудиться над уничтожением остатков унии. В память радостного для православной церкви и русского народа события воссоединения была выбита медаль, на которой находились слова, как нельзя более верно пояснявшие только что совершившееся: «Отторгнутые насилем (1596) воссоединены любовью (1839)».

Еще до воссоединения униатов император Николай принял меры против ополячения западного края при помощи учебных заведений. Польский университет в Вильне был закрыт, а вместо него открыт русский университет в Киеве. В учебных заведениях введено преподавание на русском языке. В селениях государственных крестьян устроены русские школы грамоты.

Вскоре после воссоединения униатов император отменил Литовский Статут и велел ввести в действие общие законы Русского государства.

Особенно озабочен был император улучшением быта помещичьих крестьян западного края, заявивших себя в польское восстание такой верностью царю и России, несмотря на крепостную зависимость от польских помещиков: они ловили и представляли начальству замешанных в восстании польских дворян. Конечно, после восстания польские помещики готовы были всем, чем только возможно, им мстить. После воссоединения униатов с православной церковью у них

явилась новая причина преследовать крепостных крестьян — они стали мстить им за измену унии.

В 1839 году витебский губернатор Львов в отчете государю о своей губернии указал на чрезвычайное обременение крестьян в польских помещичьих имениях всякого рода повинностями. Император Николай Павлович близко к сердцу принял указание губернатора и, посоветовавшись с графом Киселевым, велел ввести в помещичьих имениях западного края такие же инвентари, какие приняты были к руководству в казенных имениях этого края. Инвентарями назывались утвержденные высшей властью описи имений с точным указанием в них размеров оброка и повинностей крестьян в пользу их помещика. Когда стало дело еще в Петербурге тормозиться, государь написал (21 февраля 1841 года) на одном докладе: «Делом сим не медлить; я считаю его особенно важным и ожидаю от сей меры большой пользы».

Несмотря на столь ясно выраженную царскую волю, введение обязательных инвентарей в помещичьих имениях западного края на несколько лет затянулось. Составление их поручено было особым губернским и уездным комиссиям из местных помещиков под высшим только надзором правительства, и эти комиссии затягивали составление инвентарей.

Ввиду этого киевский генерал-губернатор Бибиков представил государю свои примерные образцы инвентарей, прося государя повелеть ввести их в действие в управляемом им крае. Государь согласился, и в 1848 году в губерниях Киевской, Волынской и Подольской введены были во всех имениях обязательные для помещиков инвентари. Это было весьма благодетельное для крестьян этих губерний распоряжение: «Народа нельзя узнать, — говорили очевидцы, — так он преобразился — ходит весело, держит прямо голову... так подняло его вдруг сознание, что у него есть право» (слова Юрия Самарина).

К сожалению, в остальных губерниях западного края комиссии продолжали до самой кончины императора Николая составлять, изменять и исправлять инвентари. Зато государственные крестьяне во всем западном крае переведены были на оброчное положение. Вместе с этим министерство государственных имуществ вместо старых, истощенных земель отдало крестьянам в надел лучшие земли.

Пушкин и расцвет русской литературы и искусства

Уже в предшествующее царствование благодаря распространению просвещения значительно развилась литература, в царствование же Николая Первого явились у нас писатели, которые по своему значению и таланту стали наравне с лучшими европейскими писателями. Русская литература становится известной в Западной Европе и занимает почетное место. В главе писателей этой эпохи стоит гениальный художник слова, известный всей России Пушкин. Он по отцу происходил из старинной дворянской семьи; предки его не раз были жалуеты за службу еще Московскими государями; мать же поэта была внучка арапа Петра великого Ганнибала.

Родился Пушкин в Москве 26 мая 1799 года; детство его прошло частью в столице, частью же в подмосковных имениях Пушкиных. Воспитывался он, как и многие дворянские дети того времени, под руководством иностранных учителей.

Большое влияние на развитие в нем любви ко всему русскому и понимание народной жизни оказала няня его, простая русская крестьянка Арина Родионовна, души не чаявшая в своем воспитаннике. Она рассказывала ему народные сказки и передавала народные песни и предания.

Так еще в раннем детстве поэт мог познакомиться с народным творчеством, что, между прочим, и помогло ему стать первым истинно народным русским поэтом. Помимо няни большое влияние на Пушкина имела его бабушка; по вечерам он часто заслушивался рассказами о прошлом: о Петре Великом и императрице Екатерине. Рассказы бабушки пробудили в чутком мальчике любовь к прошлому, к родной истории.

Когда Пушкину минуло 12 лет, родители отвезли его в Царское Село в только что тогда открытый лицей. В этом учебном заведении поэт провел семь лет. Уже тогда начинал проявляться его гений: в 15 лет он читает на экзамене свои стихи перед знаменитым поэтом екатерининского времени престарелым Державиным, и старик слушает его со слезами на глазах и прозревает в нем будущую славу России.

По окончании курса в лицее Пушкин живет несколько лет в Петербурге и ведет здесь рассеянный образ жизни. Острый ум поэта легко подмечал недостатки и слабости окружающей его среды, и Пушкин зачастую не стеснялся насмешливым словом клеймить их, невзирая на высокое положение лиц, которых оно затрагивало; такие отзывы, и при том в извращенном иногда виде, доходили до этих лиц. Пушкину грозили большие неприятности. Но поэт Жуковский и Карамзин вступились за него, и он был только переведен на службу на юг в распоряжение Новороссийского генерал-губернатора, который принял его чрезвычайно ласково и, как отец, заботился о поэте. С разрешения его Пушкин посетил Кавказ и Крым. Величавая природа Кавказа и чудные картины Крыма произвели на поэта неизгладимое впечатление и послужили поводом к созданию им нескольких художественных произведений.

Живя потом в Кишиневе, Пушкин не поладил со своим новым начальством, и ему было приказано отправиться на житье в свое поместье Михайловское (Псковской губернии, Опочецкого уезда). Двухлетнее пребывание в сельском уединении имело для поэта благотворные последствия: здесь он усердно занимался, много читал и написал ряд замечательных сочинений.

Весной 1826 года во время коронации поэт был вызван императором Николаем в Москву, и здесь между ними произошел замечательный разговор. На вопрос императора, был ли бы он на Сенатской площади 14 декабря, если бы был тогда в Петербурге, Пушкин ответил утвердительно, но прибавил, что теперь он вполне понимает безрассудство такого поступка. Император остался доволен беседой с поэтом и вечером в тот же день говорил приближенным, что сегодня он имел удовольствие говорить с самым умным человеком в России.

Пушкину было разрешено жить где угодно и предоставлена полная свобода печатать свои произведения.

Пушкин чувствовал сердечную благодарность к государю, что и выразил в известных стихах:

Нет, я не льстец, когда Царю
Хвалу свободную слагаю,
Языком сердца говорю...

Гений Пушкина к этому времени вполне созрел. Он пишет лучшие свои произведения, в которых отразил с поразительной талантливостью все крупные течения русской жизни; в ярких, живых образах дал изображение русских людей. Особенное достоинство стихотворений Пушкина заключается в том, что они проникнуты глубоким пониманием родной жизни, любовью ко всему русскому. Пушкин нашел твердую дорогу, великий исход для нас, русских, и указал на него. Этот исход — народность, преклонение перед правдой нашего народа. Поистине правильна оценка Пушкина, что он составляет явление великое и чрезвычайное. В великих, несравненных произведениях его вылилось все сердце русское, объявилось все мировоззрение народа,

сохраняющееся и досель в его песнях, былинах, преданиях, высказалось все, что любит и чтит народ, выразились его идеалы героев, царей, народных защитников и печальников, образы мужества, смирения, любви и самоотвержения.

Являясь выразителем в своих произведениях русских начал, наш великий поэт живо отзывался и на различные общественные и государственные вопросы: он всегда был противником крепостного права и еще в молодых годах написал стихотворение, где говорил:

Увижу ль я народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию Царя...

Пушкин вместе с тем был великим поэтом-патриотом. Честь и слава Родины были для него дороже всего. Когда началось польское восстание и западноевропейские недоброжелатели России стали говорить о вмешательстве в дела ее, Пушкин бросил пламенную отповедь «Клеветникам России». В этом стихотворении поэт говорит, что борьба между русскими и поляками — это домашний спор, который уже решен судьбой в пользу России. Если же западные европейцы желают явиться в пределы России, то есть место им в полях России среди нечуждых им гробов.

К величайшему горю Родины, творческая деятельность Пушкина прервалась весьма рано — на 38-м году его жизни, когда гений великого писателя находился в полном расцвете. Пушкин погиб. Враги его устроили так, что поэт, раздраженный клеветническими слухами, касавшимися его жены, вызвал на поединок некоего иностранца Дантеса. На этом поединке великий поэт был смертельно ранен и, промучившись два дня, 29 января 1837 года скончался. Последние часы умирающего были облечены трогательной заботливостью государя о нем. Император просил Пушкина не беспокоиться о вдове и детях: «Они мои», — писал он ему.

* * *

Деятельность великого поэта дала толчок пышному расцвету русской литературы. Младшим современником Пушкина был поэт Лермонтов. Он жил всего 27 лет, и, конечно, его талант не мог вполне проявиться, но и он оставил нам ряд замечательных по силе и глубине чувства произведений. Гоголь, друг Пушкина, написал ряд бессмертных произведений: комедию «Ревизор», поэму «Мертвые души» и повесть «Тарас Бульба». Замечательная была судьба «Ревизора». В ней Гоголь изобразил недостатки тогдашнего провинциального чиновничества. Театральное начальство не разрешало поставить эту комедию на сцене. Дело дошло до самого императора. Государь, внимательно прочтя это замечательное произведение, не только разрешил поставить его на сцене, но даже сам был на первом представлении «Ревизора». Гоголь был по происхождению малоросс (из Полтавской губернии). Он в своих произведениях дал много прекрасных картин природы Малороссии и малороссийского быта. Но, любя свою родину Малороссию, Гоголь хотел быть и был писателем общерусским. Он писал для всех русских, которым одинаково дороги русская природа, русская история, русская жизнь всех мест и времен.

В царствование же императора Николая начали свою литературную деятельность и многие другие писатели, которые прославились уже в царствование его сына. Таковы Тургенев, Достоевский, Толстой, Гончаров и многие другие. Тургенев, сам богатый помещик, решил путем литературы бороться с крепостным правом. В своих «Записках охотника» он дал ряд рассказов, где изобразил привлекательными чертами людей из крестьянской среды и старался возбудить в обществе сочувствие к крестьянской доле.

Кроме литературы в век Николая Первого достигли расцвета и другие искусства: сам император был большим ценителем и знатоком живописи, а также любителем величественных построек. В его царствование жили и работали знаменитые русские художники Брюллов и

Иванов. Император сам собирал редкие картины и статуи как русских, так и иностранных художников, и рядом с воздвигнутым им Зимнем дворцом им же было сооружено прекрасное здание императорского Эрмитажа. В этом здании помещены замечательнейшие произведения русского и европейского искусства; оно открыто для обозрения всем желающим. Из других сооружений императора надо указать на всем известный своими громадными размерами, красотой и богатством Исаакиевский собор в Петербурге, сооруженный на месте старого храма, построенного Петром Великим.

Кроме знаменитых картин и великолепных сооружений время Николая Первого отмечено также появлением замечательных произведений в области пения и музыки. Композитор Львов написал вдохновенную музыку для народного гимна «Боже, царя храни». Слова этого гимна были написаны поэтом Жуковским. Другой знаменитый композитор Глинка, который был для русской музыки тем же, чем был для русской поэзии Пушкин, написал оперы «Руслан и Людмила» и «Жизнь за царя». Последняя опера особенно любима русскими людьми: помимо чудной музыки, она замечательна и своим содержанием. «Жизнь за царя» изображает спасение крестьянином Сусаниным ценою собственной жизни царя Михаила Федоровича от поляков.

Все сказанное о царствовании императора Николая Павловича свидетельствует о том, что справедливый монарх с твердым характером и железной волей, с отзывчивым ко всему прекрасному сердцем, не производя каких-либо крупных преобразований, много сделал для улучшения жизни своих подданных; коренные же преобразования условий русской жизни суждено было выполнить его сыну императору Александру Второму.

Войны с Персией, Турцией и кавказскими горцами

Положение России на Ближнем Востоке

С 1814 года до последних лет царствования императора Николая Павловича Россия поддерживала мирные отношения со всеми европейскими державами. Великие подвиги Отечественной войны, обнаружив мощь России, надолго обеспечили ей в Европе мир и выдающееся положение среди других держав.

Один раз только, в 1849 году, император Николай оказал вооруженную поддержку союзнику России, австрийскому императору, для подавления мятежа его подданных-венгерцев. Для русских войск, привыкших побеждать гораздо более сильных врагов, поход в Венгрию оказался почти простой прогулкой; но для Австрии русская помощь явилась прямым спасением, так как мятеж венгров грозил ей неминуемой гибелью и распадением государства. Короткий венгерский поход еще увеличил старую славу русского оружия, но не нарушил установившихся мирных отношений России со всеми державами Западной Европы. Победоносный венгерский поход принес, хотя временное, облегчение жившим в австрийских владениях славянам, в том числе галицким и угорским русским, а также жившим там православным румынам; все они остались верны во время венгерского восстания своему государю.

Иначе складывались дела на юго-восточной нашей границе, где Россия соприкасалась с чуждым и всегда враждебным ей миром азиатских народностей: Персией, Турцией и множеством более мелких кочевых, полудиких племен.

Эти места — Персия, Турция, Кавказ, берега Каспийского и Черного морей — известны под общим названием Ближнего Востока (землями Дальнего Востока называется восточная половина Сибири, где Россия граничит с Японией и Китаем). Здесь, как мы видели, со времен Петра

Великого Россия вела упорную борьбу, имела ряд кровавых войн с Турцией. Причины этой упорной вражды были так глубоки и значительны, что надеяться на прочное примирение было невозможно. С одной стороны, для России было прямой необходимостью прочно усмирить полудикие племена, разбойничавшие на нашей юго-восточной границе, Турция же, связанная с этими племенами общей мусульманской верой, а с некоторыми из них и кровным родством, не могла оставить своих единомышленников и единоверцев без поддержки. С другой стороны, христианские народы, поработанные и угнетенные мусульманами-персами и турками, давно уже молили о помощи единоверную Россию, и заступничество за наших единоверцев-православных также втягивало нас в войны с соседними мусульманскими державами. Наконец, Каспийское и особенно Черное море, по их положению, представляют такие выгоды, что обладание их берегами драгоценно для всякого народа; если турки не могли сразу примириться с потерей северного берега Черного моря, то для нас дальнейшие завоевания по берегам этого моря были желанным приобретением. Поэтому, хотя Россия войн с Турцией и не искала, но уклоняться от вызова тоже не имела причины.

Этими причинами вызваны были все наши войны с Турцией и отчасти с Персией в XVIII веке — при Петре Великом, Анне Иоанновне, Екатерине Великой; они же вызывали неоднократно новые войны на Ближнем Востоке и в XIX веке — в царствования Александра Благословенного (1801—1825), Николая Первого (1825—1855) и Александра Второго (1855—1881). Мелкая же война с хищными племенами велась здесь все время, без перерыва, как это было прежде, до Петра Великого.

Завоевания Екатерины Великой сильно облегчили России эту борьбу, оградив морским берегом значительную часть нашей южной границы. Не только для населения Новороссии, но даже для Донского казачества наступила пора более мирной жизни, миновала нужда быть постоянно настороже на случай разбойничьего набега.

Но борьба с азиатскими племенами не прекратилась и в XIX веке. Только боевая линия, требовавшая постоянной военной защиты, стала короче и передвинулась дальше на юго-восток, в предгорья Кавказа.

Предкавказье и Грузия

Высокая гряда Кавказских гор перерезает наискось широкий перешеек между Каспийским и Черным морями. С севера к этим горам подходит широкая степь, где кочевали испокон веков хорошо знакомые русским татарские и калмыцкие орды. Две большие реки, стекая с гор, текут по этой степи: Терек на востоке — в Каспийское море, Кубань на западе — в Черное.

Русским издавна пришлось познакомиться с этими местами. Богатая Персия, прилегающая с юга к Каспийскому морю, привлекала к себе русских купцов для торговли, а казаков соблазняла на легкие и добычливые набеги. Уже во времена Грозного казаки заплыли морем с Волги в устье Терека и здесь построили свои городки — Тюмень и Тарки. Так началось славное впоследствии Терское казачье войско. Те казаки, которые селились подальше от устья Терека, в горах, назывались гребенскими (горными). Понятно, что терским и гребенским казакам приходилось постоянно защищать свои городки от набегов диких горских племен. Наравне с донскими и уральскими казаками они считались на службе у Московского царя, и уже Грозный посылал на далекий Терек свое царское жалованье и подкрепления из московских стрельцов и служилых людей.

В то же время начались и сношения России с православной Грузинской землей, лежащей за Кавказом по южным склонам гор и в плодородных долинах. Грузины — малочисленный, но

храбрый народ — уже много столетий вели ожесточенную борьбу, защищая свою свободу и свою веру от сильных мусульманских народов: турки, персы, кавказские горцы со всех сторон терзали своими нашествиями и опустошали несчастную Грузию. На беду, грузины еще плохо ладили между собой. Различные области Грузии (Карталиния, Кахетия, Мингрелия, Имеретия, Гурия) то соединялись под властью одного царя, то опять разделялись, иногда даже враждовали между собой. Временами приходилось грузинским царям смиряться перед турками или персами, платить им дань, иные даже принимали мусульманскую веру.

Но народ крепко держался православия, и стоило появиться на престоле смелому царю-христианину, чтобы он весь снова поднялся на кровавую борьбу.

Россия, конечно, не могла остаться равнодушной к страданиям единоверного народа. Когда грузинские послы впервые предстали пред очи Иоанна Грозного, суровый царь не мог удержаться от слез, слушая их рассказы. Несчастливым грузинам была одна надежда на спасение — Россия.

Уже сын Грозного, Федор Иоаннович, уступил мольбам кахетинского царя Александра и принял его, со всей его землей, под свою высокую руку. Как только успокоилась Россия после смуты, ко двору царя Михаила Федоровича вновь явились послы из Кахетии от царя Теймураза с просьбѣй: принять его землю в русское подданство «до последнего дня Страшного Суда». «Никого я не имею на свете, кроме Бога и твоего Царского Величества. Живу только именем Святой Троицы, твоей милостью и помощью твоего Царского Величества», — писал Теймураз. И позже такие посольства с мольбой о подданстве и защите, о присылке войска, пушек, денег на жалованье ратным людям много раз являлись к престолу царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича.

Вольные терские казаки нередко, пробравшись через горы, поступали на службу к грузинским царям. Грузинские летописи сохранили рассказы о том, что на помощь Грузии приходили казаки и с Дона и даже с Днепра.

Грузины молили о помощи, называли себя слугами великих государей. Но какую помощь могла оказать им Россия, сама изнемогавшая в тяжелых войнах? Еще при Федоре Иоанновиче сделана была попытка проложить дорогу в Грузию, завоевав Дагестанские горы; но два русских войска только погибли без пользы в незнакомой, дикой, гористой стране. Россия была еще слишком слаба для таких далеких трудных войн. Михаил Федорович и Алексей Михайлович делали для защиты Грузии то, что позволяли им их силы: в переговорах с Турцией и Персией убеждали ради дружбы и мира с русским царем не теснить и не воевать Грузии; с персами такие уговоры нередко и достигали цели.

Грузинам посылали иногда из Москвы деньги или запасы, посылали, по их просьбе, учителей, священников, церковные книги — во всем этом в разоренной Грузии была большая нужда.

При дворе Московских государей всегда можно было встретить знатных грузин княжеской и даже царской крови, пожелавших вступить в русскую службу. В свите царя Алексея Михайловича во время польской войны было несколько грузинских царевичей.

Имеретинский царевич Александр был одним из любимых друзей и сподвижников царя Петра Великого в его молодые годы. Женатый на русской, он получил большие вотчины под Москвой и всю жизнь свою посвятил России. Он был в числе «потешных» Петра, ездил с ним вместе учиться за границу. В битве под Нарвой царевич попал в плен. Шведы, зная его царское происхождение, требовали за знатного пленника огромный выкуп — 20 бочонков золота или 60 пленных шведских офицеров. Зная бедственное положение России, царевич сам писал государю, прося не разоряться на его выкуп. «Пусть никакого убытка не будет государству ради нашей свободы. На

то мы званы: терпеть и умереть за Государя и за Россию». Позже, когда успех перешел на сторону русских, Петр поспешил выручить самоотверженного царевича, обменяв его на знатнейшего из пленных шведских генералов.

Под конец жизни, когда кончилась шведская война, Петр Великий обратил свое внимание на Кавказ. Ему хотелось прочно овладеть берегами Каспийского моря, чтобы завести постоянную торговлю через Персию со Средней Азией, с богатейшей азиатской страной Индией. Он сам с сильным войском высадился в Дагестане, занял главные дагестанские и персидские города на берегу Каспийского моря. Слабые преемники Великого царя не умели удержать в руках его ценные приобретения: императрица Анна, жалея расходов на поддержку столь отдаленных владений, добровольно вернула их Персии.

Но сношения с Грузией стали с тех пор еще теснее. Еще при жизни Петра царь карталинский Вахтанг, свергнутый турками с престола, переселился со всем своим семейством в Россию. Вместе с ним по призыву Петра выехало в Россию свыше 1000 человек грузин-царевичей, князей, воинов, духовных. И позже переселение грузин в пределы России не прекращалось. При императрице Елизавете из таких переселенцев образован был в русской армии особый грузинский гусарский полк. Знаменитый князь Багратион, сподвижник Суворова, был родом грузин.

Но не одного убежища для беглецов и военной поддержки искала Грузия у единоговерного великого народа. Как только при Петре оживилось в России печатное дело, грузинский царь Арчил просил царя озаботиться и грузинской печатью. Царь Петр велел немедленно отлить грузинские буквы для печати, и из Московской казенной типографии вышли первые печатные книги на грузинском языке. Потом русскими же мастерами и учителями заведена была типография и в столице Карталинии — Тифлисе. От русских же учились и устройству школ и иконописи. Словом, все просвещение шло в Грузию через Россию, и это еще теснее сплачивало с нами маленький, единоговерный нам грузинский народ.

Кавказская линия

Наши владения в предгорьях Кавказа долгое время не отходили далеко от устья Терека. Только в 1735 году выстроен был Кизляр недалеко от моря. Но мало-помалу терское казачество увеличивалось притоком новых казаков — поселенцев с Дона и с Волги, а также горцев-осетин и кабардинцев, поступивших на русскую службу; казаки двигались все выше по Тереку. В 1763 году построена была уже Моздокская крепость, и казачьи городки и станицы почти сплошь унизали течение Терека.

Победоносные турецкие войны Екатерины Великой придвинули русскую границу вплотную к Кавказским горам. Кубанские степи, где кочевали татарские орды, перешли под власть России.

Устраивать вновь завоеванный край прислан был знаменитый Суворов. Кубанские татары не желали упорно признать русской власти и в кровавой борьбе были истреблены почти поголовно. Остатки грозной некогда орды бежали в Турцию или переселены были в Крым. Но с истреблением этого разбойничьего народа на опустевшую степь начались с Кавказских гор стремительные набеги воинственных и диких племен — черкесов, кабардинцев и других. Эти набеги доходили не только до земли донских казаков, но даже до Воронежской губернии. Пришлось сразу принять решительные меры для защиты новой границы.

С завоеванием кубанских степей естественной границей России стали Кубань и Терек. Терек был уже надежно укреплен. Теперь и по берегам Кубани и подальше в степи стали вырастать города-крепости (Екатеринодар, Ставрополь и др.). Скоро кубанские укрепления встретились с

терскими. Так сомкнулась сплошная черта укреплений, огородившая нашу южную границу от разбойничьих набегов горцев. Эта черта долгое время известна была под названием Кавказской линии. Невелики и незатейливы были кавказские крепости: небольшое село, окруженное рвом, высокий земляной вал, на нем — крепкий плетень из толстого хвороста, сторожевая вышка; пять-шесть пушек, какая-нибудь рота солдат — вот и вся крепость. Но не одними такими крепостями держалась охрана линии. При устройстве ее в кубанские степи спешно переселены были несколько тысяч запорожских казаков, служба которых на Днепре стала уже не нужна. Сначала хотели из них составить просто конные солдатские полки, но запорожцы, любя свою казачью жизнь, просили оставить их в казачестве и дать им для поселения новые земли, где пригодится их служба. Императрица Екатерина указала им для поселения привольные кубанские степи и даже прислала[^] им на новоселье, по русскому обычаю, хлеб-соль с блюдом и солонкой из чистого золота. В 1792 году новые поселенцы получили от императрицы «Жалованную Грамоту» на владение кубанскими землями. Образовалось новое, Кубанское казачье войско (малороссийский говор кубанцев до сих пор отличает их от великорусов-терцев). Кубанское войско вместе с терскими казаками в течение полувека вело тяжелую геройскую борьбу, защищая от разбойников-азиатов русскую границу.

За их спиной плодородные ставропольские степи быстро заселялись мирным земледельческим людом, выростали города. А на линии тем временем шла, ни на день не прекращаясь, жестокая и кровавая борьба.

К южному берегу Терека и Кубани близко подходят грозные Кавказские горы. Эти горы испокон веков населены были дикими воинственными племенами чеченцев, черкесов, кабардинцев, лезгин, осетин, ингушей, кумыков. Кавказские горцы в большинстве были очень бедны: даже князья их зачастую не имели одежды наряднее овчинного тулупа. Зато все эти племена отличались храбростью, и в бою, по отзыву русских, сотня черкесов стоила тысячи татар. Жадные до крови и до грабежа, горцы любили войну больше всего на свете. Азиатская жестокость этих головорезов не знала предела. Захватив в плен русского казака или солдата, они перерезали ему жилы так, чтобы он не мог двинуть ни рукой, ни ногой, и, раздев догола, бросали в камышах на съедение комарам, тучами висевшими над водой. Никаких договоров они не заключали и не признавали, и их соседство каждый час грозило внезапным набегом. День и ночь по всей Кавказской линии, тянувшейся верст на 700 от устья Терека до устья Кубани, стояла зоркая казачья стража. От укрепления до укрепления выставлялась цепь «кордонов» — человек по 50—60, а иногда и по 200. Между «кордонами» — мелкие сторожевые отряды, «пикеты», человек по 10 и «залогии», или «секреты», по 2—3 человека. На каждом сторожевом посту выставлялись особые «фигуры», или «маяки», — соломенные чучела на высоком шесте. Зажженный «маяк» объявлял тревогу по всей линии, обозначая появление врагов. Леса, покрывавшие тогда берега Терека, еще облегчали горцам неожиданные нападения, а от казаков требовали особой бдительности. Конечно, и казачьи удалыцы не упускали случая пробраться на враждебный берег, подстеречь и подстрелить чеченца или кабардинца, бродящего около русской границы.

В этой тревожной военной обстановке казаки вырастали прирожденными воинами, ни в чем не уступавшими их вечным врагам — горцам. Казаки усвоили себе их зоркость и ловкость, их знакомство с горной природой, их военные приемы, умение владеть оружием, переняли от врагов даже их наряд — черкеску. Для сторожевой службы и мелкой пограничной войны казаки были неоценимы. Никакое регулярное войско не могло бы их заменить. Сами горцы считали казачьи станицы опаснее для себя, чем настоящие крепости. «Крепость — камень, брошенный в поле, — говорили они, — дожди и ветры снесут его поздно или рано; а станица, как растение, вопьется з землю корнями — и ничем ее не вырвешь».

И действительно, казачьи станицы были самым надежным оплотом Кавказской линии.

В 1774 году, когда казаки ушли в поход против турок, горцы целым скопищем нагрянули на Наурскую станицу (Терского войска), думая разграбить ее без боя. Тогда взялись за оружие старики, уже вышедшие из строя, мальчишки, не доросшие до того, чтобы их брали в поход, даже казачки: они высыпали на вал в своих красных сарафанах, били горцев косами, серпами, обливали их сверху кипятком, горячими щами, варившимися у них к обеду. После целого дня упорного приступа горцы бежали со стыдом. Наурские казачки получили за это дело знаки военного отличия, а в горах долго еще можно было встретить «джигитов» (воинов) с обожженными лицами. Казаки дразнили их: «А что, приятель, ты не в Науре ли щи хлебал?»

С окончательным устройством линии Россия уже твердой ногой стала на северных предгорьях Кавказа. В последние годы царствования Екатерины Великой наместником предкавказских владений России был князь Потемкин, родственник знаменитого наместника Новороссии и Крыма. Под его заботливым управлением край быстро достиг заметного развития. Кизляр, Моздок, Ставрополь, бывшие дотоле лишь крепостями, превратились уже в настоящие города, наполнились промышленным и торговым населением. Наехало сюда торговцев и предпринимателей из немцев и армян, быстро стало развиваться шелководство, виноделие. Недавно построенный и быстро разросшийся Екатериноград (ныне станица в Терской области) украсился пышным дворцом, достойным наместника Великой Российской императрицы. Полудикие горцы с невольным уважением и страхом смотрели на вырвавшуюся мощь России. Князья некоторых горских племен, не смущаясь различием веры, сами спешили просить подданства Русской державе. Их приводили к присяге в Екатериноградском дворце в присутствии наместника и его блестящего двора, при громе пушечной пальбы, и новые русские подданные уезжали к себе в горы, еще более ослепленные блеском роскоши и могущества России.

Подданство Грузии

С живым вниманием и радостной надеждой встречались известия о русских победах в Грузии. Судьба этой многострадальной земли и во времена Екатерины Великой была не легче, чем 100 или 200 лет назад. Правда, главные два грузинских царства — Карталиния и Кахетия — соединились к этому времени под властью одного царя — Ираклия Второго. Но Имеретия, Мингрелия, Гурия держались особняком, имели своих царей или владетельных князей. Все эти крошечные государства (каждое из них было меньше одной русской губернии) были между собой в вечной вражде, и это междоусобие еще более подрывало их силы, и без того ничтожные. Имеретия, Мингрелия и Гурия платили туркам позорную дань — не только деньгами, но и людьми, выдавая туркам ежегодно положенное число красивейших девушек. Карталиния и Кахетия такую же дань платили персам. Но и этой позорной ценой нельзя было купить прочного мира. За малейшее ослушание турки или персы мстили набегами, и их вторжения сопровождалось всегда бесчеловечными насилиями и опустошением страны. Почти все храмы Грузии хранят до наших дней следы кощунственных мусульманских вторжений: лики святых на иконах изрублены сабельными ударами, глаза выколоты копьями. Самим царям грузинским приходилось не раз переживать тяжелые испытания. Современник Екатерины Великой, имеретинский царь Соломон, преследуемый турками, должен был скрываться с горстью верных слуг в дремучих лесах, покрывавших горы его родины. Здесь же, в лесной тущине, пришлось беглецам встретить Светлый Праздник: они вырезали на коре столетнего дуба знамение креста и в полночь трижды обошли вокруг дерева, воспевая во мраке дубравы: «Христос Воскресе!»

Если такие лишения выпадали на долю царей, то можно представить себе разорение простого народа. От вражеских нашествий и от своих усобиц грузины, и без того малочисленные, так оскудели и обессилили, что при Ираклии Втором соединенные Карталиния и Кахетия едва могли выставить 10 тысяч человек войска, притом плохо вооруженного, совсем не обученного и незнавшего никакой дисциплины.

Усиление России и приближение русской границы к Кавказу оживили в сердцах грузин надежду на близкую помощь. Уже при Екатерине Великой русские войска два раза посылались в Грузию; но внутренние беспорядки там были так сильны, что царь Ираклий не мог собрать съестных припасов даже для нескольких батальонов, а царь Имеретин Соломон вместо обещанных обильных запасов доставил на прокормление русского войска всего несколько быков. Войско пришлось отозвать, но все же по договору с Россией Турция вынуждена была отказаться от постыдной дани людьми с грузинских земель. Это было первое облегчение, вырванное для Грузии оружием единой России.

Но царь Ираклий и его преемник Георгий, видя полную невозможность защищаться своими силами, продолжали просить о принятии их в подданство России и о присылке русского войска для постоянной охраны грузинских границ. В последние годы своей жизни императрица Екатерина стала склоняться на их просьбы.

Персы, раздраженные этими переговорами, снова вторглись в Карталинию, опустошили ее дотла, обратили в развалины Тифлис, столицу Карталинского царства, избили несколько десятков тысяч населения с чисто азиатской жестокостью, для потехи перерубая саблями грудных детей, не щадя ни бессильных стариков, ни женщин.

На эту зверскую расправу императрица ответила объявлением войны Персии. Смерть помешала ей довести эту войну до конца. Император Павел, занятый другими делами и заботами, отозвал двинутые в Персию войска. Но оставить на жертву хищникам несчастную Грузию он не хотел. Россия была теперь достаточно сильна, чтобы отозваться на мольбу, с которой уже свыше 200 лет обращались к ней грузинские цари. Осенью 1799 года генерал Лазарев с двумя пехотными полками выступил с Кавказской линии через горы в Грузию. Трудный переход был совершен быстро, и 26 ноября полки в стройном порядке при звоне колоколов и громе пушечной и ружейной пальбы вступили в Тифлис. Население города, так недавно еще испытывшее ужас персидского нашествия, ликовало, встречая давно жданных защитников. Все знали, что на этот раз русские штыки не для короткого похода показались на улицах Тифлиса.

На следующий день созвано было блестящее собрание высшего духовенства, вельмож и дворянства Грузии. Перед лицом собравшихся посол императора Павла торжественно возвестил, что император Всероссийский принимает Грузию под свое покровительство и защиту, а царя Георгия утверждает на его престоле, в знак чего посылает ему свою милостивую грамоту, царскую корону, порфиру и знамя с изображением русского двуглавого орла.

Царь Георгий, со своей стороны, принял присягу на верность императору, отныне верховному властелину над царями Грузии.

Персидский посол, требовавший по старине дани, получил гордый ответ, что Грузия признает над собой только власть России, а у России достаточно силы, чтобы защитить ее от любого врага.

Очень скоро пришлось оружием доказать азиатам эти слова.

Лезгины, подстрекаемые персами, огромным скопищем хлынули с Дагестанских гор на Грузию для привычного набега. Все живое в ужасе разбегалось перед их хищными толпами. Но на этот раз лезгинам не пришлось поживиться добычей. Генерал Лазарев быстрым движением заступил им дорогу. У него было всего 700 человек русской пехоты да с 1000 грузинских всадников-ополченцев против 20 тысяч неприятелей. Но бешеные натиски лезгинской конницы, славившейся на весь Кавказ дикой храбростью, за целый день не могли прорвать железного строя небольшого русского отряда. Непобедимые дотолле лезгины со стыдом бежали, оставив на месте боя несколько тысяч убитых.

Этот грозный урок надолго оградил Грузию от набегов из Дагестана. Но защитой границ сделана была только половина дела. Грузии угрожала еще другая беда.

Царь Георгий был при смерти, его братья, сыновья и племянники заранее начали между собой спор о наследстве, и междоусобие готово было вспыхнуть каждую минуту. Иные из царевичей уже заводили переговоры с персами, другие с лезгинами, обещая исконным врагам грузинские земли и города, лишь бы получить поддержку для завладения престолом.

Предвидя неизбежную смуту и зная, что вечная междоусобная война истощила народ хуже вражеских набегов, умирающий царь обратился к своему покровителю императору Павлу с последней просьбой: принять Грузию в прямое и полное подданство, уничтожив самый престол грузинских царей, служивший только предметом гибельных раздоров.

Почти одновременно скончались царь Георгий и император Павел. Император Александр Первый долго колебался, обдумывая просьбу почившего царя Грузии. Отнюдь не желая насильственно подчинять себе независимый народ, он изъявил свое согласие на присоединение Грузии не прежде, чем получил достоверные свидетельства, что весь грузинский народ желает видеть его своим царем и самодержцем. 12 сентября 1801 года император Александр подписал манифест о полном соединении Грузии с Россией. Манифест гласил, что император принимает на себя бремя управления Грузией не для приращения сил, не для корысти, не для расширения пределов и без того обширнейшей в мире империи, но считает священным своим долгом, вняв молению самих грузин, дать им и безопасность, и твердое, мирное управление.

Грузинское дворянство и простой народ с радостью приняли присягу своему новому государю императору Всероссийскому. Некоторые из царевичей, не желая поступиться своими былыми правами на престол, попробовали затеять смуту; но народ не оказал им никакой поддержки, и они стали искать помощи у врагов своей родины лезгин, персов и турок. Большинство же царевичей послушно переселились в Россию, вступили в русскую службу или получили пенсии, приличные их высокому происхождению. Среди русской знати до сих пор есть несколько княжеских фамилий, ведущих начало от грузинского царского дома.

Так совершилось давно жданное и давно подготавливавшееся добровольное слияние маленькой Грузии с могущественной Россией. Но нужно было еще много усилий, чтобы удержать и закрепить за Русской державой ее новые владения.

Соединение Грузии с Россией всполошило весь мусульманский мир. Горские племена Дагестана, Персия, Турция, закавказские татары — все, что привыкло жить грабежом или данью на счет беззащитной Грузии, поднялось сразу против русских.

Персы, надеясь на огромную численность своей армии, открыто хвалились отбросить русских обратно за Терек. Между тем держать в Закавказье большое войско Россия не могла. В Европе начиналась как раз в это время страшная борьба с Наполеоном, каждый был на счету. Два-три полка пехоты, несколько пушек и немного казаков с линии и с Дона — вот и все силы, какими мы располагали для защиты Грузии в первые годы после ее присоединения.

Но император Александр сумел выбрать человека, который и с этими ничтожными силами достиг в короткое время изумительных успехов. Это был князь Цицианов, по крови грузин, русский по воспитанию: еще дед его переселился в Россию и был убит на русской службе в войне со шведами при императрице Елизавете. Умный, предприимчивый и бесстрашный князь Цицианов умел не только быстро и хорошо наладить управление Грузией, но и добился добровольного подчинения Имеретин, Мингрелии и Гурии, объединив таким образом под русской властью все древнее грузинское царство (почти целиком нынешние губернии

Тифлисскую, Кутаисскую и Елизаветпольскую). Персам он нанес в войне тяжелые удары, а горным разбойничьим племенам успел внушить должный страх и уважение к России. Никаких переговоров с ними он не признавал, а требовал безусловной покорности и дани. «Где видно, чтобы муха с орлом переговоры вела», — писал он лезгинским князьям. Азиаты, уважающие только силу, трепетали перед грозным и суровым Цициановым. Однажды целое скопище лезгин, собравшихся с большим одушевлением для похода против русских, разбежалось, охваченное внезапным и неудержимым страхом, когда где-то вдали грянул и раскатился по горам выстрел русской пушки: так велик был среди горцев страх перед русским оружием.

Но не одной грозой военных подвигов ознаменовали русские свое вторжение в дикий азиатский мир. Когда Цицианов молодецким штурмом взял сильную персидскую крепость Ганжу (ныне губернский город Елизаветполь), из 9 тысяч женщин, бывших в городе, ни одна не погибла и не пострадала; этим отличались подвиги православного русского войска от бесчеловечной азиатской жестокости персов и их соседей. Но персы плохо заплатили благородному Цицианову за его великодушие: доблестный князь был вероломно убит ими во время мирных переговоров под г. Баку в 1806 году. Его смерть была большой потерей для нас. Но скоро место славного Цицианова заняли другие герои, не уступавшие ему в доблести и честном служении Родине.

В 1812 году, когда на Россию надвигалась гроза нашествия Наполеона, на далекой окраине, в Закавказье, кипела ожесточенная война одновременно и на персидской, и на турецкой границах, и в горах Дагестана. Особенно выдвинулся в это время среди русских полководцев генерал Котляревский.

Кавказские полки, закаленные в многолетней непрерывной войне, славились выдающейся даже для русских выносливостью и храбростью. А под командой таких начальников, как Котляревский, они совершали подвиги прямо сказочные.

Зато все удавалось этим богатырям: удивительные переходы по головоломным крутизнам, еле доступным даже для прирожденных горцев, дерзкие приступы, неслыханные по смелости нападения на вдесятеро сильнее него неприятеля заканчивались блестящей победой, постыдным погромом, бегством и истреблением огромной персидской армии.

Наконец, на приступе сильнейшей персидской крепости Ленкорани Котляревский был весь изуродован бесчисленными ранами и только чудом остался в живых, но продолжать службу уже не мог и должен был доживать свою славную жизнь калекой. В особом ящике он хранил 40 обломков костей, вынутых из его ран, полученных под Ленкоранью. Зато Ленкорань была взята, и война закончилась в 1813 году присоединением к России почти целиком нынешних Бакинской губернии и Дагестанской области, принадлежавших до тех пор персам.

Так баснословными подвигами горсть русских людей в трудные для своей Родины годы закрепила господство России на далекой окраине и не выдала врагам доверившейся нам единой Грузии.

Первые войны за освобождение христиан Балканского полуострова

Избавление христианской Грузии от изнурительного ига мусульман было только началом великого дела, которое судьба предназначила России. Мы видели уже, что такой же помощи, защиты и освобождения издавна ждали и просили себе все христианские народности, томившиеся под турецким игом. А таких народностей было немало.

Обширная Турецкая империя лежит в двух частях света: в Европе и в Азии. Родина турок — Азия, европейские же их владения завоеваны силой оружия, и сами турки всегда составляли в этих землях лишь небольшую часть населения. В самом Константинополе и южнее его большинство населения состояло из греков: Константинополь (Царьград) и был когда-то столицей сильного греческого царства, отсюда приняли русские и христианскую веру. К северу от Константинополя Балканский полуостров до Дуная заселен был народом славянского племени: болгарами (в восточной части) и сербами (в западной части). Севернее, за нижним Дунаем, лежали так называемые Дунайские княжества — Молдавия и Валахия, населенные румынами. Этот народ образовался от смешения древнейших местных жителей-дакийцев с римлянами и отчасти славянами. В языке румынском много славянских слов. Греки, болгары, сербы и румыны — все исповедовали православную веру.

Жизнь христиан под турецким игом была крайне тяжелая. Турки называли своих подданных христиан стадом и относились к ним с полным презрением. Турецкие законы не давали им никакой защиты, и сверх очень тяжелых государственных налогов христиане подвергались частым притеснениям и насилиям со стороны турецких солдат, чиновников и правителей.

За недоимки или легкую вину, а иногда и вовсе без вины их продавали в рабство, как делали когда-то на Руси татары. Красивых девушек насильно обращали в мусульманскую веру и забирали в свои гаремы, а мальчиков отнимали от родителей, воспитывали в мусульманстве и из таких отуреченных христиан составляли особое войско янычар, славившихся своей храбростью.

Румыны, не в пример прочим покоренным христианам, сохраняли особые от турок законы и имели особых князей — «господарей». Но эти «господари» в позднейшее время назначались турками из преданных им богатых греков, и их управление для народа было не легче, чем для сербов или болгар управление турецких пашей.

Безмерные подати довели народ до полной нищеты. Молдавия и Валахия, славившиеся прежде обилием хлеба и скота, совершенно оскудели.

Более смелые и воинственные из христиан, не желая сносить тяжелой неволи, бросали свои дома, уходили в горы и составляли отряды «гайдуков»: делали из гор набеги, грабили богатых мусульман и жесткой расплатой мстили туркам за притеснения. Христиан такие «гайдуки» никогда не грабили и не обижали, и народ считал их не разбойниками, а героями, борцами за родину и веру.

В течение 300 лет турки не могли задавить окончательно этого движения, и мелкая война все время кипела на Балканском полуострове. Иной раз и мирное население поднимало восстание, но такие восстания неизменно и очень жестоко подавлялись турками.

В этом безотрадном положении одна только надежда поддерживала угнетенных: надежда на помощь и защиту единой России. Со времен Иоанна Грозного болгары, сербы и греки молились в своих церквях за русских царей и с нетерпением ждали появления на Дунае царских ратей, чтобы восстать против притеснений. Мы видели, как часто появлялись с мольбой о помощи их послы у престола первых царей из дома Романовых. Но Россия была тогда слишком слаба для борьбы с могущественной Турцией.

Первый попробовал откликнуться на призыв поработенных христиан Петр Великий. Его поход на Турцию в 1711 году рассчитан был именно на восстание против турок их подданных христиан. «Господари» Молдавии и Валахии Кантемир и Бранкован в тайных переговорах обещали перейти на его сторону. Первое появление русского войска на берегах Дуная вызвало радостное движение среди славянских племен Балканского полуострова. Маленькое сербское

княжество Черногория, никогда не признававшее над собой турецкой власти, смело подняло оружие против Турции. Сербь и болгары жадно ожидали исхода войны, и монахи заносили в свои летописи смиренную молитву: «Помоги, Боже, нашему Царю».

К несчастью, поход Петра был неудачен. Кантемир сдержал свое обещание, но Бранкован изменил и передал туркам все запасы, заготовленные для русских. Эта неожиданная измена вместе с другими тяжелыми обстоятельствами поставила Петра в отчаянное положение, и Россия сама поплатилась за неудачную войну потерей Азова. С тех пор для изменника Бранкована не было у народа другого прозвища, как Иуда. Но дело на этот раз было проиграно. Кантемир и его соучастники в восстании против турок выселились в Россию, а положение христиан в Турции осталось без перемены.

Около этого времени в судьбу балканских славян вступила еще Австрия. После удачной войны она отняла у турок всю Сербию, которая и оставалась под ее властью 20 лет (1718—1738). Но управление австрийских немецких властей оказалось для сербов не лучше турецких порядков. Австрийцы, римско-католики, так усердно старались навязать православным сербам свою латинскую веру и свой немецкий язык, а управляли так дурно и бессердечно, что вызвали к себе одну ненависть и озлобление. Под властью Австрии было с давних времен еще несколько других славянских племен — чехи, словаки (среди которых в IX веке после Рождества Христова жили и трудились Св. братья Кирилл и Мефодий, славянские первоучители), словинцы, хорваты, часть сербов — и всем жилось тяжело, и все они, за исключением сербов, вынуждены были перейти в римско-католическую веру, хотя в народе всегда сохранялось тяготение к старой их православной вере. Еще во времена Алексея Михайловича один ученый хорват (Юрий Кръжанич), бежавший из Австрии в Россию, писал в своей книге, что немцы для славян — враги страшнее турок, и мечтал, чтобы Россия объединила в одно царство всех славян, освободив их и от турецкого, и от немецкого ига. И сербы, попавшие всем народом в 1718 году под власть Австрии, скоро почувствовали горечь нового рабства и были, в конце концов, рады, когда Австрия вернула их снова Турции. «Лучше турок с саблей, чем немец с пером», — говорили они.

Вся надежда турецких христиан по-прежнему обращена была на православную Россию — на «деда Ивана», как называли Россию болгары. Сербь, болгары, румыны во множестве переселялись в Россию. Уже Петр Великий мог образовать из таких переселенцев несколько конных полков — сербский, волошский, молдаванский. При Елизавете Петровне к ним прибавились наряду с грузинским еще болгарский и македонский полки (Македония населена славянами, родственными болгарам и сербам).

Со всех концов православного мира переселенцы стекались в Россию искать приюта и служить «деду Ивану», пока у него не наберется силы освободить их родную землю. Дети и внуки таких переселенцев уже смотрели на Россию, как на свою истинную родину, душой и телом сливались с родным для них русским народом. Среди героев Отечественной войны видное место занимает славный генерал Милорадович, родом из обрусевших сербов, переселившихся в Россию. Некоторые области в Южной России (в нынешних Екатеринославской и Херсонской губерниях) так густо были населены ими, что получили даже название «Новой Сербии».

Русские государи после неудачной попытки Петра Великого не оставили заботы о защите и освобождении единоверных, а некоторых и единоплеменных нам народов. Ближе всех к русским границам лежали Молдавия и Валахия. Понятно, что их освобождение шло в первую очередь. Уже императрица Анна по окончании войны с турками требовала независимости для Дунайских княжеств, но тогда измена союзников-австрийцев не позволила России настоять на своем. То же требование повторила Екатерина Великая после первой турецкой победоносной войны. Вмешательство других держав вынудило императрицу несколько умерить свои требования. Молдавия и Валахия не получили полной независимости, но все же знаменитый Кучук-

Кайнарджийский мир 1774 года принес им значительное облегчение. Турки обязались не вводить в княжествах новых налогов, на два года вовсе освободить их от податей, а России предоставлено было право следить за исполнением этого обещания, для чего в Молдавию и Валахию присланы были особые русские уполномоченные.

Страшные удары, нанесенные Турции Екатериной Великой, взволновали все православное население Турции. «Дед Иван» показал свою силу, Турция не казалась уже такой сильной и страшной.

В 1804 году сербы, потеряв терпение от обид и грабежей со стороны турок, подняли кровавое восстание «за крест честный и за свободу золотую». Во главе восстания стал храбрый серб Кара-Георгий, дед нынешнего сербского короля Петра. Их одушевление было так велико, что турки несколько лет не могли справиться с восстанием малочисленного, плохо вооруженного народа. Вожаки восстания, конечно, ждали поддержки от России. В то же время обратились к императору Александру и румыны с жалобой на турок, которые по своему произволу хотели сместить их «господарей». Император Александр, имевший уже по договору 1774 года законное право вступаться в дела Дунайских княжеств, начал с Турцией войну. Русские войска снова явились на берегах Дуная — и их появление, как всегда, вызвало сильное движение среди православных. Много румын, сербов, болгар сражалось в русских рядах. Русские отряды проникли и в Сербию на поддержку восставших.

К сожалению, надвигавшаяся Отечественная война, требовавшая всех сил на защиту самой России, снова не дала довести дела до конца. Но все же мир, заключенный в Букареште в 1812 году, был достаточно выгоден и почетен. Сербия получила право самоуправления — сербы сами выбирали себе отныне правителей, сами устанавливали для себя законы; только турецкие войска стояли еще в их крепостях да определенные подати шли в пользу султана. Добиться полного освобождения Дунайских княжеств опять не удалось, но обширная область Молдавии — Бессарабия отошла от Турции к России.

Страшные годы решительной борьбы России с Наполеоном (1812—1814) были тяжелым временем и для балканских славян. Гибель или поражение России означали бы и для них гибель всякой надежды на светлое будущее. Турки, видя стесненное положение России, и не думали исполнять договора 1812 года и хозяйничали в Сербии по-старому. Сербы, сжившиеся уже с мыслью о свободе, отвечали новым восстанием. Турки жестоко теснили их со всех сторон, и на этот раз плохо пришлось сербам. Но в это время закончились в Европе войны с Наполеоном.

Россия, прославленная неслыханной победой над соединенными силами всей Европы, была снова на высоте своего могущества, и внушительное заявление императора Александра заставило турок вспомнить о договоре 1812 года. О войне с Россией они в это время боялись и подумать.

Турецкие войска были выведены из Сербии, и сербам дано даже право избрать себе не временного правителя, а наследственного князя. На княжеский престол избран был единодушно главный руководитель восстания в это время Милош Обренович. Наступили для Сербии новые дни. Подняты были вновь на церковные колокольни колокола, сброшенные турками 400 лет назад, и торжественный благовест по всей сербской земле возвестил народу зарю свободной жизни. Но в состав Сербского княжества вошла только одна часть сербов; другая, большая их часть осталась под властью Турции и отчасти Австрии.

Войны с Турцией при императоре Николае

Успехи, достигнутые Россией при императоре Александре Первом, все же не обещали в дальнейшем прочного мира на Ближнем Востоке.

Одной из причин, питавших и поддерживавших постоянно враждебные отношения с Турцией, были события на Кавказе. Кавказские горцы хотя и не были в прямом подданстве Турции, все же признавали над собой некоторую власть турецкого султана как духовного главы всего мусульманского мира. И султан не мог видеть без огорчения, как мусульманские племена, населявшие Кавказские горы, одно за другим должны подчиняться России. А борьба с горцами шла у русских непрерывно. Для сообщения был тогда один лишь путь — так называемая Военно-Грузинская дорога, проложенная русскими через горы наперерез Кавказского хребта от крепости Владикавказ до Тифлиса. Но движение по этой дороге было в постоянной опасности от грабежей, чинимых окрестными горцами. Они питали отвращение к мирной жизни, а грабеж считался у них почетным и молодецким промыслом. «Мы люди честные, — говорили они, — земли пахать не любим, а хотим жить грабежом, как жили наши отцы и деды».

С одной стороны горного хребта шли укрепления нашей линии, с другой — лежала наша уже Грузия, а посредине горы перерезаны русской дорогой: куда бы ни обратились горцы со своими грабежами, они попадали в русские владения. Понятно тоже, что русские не могли ограничиться отражением набегов. Эта постоянная оборона стоила дороже настоящей большой войны, да и не всегда можно было уберечься наверняка от внезапного разбойничьего набега. Обеспечить себе спокойное и прочное обладание Закавказьем можно было только полным усмирением горных племен, покорением Кавказа.

С 1816 года, когда главнокомандующим на Кавказе был назначен знаменитый генерал Ермолов, герой Отечественной войны, русские повели настойчивое, упорное наступление в глубь Кавказских гор. Ермолов говаривал, что Кавказ подобен чудовищной крепости, воздвигнутой природой и защищенной полумиллионным гарнизоном. На эту крепость он и повел правильную осаду, надвигаясь вперед медленно, но прочно закрепляя за собой взятые позиции.

В кавказской войне Турция принимала негласное, но очень живое участие, неуклонно снабжая своих единоверцев оружием и всеми боевыми запасами, какие трудно было достать в горах. С другой стороны турецкие крепости (Каре, Ахалцах, Батум, Поти, Анапа) отрезали русские владения от Черного моря и служили опорой для горцев Западного Кавказа. Эти крепости были для русских как бельмо на глазу. Овладеть ими было крайне важно для удобной защиты кавказской границы. Кроме того, господство над восточным берегом Черного моря дало бы России большие выгоды и окупило бы расходы кавказской войны.

Таким образом, на Кавказе наши отношения с Турцией складывались весьма недружелюбно. К тому же приводили и события в Европе.

Облегчение, доставленное Сербии и Дунайским княжествам, не только не успокоило турецких христиан, но, напротив, вызвало новые волнения. Всем хотелось добыть себе такие же льготы, а турецкая неволя час от часу становилась нестерпимее. Прошло 4—5 лет после описанных выше событий в Сербии — и на юге началось восстание греков. Это восстание вызвало к себе сочувствие уже не в одной России. Из разных государств Европы приезжали добровольцы помогать грекам в их борьбе за свободу. Турки, озлобившись, старались подавить восстание такими мерами, к каким даже сами они ранее не прибегали. 10 апреля 1821 года, в Пасхальную ночь, во время заутрени они схватили престарелого патриарха Григория, совершавшего торжественное богослужение, и повесили его на воротах патриаршего двора.

Эта дикая расправа вызвала во всей Европе взрыв негодования. Император Николай Первый по вступлении своем на престол потребовал от турецкого правительства прекращения подобных

злодейств. На этот раз требование России было поддержано также Англией и Францией. Соединенный флот всех трех держав явился у берегов Турции и в битве у Наварина уничтожил весь турецкий флот.

Но Франция и Англия тотчас и отстали от союза, не желая втягиваться в долгую войну. Султан в своем манифесте к подданным обвинял во всем одну Россию и призывал всех мусульман к священной войне против нее. Ненависть к христианам вообще, а к русским в особенности прорвалась давно невиданным, диким ожесточением, с каким турки поднялись на войну с Россией. Война вспыхнула одновременно на берегах Дуная и на кавказской границе и была очень упорна и тяжела. Опять добровольцы из Сербии, Болгарии, Румынии во множестве стекались под русские знамена. На объявление мусульманами священной войны христиане отвечали такой же священной войной за свою веру.

В 1829 году победа склонилась на сторону русского оружия. Наши войска подошли к самому Константинополю, и турки под угрозой приступа к столице должны были спешно просить мира.

Этот мир (заключен в Адрианополе в 1829 году) был торжеством не только для России, но и для всего христианства. Часть греков, именно южные греки, получили независимость от турок и образовали особое королевство со столицей Афинами. Сербия получила еще 6 уездов, что значительно увеличило это маленькое княжество, и туркам запрещено было жить в пределах Сербии. Молдавии и Валахии были даны новые важные льготы: отныне «господари» избирались самим населением из среды румынского народа, притом избирались не на срок, а на всю жизнь, так что турки, раз признав избранных румынами «господарей», уже не имели права их сместить. «Господари» могли издавать для своих княжеств законы, не спрашивая согласия турок. Кроме того, Молдавия и Валахия получали право завести собственное войско. Подати, взимаемые турками с румын, были снова сложены на несколько лет, пока народ не оправится от разорения войны.

Пять лет (с 1829 по 1834 год) русские войска оставались в Молдавии и Валахии. Уполномоченный императора Николая Павловича граф Киселев управлял обоими княжествами, пока не утвердились в них окончательно новые порядки, определенные Адрианопольским договором. Новое управление Дунайских княжеств разработано было в Петербурге. Русские же офицеры устроили и обучили вновь учрежденные румынские войска. Когда русские оставили, наконец, Молдавию и Валахию, княжества оказались почти совершенно самостоятельными: верховная власть над ними Турции сохранялась только на словах.

Сама Россия по Адрианопольскому миру получила турецкие крепости Ахалцых, Анапу и Потю, обе последние на берегу Черного моря. Вместе с этим России уступлен был Турцией восточный берег Черного моря от устья р. Кубани до гавани Св. Николая. Но Черноморское побережье населено было непокорными племенами, продолжающими сношения с Турцией, и для прекращения этих сношений устроена была потом особая Черноморская укрепленная береговая линия. Еще раньше, в 1828 году, по Туркманчайскому миру с Персией Россия приобрела населенные по преимуществу христианским народом — армянами — Эриванское и Нахичеванское ханства (нынешнюю Эриванскую губернию).

Успехи России в борьбе с Турцией вызвали большую тревогу среди держав Западной Европы: боялись, чтобы Россия не завоевала Турцию окончательно и не овладела бы Константинополем, который считается едва не самым выгодным по положению городом в мире.

Чувство зависти и опасения вызвало образование против России целого союза сильных европейских государств и привело в конце концов к несчастной для нас Крымской войне.

В последние годы царствования императора Николая Первого России пришлось снова начать с Турцией войну. Война пошла вначале для нас успешно. Русский флот под начальством адмирала Нахимова уничтожил турецкий флот в блестящей битве около гавани Синоп (в Черном море). Но на помощь Турции выступили неожиданно Англия, Франция и одно из итальянских королевств — Сардиния. Даже Австрия, спасенная в 1849 году от верной гибели помощью императора Николая Первого, заняла явно враждебное положение, грозя каждую минуту примкнуть также к нашим врагам. Сами австрийцы признавались при этом, что они «удивляют мир своей неблагодарностью».

Огромный флот союзников подошел к берегам Крыма и высадил сильную, отлично вооруженную армию турок, англичан, французов и итальянцев. После неудачной для нас битвы союзники большими силами обступили город Севастополь. Русский флот был слишком слаб для открытого боя с сильным врагом. Для подкрепления слабого гарнизона Севастополя с кораблей свезли на берег пушки и матросов, а самые корабли затопили у входа в гавань, чтобы оградить город от нападения с моря.

Началась знаменитая, всякому русскому известная осада Севастополя. В самый разгар этой тяжелой осады император Николай Павлович после недолгой простудной болезни 18 февраля 1855 года скончался.

Батарея адмирала Корнилова на Малаховом кургане

Русские в короткий срок возвели под искусным руководством военного инженера Тотлебена ряд укреплений, превративших Севастополь в настоящую крепость, о которую 11 месяцев разбивались отчаянные приступы союзной армии. Во время непрерывного бомбардирования погибли смертью героев славные русские вожди — адмиралы Нахимов и Корнилов. Наконец, когда укрепления Севастополя были почти совершенно разрушены, союзники страшным приступом овладели Малаховым курганом, который был главной опорой русских позиций. После этого остатки русских войск вынуждены были отступить из развалин Севастополя.

Успехи русских на кавказской границе и взятие сильной турецкой крепости Каре отчасти дали нам некоторое удовлетворение. Император Александр Второй, вступивший в это время на престол, не захотел продолжать трудной войны и согласился на мир, обязавшись не иметь в Черном море военного флота, возвратить Турции взятые у нее крепости и города в Малой Азии и уступить прилегающую к устью Дуная часть Бессарабии, отошедшую к Молдавии. Мирный договор подписан был в Париже 18 марта 1856 года.

Обязательство не иметь флота в Черном море значительно подрывало военную мощь России, и многие в России от души огорчились заключением невыгодного для нас мира. Силы России были еще не истрачены, одушевление в народе велико, и казалось возможным продолжать борьбу с надеждой на победу. Но император Александр Второй вполне обдуманно пошел на уступки. Им руководил при этом глубокий и верный расчет: внутренние дела России требовали всего внимания и заботы императора.

Своевременно и необходимо было провести целый ряд важных преобразований, наметить новые законы и порядки. Война была помехой в великом деле, задуманном императором Александром Николаевичем, и он спешил заключением мира, твердо веря, что Россия, приведя в порядок свои внутренние дела, сумеет скоро восстановить и перед другими державами свою мощь и славу.

Император Александр Второй - царь-освободитель

Воспитание государя

В то время как в Севастополе лилась кровь русских героев, скончался император Николай Павлович (18 февраля 1855 года). В духовном завещании император писал: «Я умираю с пламенной любовью к нашей славной России, которой служил по крайнему моему разумению верой и правдой. Жалею, что не мог сделать всего добра, которого столь искренно желал. Сын мой меня заменит. Буду молить Бога, да благословит его на тяжкое поприще, на которое вступает...» Своему же преемнику и другим сыновьям государь перед смертью говорил: «Служите России. Мне хотелось принять на себя все трудное, все тяжкое, оставив царство мирное, устроенное, счастливое. Провиденье судило иначе. Теперь иду молиться за Россию и за вас. После России я вас любил более всего на свете».

После смерти императора Николая Первого вступил на престол его старший сын Александр, который неизгладимо запечатлел свое имя в истории освобождением крестьян от крепостной зависимости, важными внутренними преобразованиями, завоеванием свободы от мусульманского ига многим христианам Турции и, наконец, своей мученической смертью.

Император Александр родился в Москве 17 апреля 1818 года. Знаменитый поэт и будущий его воспитатель Жуковский приветствовал рождение царственного младенца стихами, в которых как бы предугадал его будущую судьбу:

Да встретит он обильный чеством век,
Да славного участник славный будет,
И на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий «человек»
Жить для веков в величии народном,
Для блага всех - свое позабывать
Лишь в голосе отечества свободном
С смирением дела свои читать -
Вот правила царей великих внуку

Крестным отцом будущего императора был его дядя — Александр Благословенный. Первые годы его жизни прошли в Аничковом дворце в Петербурге, где жил его отец великий князь Николай Павлович, и в Павловске под Петербургом, у августейшей его бабушки императрицы Марии Федоровны.

Когда мальчику пошел седьмой год, началось его военное воспитание под руководством боевого офицера — капитана Мердера, который был лично известен императору Николаю Павловичу своими высокими душевными качествами. Будущему государю не было еще восьми лет, когда наступили декабрьские события 1825 года. Отец-император вынес его во двор, который был занят гвардейским саперным батальоном, и передал на руки заслуженным старым солдатам. Гвардейские саперы восторженно приветствовали наследника престола. Так началась тесная связь его с войсками.

Обстановка, в которой проходило детство наследников была простая. Император не желал окружать сына пышностью. Он говорил, что хочет воспитать в сыне прежде всего человека. Для

этой цели император Николай Павлович в наставники своему наследнику выбрал поэта Жуковского. Выбор был как нельзя более удачен: Жуковский был благороднейший, умнейший и широко образованный человек. К своему высокому званию - наставника будущего царя России - Жуковский решил основательно подготовиться. Он испросил у государя отпуск за границу и, пользуясь здесь свободным временем, в течение года усиленно готовился. «Я весь, - писал Жуковский своим друзьям, - поглощен одною мыслию, и эта мысль, основанная на любви, оживляет все мое существование».

Император Александр II

Прежде чем начать занятия с царственным воспитанником, Жуковский составил план учения. По его мысли, все воспитание и образование должно было направляться к укреплению в наследнике престола добродетели и к тому, чтобы дать ответы на вопросы, что его окружает, что он есть сам, чем он должен быть как человек и, наконец к чему он предназначен. План Жуковского утвержден был государем. Жуковский являлся главным руководителем, а для преподавания наук были приглашены лучшие учителя того времени.

Два раза в год наследнику устраивались экзамены, часто в присутствии самого государя, который не раз после них выражал свое благоволение и Мердеру, и Жуковскому. После одного экзамена император писал Жуковскому: «Мне приятно сказать вам, что не ожидал найти в сыне таких успехов. Все у него идет ровно, все, что он знает, знает хорошо, благодаря вашему способу обучения и ревности учителей».

Еще в отроческих годах Александр Николаевич поражал своих воспитателей и учителей живостью своего характера, быстротой сообразительности и вместе с тем удивительной добротой. К обоим своим воспитателям он всегда питал самую сердечную привязанность; благородные же мысли Жуковского он впоследствии старался осуществить, будучи на престоле.

Когда общее образование царевича Александра было закончено, граф Сперанский ознакомил его в течение двух лет с наукой законодательства и управления государством, а другие лица познакомили его с тогдашними отношениями России к другим государствам, с наукой о народном хозяйстве, а также с высшими военными науками.

Весной 1837 года наследник для завершения своего образования отправился в путешествие по России, в этом путешествии его сопровождал и Жуковский. Через Новгород и Тверь наследник проехал в Углич, Рыбинск, Ярославль и Кострому, а оттуда в Вятку, Пермь и Оренбург; посетил горные заводы в Верхнем Урале, а затем первый из лиц царского дома проехал по Сибири до Тобольска. На обратном пути из Сибири цесаревич посетил другие города по Волге, Центральной и Южной России, побывал на берегах Азовского и Черного морей и на южном берегу Крыма. Все путешествие совершалось на лошадях — железных дорог тогда еще не было; цесаревич часто останавливался в пути и посещал не только сельские церкви, но и крестьянские избы, где воочию знакомился с жизнью простого народа. Население всюду встречало его с восторгом.

Путешествие ближе познакомило цесаревича с Россией, а народ русский с его будущим царем. Вслед за путешествием по России состоялась и продолжительная поездка его за границу. Он посетил почти все иностранные дворы. Во время этой поездки наследник познакомился со своей будущей супругой — принцессой Дармштадтской Марией. Брак их был заключен в 1841 году.

По возвращении в Россию наследник был привлечен к участию в делах государственного управления. Он был назначен членом Государственного совета, а затем комитета министров.

Во время своих отлучек за границу император постоянно возлагал на наследника решение всех тех дел, которые решал сам. Вместе с тем цесаревич исполнял обязанности главнокомандующего гвардией и гренадерским корпусом и начальника военных учебных заведений. Так, еще до вступления на престол Александр Николаевич был хорошо знаком с делами высшего военного и гражданского управления.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости

Первое время нового царствования было всецело занято военными действиями: оставалось тяжелое наследие — Крымская война. Коронация состоялась по окончании войны, в августе 1856 года. Радостно встречал народ на улицах и площадях московских своего монарха, твердо веря, что Александр Второй дарует крепостным давно желанную свободу. Уверенность эта жила и в кругах образованных людей, и один из наиболее замечательных тогдашних москвичей, поэт и мыслитель Хомяков приветствовал коронацию императора такими стихами:

И верим мы, и верить будем,
Что даст он дар - венец дарам -
Дар братолюбья к братьям-людям,
Любовь отца к своим сынам.

И даст года он яркой славы,
Победу в подвигах войны
И средь прославленной державы
Года цветущей тишины...

Слова Хомякова были вполне справедливы. Государь был одушевлен самым искренним намерением сделать все для устранения недостатков русской жизни. Еще в первый год своего царствования на отчете министра внутренних дел он сделал надпись: «Читал с большим интересом и благодарю, в особенности за откровенное изложение всех недостатков, которые с Божиею помощью и при общем усердии с каждым годом будут исправляться». Первым, главным из этих недостатков государь считал крепостное право, и он решил его непременно уничтожить.

Члены царской семьи всем, чем могли, старались помочь государю в его великом решении: императрица Мария Александровна, брат его великий князь Константин Николаевич, тетка его великая княгиня Елена Павловна. Вокруг великой княгини — женщины большого ума и благородного сердца — объединились наиболее убежденные противники крепостного права. Но много препятствий стояло на пути великого дела.

Крепостное право слагалось на Руси целыми веками и тесно связывалось со многими сторонами жизни. При низком уровне образования и среди дворян-помещиков много было людей малопросвещенных и малосведущих, которые думали, что без даровых рабочих рук помещику не прожить, что с освобождением крестьян грозит им разорение. Многие помещики боялись, что освобождение крепостных будет сопровождаться беспорядками. Затем, кроме освобождения от крепостной зависимости, надо было подумать о будущем устройстве крестьян. Наконец, в случае наделения их землей возникал сложный вопрос о вознаграждении помещиков за земли, которые от них отойдут в надел крестьянам.

В речи своей к московскому дворянству в 1856 году государь ясно выразил свои намерения, сказав, что «существующий порядок владения крестьянами не может оставаться неизменным».

Относительно задуманного им преобразования государь часто совещался с министром внутренних дел Ланским. Министр под влиянием этих бесед стал убежденным сторонником отмены крепостного права и много поработал для проведения в жизнь этого великого дела.

Государь еще в начале 1857 года образовал из высших государственных сановников особый комитет, которому повелел обсудить возникавшие в предыдущие царствования предположения об улучшении быта крестьян и составить проект освобождения их от крепостной зависимости. Однако многие члены комитета были противниками намеченной меры. Хотя дело освобождения имело горячего сторонника в лице великого князя Константина Николаевича, входившего в состав комитета, однако работы в нем шли медленно. Было видно, что большинство членов не сочувствует освобождению крестьян и во всяком случае не считает его делом ближайшего времени. Уже летом 1857 года государь был вынужден напомнить комитету «не откладывать дела под разными предлогами в долгий ящик». Затем государь, видя, что трудно всецело положиться на комитет, обратился к иным средствам проведения своей мысли.

В конце октября 1857 года в Петербург прибыл виленский генерал-губернатор Назимов, бывший в молодости личным адъютантом государя, и предоставил ему адрес дворян Виленской, Ковенской и Гродненской губерний. Эти дворяне, боясь установления в их имениях обязательных инвентарей, были склонны лучше уже освободить своих крестьян от крепостной зависимости, но только без наделения землей. Они и просили государя разрешить им обсудить этот вопрос. Привезенный Назимовым адрес передан был государем на рассмотрение в комитет. Большинство членов комитета высказалось за отклонение просьбы дворян трех губерний. Четыре же члена комитета, и в числе их великий князь, подали другое мнение — разрешить тем дворянам образовать губернские комитеты для обсуждения вопроса об улучшении быта крестьян с предоставлением им в собственность усадеб, на которых они жили, и в пользование — необходимого количества земли. Государь согласился с мнением четырех членов, и 20 ноября 1857 года дан был на имя Назимова соответствующий высочайший рескрипт.

Рескрипт этот был сообщен тогда же министром внутренних дел Ланским всем губернаторам и понят на местах дворянами как определенный призыв их государем к тому же делу. Петербургское дворянство первым отозвалось на этот призыв, и уже 5 декабря 1857 года ему было разрешено государем образовать губернский комитет для составления проекта об улучшении быта крестьян. 17 декабря нижегородское дворянство представило государю адрес, выражая в нем готовность «исполнить священную волю его на тех условиях, какие ему благоугодно будет указать». Вслед за тем последовали подобные же всеподданнейшие адреса от дворян всех других губерний. Вскоре вся Россия покрылась сетью дворянских губернских комитетов, которые деятельно принялись за работу.

Государь зорко следил за деятельностью этих комитетов. Узнав, что в некоторых из них обсуждается вопрос о необходимости вознаграждения помещиков за самое освобождение крестьян, он велел министру Ланскому немедленно всем разъяснить, что «личность крестьянина и обязательный его труд выкупу подлежать не могут». В другой раз, узнав, что некоторые комитеты стали обсуждать вопрос о предоставлении крестьянам в собственность полевых угодий (в рескрипте говорилось только об усадебной оседлости), государь велел объявить всем комитетам свое полное одобрение подобному начинанию.

После открытия комитетов государь счел необходимым предпринять в августе 1858 года поездку по северным и средним губерниям. Всюду в губернских городах, где останавливался, он приглашал к себе дворян и беседовал с ними. Там, где комитеты работали хорошо и согласно его предначертаниям, император благодарил; там, где действовали вяло, нерешительно, он поощрял, торопил; к тем же комитетам, где возникали разные споры, он обращался со словами укоризны. Эта поездка оказала весьма благотворное влияние на дело скорейшего освобождения крестьян.

Из устных обращений императора все непосредственно убедились в твердости и окончательности принятого им решения. Когда комитеты кончили свои занятия, государь велел явиться в Петербург для личных дополнительных объяснений двум выборным депутатам от каждого из них, выражающим мнение в комитете большинства и меньшинства его членов.

В представленных комитетами предположениях встречались иногда суждения и неправильные; однако все главнейшие мысли, которые легли в основу совершившегося освобождения крестьян, были намечены в разных комитетских проектах.

Упомянутому выше главному комитету трудно было справиться со всем множеством предположений и мнений местных комитетов. Поэтому в начале 1859 года государь велел образовать в помощь главному комитету особую комиссию — редакционную, т.е. такую, которая свела бы и изложила все то, к чему пришли местные комитеты, и разобралась бы в объяснениях вызванных в Петербург депутатов.

Председателем этой комиссии назначен был пользовавшийся особым доверием государя генерал Ростовцев, а в состав ее были привлечены как из числа чиновников, так и из местных деятелей наиболее даровитые, убежденные сторонники освобождения крестьян, хорошо знакомые с их бытом.

Из этих лиц особенно выделялись товарищ министра внутренних дел Милютин и помещики Юрий Самарин и князь Черкасский. Как эти деятели, так и большинство остальных членов редакционной комиссии были горячими сторонниками освобождения крестьян и наделения их землей, хотя сами они были помещиками, владевшими большим числом крепостных. На этих благородных людях, равно как и тех писателях из дворян, которые в литературе вели борьбу с крепостным правом, русское дворянство показало, на какие жертвы оно готово идти по призыву своего государя.

При личных совещаниях редакционной комиссии с приезжими депутатами много было пререканий, иногда острых и горячих. О самом освобождении крестьян споров уже не было; непреклонная воля государя всем была известна. Зато много споров было о том, как осуществить освобождение с наименьшим ущербом для помещиков и возможными выгодами для крестьян. Председатель редакционной комиссии и большинство членов ее прилагали все старания к тому, чтобы защитить интересы крестьян.

Уже к концу 1859 года редакционная комиссия выработала в главных чертах проект освобождения крепостных крестьян.

Много труда и всякого беспокойства выпало на долю членов ее и особенно председателя. Ростовцев от непосильных для его лет трудов захворал и в начале 1860 года скончался; но и на смертном одре он был проникнут заботами о скорейшем освобождении крестьян. Когда умирающего навещил император, то последними его словами, обращенными к государю, были слова одобрения его в этом святом деле.

Новый председатель редакционной комиссии получил от государя приказание ни в чем не изменять принятых решений и озаботиться скорейшим завершением дела.

К осени того же года комиссия составила полный проект положений об освобождении и устройстве крестьян и передала его в главный комитет. В это время тяжело заболел председатель комитета князь Орлов, и государь вместо него назначил великого князя Константина Николаевича. Новый председатель быстро повел дело, и к половине января 1861 года проект редакционной комиссии был уже рассмотрен. Великий князь приложил все старания к тому,

чтобы все нужное и полезное для крестьян в этом проекте было сохранено. Несмотря на первоначальное противодействие большинства членов, благодаря твердости и настойчивости великого князя проект был принят лишь с некоторыми несущественными изменениями. В последнем заседании главного комитета государь лично присутствовал и по окончании заседания благодарил великого князя за его труды: несколько раз обнял его и поцеловал. Теперь предстояло внести проект на рассмотрение Государственного совета.

Первое заседание совета (28 января 1861 года) открыл сам государь, произнесший замечательную речь. Он говорил, что откладывать это дело больше нельзя, что необходимо его окончить в феврале, чтобы объявить волю к началу полевых работ. Указав далее на то, что было сделано для облегчения крепостного права его державными предками, государь сказал: «Мы не желали, давая личную свободу крестьянам, сделать из крестьян людей бездомных... Мы хотели избежать того, что происходило за границей, где преобразование совершилось почти везде насильственным образом...»

В заключение государь предлагал членам Государственного совета с Божьей помощью безотлагательно приступить к работе.

Речь императора произвела на всех ее слышавших глубокое, неотразимое впечатление. «Эта речь, — пишет один современник, — поставила государя бесконечно выше всех его министров и членов совета. Отныне он приобретал себе бессмертие...»

В середине февраля Положение об освобождении крестьян от крепостной зависимости и дальнейшем их устройстве было рассмотрено и одобрено Государственным советом. При рассмотрении его самодержцу не раз приходилось обеспечивать своим твердым вмешательством сохранение коренных начал осуществляемого им преобразования.

18 февраля 1861 года, в шестую годовщину смерти своего отца, император Александр Николаевич долго молился у его гробницы в Петропавловском соборе. На другой день, 19 февраля, министр внутренних дел привез государю для подписания закон об освобождении и устройстве быта крестьян и Высочайший манифест об этом. Император приказал выйти всем из кабинета; ему хотелось перед подписанием этого великого закона «остаться, — как он сам говорил, — наедине со своею совестью».

Знаменательный манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости был составлен, по желанию государя, митрополитом Московским Филаретом. В начале манифеста говорилось о тех общих основаниях, на которых производилось освобождение крестьян. Далее государь выражал свою благодарность дворянству, «которое добровольно, побуждаясь только уважением к достоинству человека и христианскою любовью к ближним, отказалось от упраздняемого ныне крепостного права...» Вместе с тем император выражал надежду, что «крепостные люди, при открывающейся для них новой будущности, поймут и с благодарностью примут важное пожертвование, сделанное дворянством для улучшения их быта». Крестьяне призывались в манифесте «к верному и прилежному употреблению в дело дарованных им прав». «Самый благотворный закон, — говорилось в манифесте, — не сможет людей сделать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучие». Заканчивался манифест 19 февраля высокотрогательными словами, которые всякий русский человек должен всегда помнить: «Осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного».

Подписанный Александром Вторым манифест был объявлен в обоих столицах в Прощеное воскресенье, 5 марта, а в других городах — в ближайшую неделю нарочно для этой цели посланными от государя доверенными лицами.

В Петербурге, когда государь вышел после развода из Михайловского манежа и его окружила толпа народа, он сам прочел собравшимся манифест. Впечатление было чрезвычайное. Когда коляска государя показалась потом на площади перед Зимним дворцом, многотысячная толпа народа восторженными кликами приветствовала царя-освободителя. «Было Прощеное воскресенье, — писал очевидец, — а прошло оно, словно светлое Христово Воскресенье. Многие незнакомые люди поздравляли друг друга, обнимались, целовались на улице».

По всей России «воля» была встречена народом с глубокой благодарностью монарху, ее даровавшему, и вместе с тем спокойно: волнений, которых многие опасались, совсем почти не было. Русский простой народ показал тогда себя достойным освобождения от крепостной неволи и этим оправдал доброе о нем мнение государя и доставил великую радость своему царю-благодетелю. Во многих иностранных землях крепостное право было отменено раньше, чем в России, но почти везде отмена его сопровождалась смутами и беспорядками. Кроме того, крестьяне там освобождались без земли, и часто их положение после освобождения становилось тяжелее: они попадали в полную имущественную зависимость от помещиков, так как собственной земли у них не было ни пяди. На нашей же Родине сделано было иначе: каждый освобождаемый крестьянин получал душевой надел, размер которого был в разных местностях различен в зависимости от местных условий.

Так как наделы крестьянам были отводимы из земель, составлявших собственность помещиков, то последним и надлежало возместить ее стоимость.

Из 20 миллионов освобождаемых крестьян только немногие немедленно могли сами рассчитаться за предоставляемые им земли, огромному же большинству пришлось на помощь государство, которое оплатило помещикам стоимость выделенных крестьянам наделов с тем, чтобы крестьяне возместили казне выплаченные за их счет деньги ежегодными взносами.

Благодарственная служба по случаю отмены крепостного права

Эти взносы, известные под названием «выкупных платежей», с того времени стали вноситься освобожденными крестьянами в казну вплоть до самого последнего времени, когда ныне благополучно царствующий государь император простил крестьянам оставшуюся часть недоплаченного долга государству и взыскание выкупных платежей было прекращено.

В 1866 году государь велел применить общие основания Положения 19 февраля 1861 года относительно помещичьих крестьян и к крестьянам государственным.

Польская смута и мероприятия в западном и привислинском краях

Мирное течение жизни в нашем Отечестве, столь необходимое для успешного проведения великих реформ императора Александра Второго, было нарушено поляками. За тридцать лет, протекших со времени восстания при императоре Николае Павловиче, поляки ничего не забыли и ничему не научились: они по-прежнему продолжали мечтать о восстановлении Польши и совсем

как бы не видели тех забот и расположения, которое к ним проявляла русская власть. Император Александр Второй был одушевлен по отношению к полякам лучшими намерениями: было даровано прощение полякам, замешанным в мятеже 1830—1831 годов, как бежавшим за границу, так и находившимся в ссылке. Преемник князя Паскевича в должности наместника (с 1856 года) князь Горчаков, по характеру человек мягкий, относился к полякам весьма снисходительно. Он испрашивал все новые и новые милости царству Польскому. По его представлению государь назначил начальником всех школ в царстве Польском поляка Велепольского. В Варшаве решено было учредить особый государственный совет для обсуждения важнейших дел, в губерниях же и уездных городах — особые советы из выборных лиц для заведования городским хозяйством. Все внутренние дела, касавшиеся управления, суда, просвещения и веры, были сосредоточены в руках самих поляков.

Но все эти благожелательные меры не изменили враждебного к России настроения крайних польских партий, имевших большое влияние. Они в значительной мере составились из участников прежнего восстания и увлеченной ими молодежи — учащихся и рабочих. Влиянию их подчинилось мало-помалу и польское общество. С самого начала 1861 года в Варшаве начались уличные беспорядки. Русским офицерам и солдатам опасно было показываться на улице; а когда однажды, выведенный из терпения нанесенными оскорблениями офицер, шедший с отрядом солдат, велел сделать залп в толпу, и несколько поляков было убито, поляки подняли крик на всю Европу, ежедневно стали служить по костелам с вызывающей торжественностью заупокойные обедни по убитым и надели траур.

Крестьянское, однако, население почти повсюду оставалось спокойным, хотя оно и находилось в большой зависимости от помещиков, так как, получив ранее волю, оно не было наделено землей.

Хотя до государя и доходили сведения о том брожении, которое происходило в Польше, но он не менял своего благожелательного отношения к полякам, надеясь, как в свое время император Николай Павлович, на их благоразумие. Вслед за государем и все образованное наше общество по исконному русскому благодущию не только не питало каких-либо недружелюбных чувств к полякам, но, напротив, всемерно было проникнуто мыслями об устранении вековых недоразумений между двумя родственными славянскими народами.

Наместником царства Польского в мае 1862 года был назначен брат государя великий князь Константин Николаевич. В ответ на такое милостивое и почетное для поляков назначение польские заговорщики произвели на жизнь великого князя покушение тотчас по прибытии его в Варшаву. К счастью, покушение не удалось: великий князь был только легко ранен в плечо. Даже и после этого гнусного дела отношение русской власти к полякам не переменилось.

Принимая через неделю после покушения польских сановников, великий князь говорил: «Брат мой желает вашего счастья, вот почему он прислал меня сюда. Рассчитываю на вашу помощь, чтобы я мог исполнить его поручение».

Хотя брожение в крае не прекращалось, Польша продолжала получать все новые и новые льготы. Почтовые учреждения были изъяты из подчинения почтовому ведомству империи; губернаторами и начальниками местных учреждений продолжали назначать природных поляков, Велепольский назначен помощником наместника по всем частям гражданского управления; управление, суд, обучение производились на польском языке; в Варшаве вновь открыт был польский университет, закрытый после первого восстания. Но ничто не помогало. Поляки пользовались каждым случаем, чтобы сделать оскорбительное для русской власти выступление в своих церквах или на улицах.

В январе 1863 года долго подготавливавшееся вооруженное восстание наконец проявилось открыто: молодые люди, призванные на военную службу, бежали из Варшавы ночью со 2 на 3 января 1863 года и укрылись в лесах. Они вооружились и образовали первые шайки повстанцев. Между тем главные заговорщики в Варшаве решили напасть на расставленные в разных местах русские отряды и истребить их. Польские шайки в ночь на 11 января произвели ряд неожиданных нападений на русские войска, но получили должный отпор. Только в некоторых местах сонные офицеры и солдаты, застигнутые врасплох, стали жертвой гнусного предательства. Руководители мятежа разослали в то же время повсюду воззвания о восстановлении Польши и присоединении к ней русских губерний до Западной Двины и Днепра. На тех поляков, которые не желали принимать участие в восстании, мятежники стали действовать путем устрашения, часто даже за отказ дать деньги на восстание убивали.

Мятеж из губерний царства Польского перекинулся и в западный край. В самой Вильне возникли волнения: в ней образовалось подпольное правительство, которое облагало денежными налогами на поддержку восстания польских помещиков западного края, требовало от них снабжения повстанцев продовольствием, завело собственных жандармов-вешателей, убивавших по его приказу ненавистных им русских начальников и всех, кого считали вредными для польского мятежа. Мятежнические шайки составлялись главным образом из мелкопоместной шляхты, панской дворни и отчасти горожан. Во главе становились и поляки-офицеры, принесшие при вступлении в русскую службу присягу на верность государю, и польские помещики, и даже польские священники. Эти шайки большого вреда не могли причинить; они главным образом нападали на беззащитные места, при столкновениях же с войсками повстанцы обыкновенно разбегались по лесам. Особенно страдали от этих шаек православные священники и крестьяне, те и другие за то, что не хотели пристать к мятежу и вместе с поляками добиваться восстановления Польши. Несколько священников было повешено повстанцами, у многих отнято все имущество, и сами они подвергались мучениям и надругательствам. Много и сельских крестьянских властей, и даже простых крестьян-белорусов и малороссов запечатлели смертью свою верность царю и России.

Восстание проникло и в губернии, граничившие с царством Польским, — Ковенскую и Гродненскую. Поляки также всячески стремились к тому, чтобы восстание охватило все губернии, когда-то бывшие под властью Польши: французский император Наполеон Третий, поддерживавший польское восстание, говорил, что при восстановлении Польши в нее будут включены все те местности, где была пролита кровь. Поэтому мятежные шайки появились даже в местах, сплошь занятых русским населением, к великому его изумлению: в окрестностях Киева, в восточной части Волынской губернии, в Могилевской и Витебской губерниях.

Мятежники надеялись, что за них заступятся западноевропейские государства. Особенно они рассчитывали на Наполеона. Они, действительно, не ошиблись. Несколько иностранных держав, руководимых Францией и Англией, сделали через своих послов в Петербурге нашему министру иностранных дел князю Горчакову заявления, клонившиеся к заступничеству за Польшу. Это действие держав являлось неуместным и в высшей степени оскорбительным вмешательством в наши внутренние дела. Оно вызвало сильнейшее негодование в русском народе.

Известный писатель Катков в газете «Московские Ведомости» своими патриотическими статьями как нельзя более ответил всеобщему воодушевлению. К подножию царского трона со всех мест России и от всех сословий русского народа потекли многочисленные выражения беспредельной преданности государю и готовности жертвовать всем, если понадобится, за честь и достоинство Родины. Особенно горячо отозвалась первопрестольная Москва: здесь верноподданнические заявления были поданы государю от дворянства, от городской думы, от университета, от старообрядцев Рогожского кладбища, от старообрядцев-беспоповцев Преображенского кладбища и, наконец, от бывших крепостных крестьян Московской губернии.

Крестьяне выражали готовность идти в огонь и в воду за царя-освободителя, а старообрядцы писали: «Мы храним свой обряд, но мы Твои верные подданные. Мы всегда повиновались властям предрежащим, но Тебе, царь-освободитель, мы преданы сердцем нашим. В новизнах Твоего царствования нам старина наша слышится». Такое всеобщее патриотическое одушевление и готовность, если понадобится, нести тягости войны, укрепляло, конечно, русское правительство при переговорах с западноевропейскими державами. Князь Горчаков ответил иностранным правительствам, что Россия, сама не вмешиваясь во внутренние дела других государств, ни в каком случае не потерпит вмешательства их и в свои внутренние дела. Из-за Польши западные державы воевать, разумеется, не стали, и заступничество их за нее окончилось ничем.

Для подавления же мятежа были приняты решительные меры. В Варшаву был послан наместником граф Берг, а в Вильну генерал-губернатором шести северо-западных губерний — генерал Муравьев. Действовали они быстро и решительно, особенно же Муравьев. Он знал, что чем суровее возьмется за подавление мятежа, тем скорее и с меньшим числом жертв его подавит. Прежде всего он обложил большими военными налогами имения польских помещиков, рассуждая, что раз они давали деньги на мятеж, то должны предоставить средства и на его усмирение. У тех же польских помещиков, которые были более замечены в поддержке мятежа, были отбираемы имения в казну. Таким образом, мятеж лишился тех денежных средств, которые его поддерживали. Шайки повстанцев Муравьев преследовал без устали, и вскоре все они были переловлены.

К участию в подавлении восстания Муравьев призвал верное царю крестьянство; крестьяне с приездом в Вильну Муравьева сами стали представлять начальству пойманных ими повстанцев. Муравьев не так строго относился к простым повстанцам, как к мятежникам из высшего сословия — дворянам и ксендзам. Он казнил несколько знатных панов, а также несколько ксендзов, взятых с оружием в руках или подстрекавших свою паству к мятежу. Всем этим Муравьев навел страх и в несколько месяцев подавил мятеж, чем и доказал правильность усвоенного им плана действий. В губерниях царства Польского подавление восстания несколько затянулось: там вообще оно было сильнее. Но в 1864 году и Берг окончательно справился с ним.

После подавления восстания решено было губернии привислинского края во всем сблизить с прочими местностями империи. Во всех десяти губерниях этого края были введены правительственные, судебные и другие учреждения, какие существуют в коренных губерниях, с делопроизводством на русском языке. Русские учебные заведения заменили собой польские. Вместе с тем было обращено особенное внимание на крестьянское население. Еще до подавления восстания государь привлек к этому делу упомянутых выше Милютина и князя Черкасского, много потрудившихся в великом деле 19 февраля 1861 года. Государь поручил им отправиться в привислинский край, присмотреться к жизни тамошних крестьян и потом доложить ему, что следовало бы сделать для улучшения их тяжелого положения. Милютин с князем Черкасским объехали край и по возвращении в Петербург доложили государю, что положение польских крестьян ужасное и что для улучшения их быта всего лучше применить и к ним закон 19 февраля 1861 года. Государь вполне с этим согласился, и 19 февраля 1864 года польские крестьяне получили те блага, которые раньше дарованы были русским крестьянам. Польским крестьянам дано было и самоуправление, вроде нашего волостного, называющееся у них тминным (гмина то же, что волость). Осуществлено все это дело было под руководством тех же Милютина и Черкасского.

Царь-освободитель вспомнил и о русском населении Холмского края, входившего в состав царства Польского. Когда в 1839 году униаты всей западной Руси воссоединялись с православной церковью, холмские униаты отстранены были от воссоединения на том основании, что они жили в пределах царства Польского. Униатами они дожили и до польского восстания, в котором никакого участия, конечно, не приняли. Государь обратил теперь на них внимание. Милютин и

Черкасский позаботились о наделении их землей. По их же почину были открыты и первые русские училища в Холмщине. Под влиянием этих мер у холмских униатов прояснилось русское сознание. Многие из них захотели бросить и самую унию. В 1875 году произошло воссоединение с православной церковью последних униатов в России — холмских.

Важное государственное значение имели те меры, которые были проведены Муравьевым в северо-западных губерниях; эти меры, по воле государя, были распространены и на юго-западный край. Муравьев хорошо понимал, что недостаточно подавить восстание вооруженной рукой, что надо сделать так, чтобы оно навсегда стало невозможным. Он видел, что поляки составляют в западных губерниях лишь ничтожное меньшинство, что большинство жителей в них (кроме Ковенской губернии, населенной литовцами) состоит из православных малороссов и белорусов, что и в числе католиков этих губерний немало русских (особенно белорусов). Только вековая зависимость этих русских крестьян от поляков-помещиков и евреев-арендаторов, только вековой польский и еврейский гнет сделали их робкими и забытыми. Для Муравьева было ясно, что нужно во что бы то ни стало поднять русское народное сознание в этих загнанных русских крестьянах.

Когда Муравьев ближе ознакомился с условиями жизни крестьян северо-западного края, то он увидел, что Положение 19 февраля 1861 года почти не изменило их тяжелого состояния. Многие польские помещики, ввиду ожидавшегося освобождения крестьян, заблаговременно заменили находившиеся в пользовании крестьян земли худшими, которые потом и достались им в надел. Много крестьян и совсем было обезземелено. Это положение было закреплено и уставными грамотами, составленными мировыми посредниками-поляками.

Муравьев распорядился закрыть мировые посреднические учреждения и взамен их образовал из русских чиновников особые поверочные комиссии, которым и поручил пересмотреть уставные грамоты: возвратить крестьянам отобранные у них земли, наделить землей обезземеленных крестьян, оценить крестьянские надельные участки по действительной их стоимости. Только теперь, благодаря Муравьеву, крестьяне западного края почувствовали великое благодеяние, оказанное крестьянству царем-освободителем 19 февраля 1861 года.

Устроив хозяйственное благополучие западнорусских крестьян, Муравьев обратился к другим заботам о них. Еще при его предместнике были открываемы для крестьян народные училища, в которых за недостатком учителей учило по преимуществу местное православное духовенство, часто в своих домах. Муравьев исходатайствовал деньги и на постройку зданий для школ, и на жалованье учителям. Для подготовки преподавателей открыта была в местечке Молодечне (Виленской губернии) первая в России учительская семинария. Деятельным помощником Муравьева в устройстве русских народных училищ был попечитель Виленского учебного округа Корнилов. Они обратили внимание и на другие школы западного края: заменили польских учителей в них русскими, ввели в них русский дух. Муравьев удалил и из всех правительственных учреждений чиновников-поляков, заменив их русскими. Очень много он сделал и для православия в западном крае: вместо ветхих и убогих деревянных церквей во многих приходах — городских и сельских — были устроены на испрошенные им деньги прекрасные каменные храмы: древние храмы и монастыри западного края, лежавшие в развалинах или находившиеся в запущенном виде, были восстановлены в должном величии. Наконец, Муравьев счел нужным принять меры к тому, чтобы пространство земель, находившихся во владении польских помещиков в западном крае, не увеличивалось, а русское землевладение возрастало.

Не долго продолжалась в северо-западном крае деятельность Муравьева, возведенного государем в награду за его заслуги в графское достоинство, — всего лишь два года: но она оставила после себя великий след. Теперь уже никто не скажет, что северо-западный край — польский: благодаря твердости и мудрым заботам графа Муравьева-Виленского, посланного для усмирения западного края лично императором Александром Вторым, по непосредственному его

избранию, весь русский народ этого края воспрянул, ободрился, окреп и получил возможность беспрепятственно развивать свою исконную русскую мощь.

Земство, новый суд и всеобщая воинская повинность

Польская смута не остановила императора Александра Николаевича в деле государственного устройства. Через три года после освобождения крестьян в 1864 году было создано земство.

Освобождение от крепостной зависимости крестьян совершенно меняло уклад нашей местной жизни. Вместе с тем расширились и усложнились многие потребности ее. Для удовлетворения этих потребностей, для ведения земского хозяйства на местах нужны были особые учреждения.

Уже в начале 1859 года государь образовал особую комиссию, которой поручил выработать проект устройства этих учреждений. При этом в руководство комиссии государь преуказал: «Необходимо предоставить хозяйственному управлению в уезде большее единство, большую самостоятельность и большее доверие». На это обращение государя к местным людям за содействием дворянство многих губерний откликнулось живейшим образом, причем просило призвать к участию в будущих земских учреждениях людей всех сословий. Об устройстве земских учреждений ходатайствовали и выборные от губернских комитетов, вызванные тогда в Петербург для обсуждения крестьянской реформы. Они указывали на то, что ведение местного хозяйства одними правительственными чиновниками, без участия земских людей, не принесет добрых плодов.

Поручив разработку этого дела особому вниманию нового министра внутренних дел Валуева, государь следил сам за тем, чтобы оно шло без проволочки, и даже на одном докладе, представленном Валуевым, написал: «Требую, чтобы дело это непременно было окончено до 1 января 1864 г.» Воля государя была исполнена: 1 января 1864 года было высочайше утверждено Положение о земских учреждениях.

По этому Положению лицам всех сословий, владеющим в пределах уездов известным земельным или иным имуществом, а также сельским крестьянским обществам предоставлялось право участия в делах хозяйственного управления через выборных-гласных, составлявших уездные и губернские земские собрания. Для непосредственного же ведения разных отраслей земского хозяйства были созданы земские управы — уездные и губернские. Отныне к земству перешло попечение о главнейших местных нуждах — о дорогах, о продовольствии населения, о народном образовании, оказании врачебной помощи населению. Для осуществления всего этого необходимы были денежные средства, поэтому земству предоставлено было устанавливать особые земские сборы.

В земских учреждениях наиболее видное место заняло дворянство, что и понятно: дворянство было сословием наиболее образованным и подготовленным к самоуправлению. Земскими учреждениями сделано было много для улучшения условий местной жизни. Особое значение имеет открытие ими большого числа школ, больниц и улучшение местных путей сообщения.

Деятельность земств по оказанию врачебной помощи крестьянскому населению обратила на себя милостивое внимание государя императора, который и объявил в 1877 году многим земствам за нее свою благодарность.

Земство вводилось постепенно. Прежде всего земские учреждения были открыты в Самарской губернии — в феврале 1865 года. В том же году эти учреждения были введены в 17 губерниях. К концу же царствования императора Александра Второго земство было уже в 33 губерниях Европейской России.

Через несколько лет после учреждения земств и городское население получило право широкого самоуправления в делах городского хозяйства. В 1870 году государем утверждено было Городское положение, в силу которого городские думы, образованные из гласных, и избранные этими думами для непосредственного ведения дел городские управы стали ведать в городе все те дела, которые в уезде ведали земские собрания и управы. Участие в выборах гласных городских дум было предоставлено лицам всех сословий, имеющим в городе землю или дом или же занимающимся каким-нибудь торговым делом.

Предоставление вновь вызванным к жизни земским и городским учреждениям забот об удовлетворении нужд их местной жизни было в высокой степени целесообразно. Оно передавало эти заботы в руки лиц, наиболее заинтересованных в лучшем и полном их удовлетворении.

Введение земских учреждений и расширение городского самоуправления, кроме того, развивали в населении самостоятельность, и из рядов земских и городских деятелей вышло немало лиц, прославивших себя потом и в области деятельности общегосударственной.

Другим чрезвычайно важным делом императора Александра Второго было преобразование строя судебных установлений и введение усовершенствованных порядков судопроизводства гражданского и уголовного. Судебная часть у нас имела крупные недостатки. Старый суд был суд негласный, дела в нем вершились путем переписки, обвиняемые часто даже не призывались в суд, расследование преступлений производила полиция не всегда умело, а иногда и не беспристрастно. Дела тянулись долго, судебная волокита была большой тягостью населению. Негласное ведение дел давало возможность проявлению неправды.

Уже император Николай Павлович видел недостатки тогдашнего суда и думал об их исправлении. При нем были приняты меры, облегчившие осуществленную при императоре Александре Втором судебную реформу.

По вступлении на престол государь обратился к этому государственному делу и уже в 1856 году в одном из манифестов выразил основное начало, которому должен отвечать новый суд: «да царствуют в нем правда и милость».

В 1861 году государь учредил при государственной канцелярии особое совещание для разработки главных начал преобразования судебной части. Этому совещанию, составленному из лучших русских законоведов, он повелел ознакомиться с устройством суда во всех других государствах и сообразить те улучшения, которые должны быть введены в русские судебные установления.

Совещание исполнило возложенное на него поручение уже осенью 1862 года. Главнейшие начала предпринимаемого преобразования суда, по обсуждении их Государственным советом, удостоились высочайшего утверждения и были обнародованы во всеобщее сведение. Суд решено было сделать вполне самостоятельным и независимым, свободным от каких-либо влияний. Для менее важных дел намечалось устройство мировых судов, близких к населению; для прочих же дел учреждались окружные суды, в которых по важнейшим уголовным делам вводилось участие присяжных заседателей, выбираемых от населения.

И в мировых, и в общих судах намечалось по две инстанции: в первых — мировой судья и мировой съезд, во вторых — окружной суд и судебная палата. Для высшего наблюдения за судебными местами и для пересмотра решений их, в случае нарушения форм судопроизводства и неправильного применения законов, предусмотрено образовать в составе правительствующего сената два кассационных департамента — гражданский и уголовный. Указана необходимость полного уравнивания тяжущихся сторон на суде и устного состязания их между собой на суде. Допускалась широкая свобода защиты. Устанавливалась гласность судебных заседаний. Для расследования преступлений предварительно направления их в суд учреждались судебные следователи.

Утвердив главные начала преобразования суда, государь учредил затем из опытных лиц особую комиссию, которой поручил выработать соответствующие этому законы. В течение года комиссия выполнила возложенное на нее дело, и 20 ноября 1864 года государь уже утвердил новые «Судебные Уставы», долженствующие дать суд скорый, правый, милостивый и равный для всех.

Много таланта и знания вложено в эти «Уставы». Устроенный императором Александром Николаевичем новый русский суд сравнился по своим достоинствам с наиболее совершенной постановкой судебного дела в Западной Европе.

Надежды, которые возлагались на новый строй русского суда, оправдались. Старая судебная волокита прекратилась. В судебных решениях голос совести судьи получил подобающее значение. В судебных делах не стало тайны, выгодной для тех, кто стремился к неправде.

Кроме введения земства и новых судов царствование императора Александра Второго ознаменовано еще преобразованием нашей армии. В самом начале царствования государь сократил прежнюю 25-летнюю солдатскую службу до 15 лет и отменил телесные наказания в войсках. Важнейшим нововведением его в этой области был указ 1 января 1874 года об установлении всеобщей воинской повинности. Уже свыше ста лет высшие сословия в государстве были освобождены от обязательной военной службы. Вся тяжесть ее лежала на податных сословиях, с которых производили в известные сроки наборы рекрутов. Забранные, как тогда говорилось, в рекруты отрывались от семьи на многие годы и возвращались в родную деревню уже немолодыми.

Правда, для храброго и толкового солдата всегда представлялась возможность дослужиться до офицерского чина; дед Скобелева — знаменитого «белого генерала», — взятый рекрутом из простых крепостных крестьян, достиг генеральского чина. Но все же в рекрутской повинности старого времени была несправедливость. При императоре Александре Втором созрела мысль уравнивать всех в деле несения военной службы.

В манифесте о введении всеобщей воинской повинности говорилось, что «дело защиты отечества есть общее дело народа и священная обязанность каждого русского подданного».

К отбыванию воинской повинности с 1874 года стали ежегодно призываться все молодые люди, достигшие 21 года, к какому бы званию они ни принадлежали; из них и бралось необходимое в каждом году число новобранцев. В законе были предусмотрены справедливые льготы для некоторых разрядов лиц; так, освобождались от службы по семейному положению, сокращен срок службы для лиц, получивших образование, некоторые же, как например учителя, и вовсе освобождены от нее.

Образование и просвещение были предметом особенных забот императора Александра Николаевича. Число учебных заведений — гражданских, военных и духовных — увеличилось,

причем они получили и новое улучшенное устройство. В Сибири открыто первое высшее учебное заведение (университет в Томске). Очень заботился государь о распространении низшего образования в городах и селах. Уездные училища в большей части городов преобразованы были в городские училища. При учреждении земств им в обязанность вменена забота о заведении начальных сельских школ. Земства охотно занялись этим, и число школ стало значительно увеличиваться. В тех губерниях, где не было земства, заботы о сельских школах приняло на себя правительство. Для обеспечения городских и сельских училищ подготовленными учителями открыты были учительские семинарии и институты. Император Александр Второй по справедливости должен быть назван создателем сельской школы. Наконец, государь и императрица Мария Александровна способствовали более широкому распространению женского образования. При начальных училищах в городах были устроены отделения для девочек. В городах же открыты были женские гимназии и прогимназии для приходящих учениц в отличие от закрытых заведений — институтов, где воспитанницы должны были проживать в самом заведении. В конце царствования открыт был женщинам доступ и к высшему медицинскому образованию.

В заключение следует упомянуть, что за 26-летнее царствование императора Александра Второго Россия ушла вперед по пути торгового и промышленного развития. Улучшились и пути сообщения: при вступлении государя на престол железных дорог в России не было и одной тысячи верст, а к концу его царствования протяжение их составило около двадцати тысяч верст. Ценно то, что увеличившееся число учебных заведений дало возможность вести и развивать промышленность в России при помощи русских техников и инженеров. Постройка железных дорог равным образом совершилась преимущественно русскими инженерами.

Замирение Кавказа

Парижский мир 1856 года ослабил силы и значение России на Черном море, но наша нелегкая борьба с горцами продолжалась с успехом. Это борьба, тянувшаяся без перерыва уже свыше полувека, становилась чем дальше, тем труднее. Вначале горцы действовали порознь, защищая лишь свою разбойничью вольность. Но позже, во времена императора Николая Павловича, в горах появились проповедники священной войны, призывавшие горцев сплотиться для борьбы с русскими; их страстная проповедь разожгла среди мусульман-горцев невиданное дотоле одушевление, изуверскую ненависть к христианам. Особенно опасно для нас было это движение в восточной половине Кавказских гор: жители этих областей (Чечни и Дагестана) и прежде выделялись среди других горских племен дикой храбростью. В горах Дагестана появился необыкновенный по дарованиям и силе духа человек, величавший себя пророком. Это был знаменитый Шамиль. Никто из горцев не мог сравниться с ним в силе и ловкости. Он не знал ни усталости, ни болезни. Спокойно, точно гуляя, разъезжал он под градом пуль и снарядов, сыпавшихся на него. Не только простодушные горцы, но даже русские солдаты считали его волшебником, заговоренным от пули и ядра. В то же время Шамиль отличался строгим благочестием, редким знанием священных книг и законов своей веры. Его красноречие производило потрясающее впечатление на толпу, которая точно пьянела от его страстных речей и с диким одушевлением шла за ним, хотя бы на верную смерть.

Вольнолюбивые горцы, не привыкшие никому подчинять свою дикую волю, сами в порыве одушевления становились под власть этого удивительного человека, которого они суеверно признавали пророком, добровольно сносили его строгое, а иногда и жестокое управление. Скоро вся Чечня и Дагестан признали над собой власть Шамиля, и русским пришлось иметь дело уже не с раздробленными шайками разбойников, а с целым народом, действовавшим сплоченно и дружно. Всякий поход русских в горы вызывал движение во всех окрестных аулах, и отряд бывал окружен множеством невидимых врагов, осыпавших его градом пуль с каждого дерева, из-за каждого камня. Огромные скопища горцев, ослепленных сильным одушевлением, не знавших

страха смерти, обрушивались на отдельные русские укрепления, орлиными гнездами раскиданные в горах. Нередко и удавалось им раздавить сопротивление горсти солдат, защищавших эти маленькие укрепления. Спокойное и стойкое мужество русского солдата не уступало, однако, одушевлению горцев. Если у отряда не хватало силы защитить вверенный ему пост, последние защитники бросали огонь в пороховой погреб, и полуразрушенное укрепление взлетало на воздух, хороня под обломками и стойких защитников, и ворвавшихся в него врагов.

С появлением Шамиля и началом священной войны натиск горцев настолько усилился, что от их набегов небезопасны стали даже области, лежавшие за Кавказской линией. Ставропольская губерния, бывшая при Александре Первом уже спокойным русским краем, стала теперь местом военных действий. Сам Ставрополь превратился как бы в военный лагерь, а мирные жители не смели выйти из города без сильной военной стражи.

В это время император Николай Павлович, желая лично ознакомиться с положением дел, решил сам побывать на Кавказе. Он прибыл Черным морем, высадился в Геленджике (ныне Черноморской губернии) и отсюда, через неумиренные еще горные области западного Кавказа, проехал в Грузию и по Военно-Грузинской дороге на линию. В Ставрополе в присутствии императора открыта была (1837) первая гимназия и таким образом положено начало русскому просвещению в таком месте, где 50 лет назад была голая степь и кочевали татарские орды. Император, щадя горцев, пробовал склонить их к покорности, обещая мирное управление, разные льготы и вольности. Но горцы в своем изуверстве не желали ничего слушать, и государю пришлось дать приказание продолжать войну. Эта война тянулась без перерыва до конца его царствования. За полвека, протекшее с начала военных действий, вряд ли осталась в России крестьянская хата или дворянская усадьба, которая не послала бы на далекий Кавказ хоть одного борца-солдата или офицера. Не перечислить всех жертв, какие поглотила эта кровавая борьба, не назвать и не припомнить всех великих и трогательных подвигов мужества и самоотвержения, совершенных безвестными и безымянными героями в глухих горных тущобах. Но эти бесчисленные подвиги и жертвы не прошли даром.

С каждым годом наши укрепления продвигались дальше в глубь гор. Дремучие леса ложились под топорами. Укрепленные аулы, гнездившиеся на недоступной высоте каменных скал и утесов, один за другим смирялись и подчинялись русской власти или брались с бою. Вскоре после того как закончилась неудачная для нас Крымская война, на Кавказе были достигнуты крупные успехи. Император Александр Второй, назначив наместником Кавказа и главнокомандующим кавказских войск князя Барятинского, усилил кавказскую армию новыми войсками и повелел ему нанести горцам решительный удар. Целый год прошел в военных приготовлениях. Наконец, летом 1857 года армия под предводительством генерала Евдокимова начала наступать на Чечню. В течение года Чечня окончательно занята была русскими войсками, население ее настолько истощено упорной борьбой, что можно было уже не опасаться с его стороны новых восстаний. В самом Дагестане сопротивление горцев становилось все слабее; видно было, что сила их и твердость духа сломлены. Наконец, в 1859 году весь почти Дагестан признал над собой власть России. Грозная и неприступная разбойничья страна была усеяна русскими укреплениями; лесные тущобы повырублены; в разных местах горы прорезаны удобными дорогами: население могло видеть воочию, что русские уже не уйдут из их гор, что они устраиваются в Дагестане навсегда.

В то же время горцы не без удивления видели, что русская власть не грозит им никакой бедой и что русские не собираются ни истреблять их, как истребляли зачастую друг друга азиатские народы, ни посягать на их мусульманскую веру. Дикий край понемногу успокаивался, привыкал к мирной жизни и отдыхал от долгой борьбы и от тяжелой, суровой власти грозного Шамиля.

А Шамиль между тем, покинутый почти всеми, с небольшим отрядом храбрецов, готовых положить голову за своего пророка, укрепился в ауле Гуниб, стоявшем на огромной труднодоступной скале.

Шамиль перед князем Барятинским

Войска плотным кольцом со всех сторон окружили гору. Прибыл сам главнокомандующий князь Барятинский. Ночью в русском стане забили тревогу, как бы к началу приступа. Горцы, полагая, что русские уже взбираются на гору, открыли в ту сторону непрерывную пальбу, стали скатывать в темноте огромные каменные глыбы, но тревога была ложная, чтобы отвлечь внимание горцев в эту сторону. А между тем с другой стороны, которая по крутизне считалась совершенно неприступной, солдаты в темноте взобрались на вершину горы, и с рассветом горцы увидели перед собой, в нескольких стах шагов от аула целый полк, готовый к приступу.

После короткого колебания Шамиль решил выйти из аула и сдаться (25 августа 1859 года). Громкое "ура" раздалось в рядах, когда мимо проходил пленником грозный Шамиль, 30 лет бывший непримиримым врагом России. Барятинский ласково встретил своего пленника. Государь император, умевший ценить истинное мужество и во враге, также отнесся к бывшему владыке восточного Кавказа приветливо. Шамиль дожил свои дни в почетном плену, в Калуге. Его сыновья взяты были на воспитание в кадетский корпус, а потом вступили на русскую службу. Император Александр Николаевич, подобно своему отцу, счел нужным посетить далекую кавказскую окраину. Он также пробовал личным своим присутствием и переговорами склонить к мирному подчинению непокорившихся еще горцев Западного Кавказа, но эта попытка также не достигла цели. Брат императора великий князь Михаил Николаевич, назначенный вместо князя Барятинского (в конце 1862 года) наместником Кавказа, принужден был продолжать военные действия. Генерал Евдокимов, несколько лет уже ведший войну с горцами Западного Кавказа, особенно в За-кубанском крае, весной 1864 года счастливо ее закончил.

Одни за другими горцы Западного Кавказа покорились русским войскам, и таким образом завершилась беспримерная по трудности и упорству полувекковая борьба. От Черного моря до Каспийского все подчинилось теперь русской власти. И Кавказские горы, и Закавказье прочно слились с Россией и зажили общей с нею мирной жизнью. Император Александр Николаевич, получивши от великого князя-наместника известие об окончательном покорении Кавказа ко дню своего рождения, ответил ему следующей телеграммой: «Лучшего подарка получить не мог. Спасибо от души тебе, Евдокимову и славным нашим войскам».

Завоевания в Средней Азии и на Дальнем Востоке

В то время как заканчивалась война на Кавказе, России пришлось взяться за оружие еще в другом месте своей азиатской границы.

Русские с давних пор стали проникать в киргизскую степь, лежавшую к востоку и северовостоку от Каспийского моря. Уже во время Петра Великого построены были по Иртышу укрепления — Омск и Семипалатинск.

Затем в царствование Анны Иоанновны часть киргизов вступила в подданство России; но другие киргизы продолжали нападать на наши пограничные владения. От них приходилось

защищаться устройством длинных оборонительных линий — от Оренбурга до Омска, Семипалатинска и далее. Только в XIX столетии, в царствование Александра Первого, приняты были меры к более действительному подчинению русской власти всех киргизов. В степях, на удобных местах построены были укрепления, вокруг которых основались русские поселения. Постепенно русская власть распространилась на все громадное пространство, занятое теперь Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями. В царствование императора Николая Первого наши владения подвинулись еще дальше на юг, в глубь Средней Азии. В состав Русской державы вошла почти вся нынешняя Семиреченская область, где в близком уже соседстве с Китаем явилось с течением времени особое Семиреченское казачье войско.

Продвигаясь постепенно к югу, русские, наконец, стали непосредственными соседями кокандского хана, издавна враждовавшего с нами.

Набеги кокандцев на русскую границу и частое разграбление ими русских торговых караванов побудили русских взяться за оружие, чтобы усмирить разбойников. В 1864 и 1865 годах небольшое русское войско под предводительством Черняева, врезавшись в середину кокандских владений, взяло приступом главные кокандские города Туркестан и Ташкент. В последнем было сто тысяч жителей и 30 тысяч войска; город был окружен крепкими стенами общей длиной в 24 версты и вооружен пушками. Ташкент был взят приступом небольшим русским отрядом из 2 тысяч человек с 12 пушками. Этот приступ поразил всю Среднюю Азию ужасом перед войсками Белого царя, как называли азиаты русского императора.

Взятие Ташкента

Вмешательство бухарского эмира в нашу борьбу с кокандским ханом побудило русских военных начальников перевести войну в бухарские владения. Наши войска под предводительством генерала Кауфмана нанесли бухарцам решительное поражение и заняли целый ряд бухарских городов, в том числе и священный их город Самарканд. Бухарский эмир просил мира, и этот мир в 1868 году дарован был ему на следующих условиях: все бухарские города, завоеванные русским оружием, остались за Россией; над остальными же бухарскими владениями эмир сохранил власть, но обязался состоять в повиновении русскому государю. Кроме того, эмир обязался освободить всех невольников и прекратить торговлю людьми. Еще раньше на тех же условиях заключен был мир с кокандским ханом. Из завоеванных тогда кокандских и бухарских владений образовались нынешние области Сыр-Дарьинская (с главным городом Ташкентом) и Самаркандская. Удачная для нас война с Бухарой и выгодный мир с нею и с Кокандом были делом неутомимого генерала Кауфмана.

Немало прославил вскоре затем русское оружие молодецкий поход в Хиву в 1873 году.

Хивинское ханство, небольшое по размеру, со всех сторон было окружено мертвой песчаной пустыней, которая делала Хиву недоступной для вражеского нападения. В сыпучих песках этой пустыни погибло однажды от жажды и от бескормицы целое бухарское войско. Только сами хивинцы и прирожденные жители того края — туркмены — перебежали страшную пустыню на привычных конях или на верблюдах. Набеги и разбои хивинцев и туркмен заставили, наконец, решиться на опасный и трудный поход, чтобы одним ударом усмирить разбойничье гнездо.

Четыре русских отряда, числом по 2 и по 3 тысячи человек каждый, навьючив клад на верблюдов, с разных сторон вступили в пустыню, окружавшую Хивинское ханство. Трудно описать тяготы и лишения, какие пришлось им перенести в этом смелом походе. Наверное, ни одно европейское войско не вынесло бы их. Солнце палило, как огнем обжигая кожу на руках, на

лице и на шее. От страшного зноя трудно было дышать. Раскаленный сыпучий песок сквозь обувь обжигал ноги, в песке вязли пушки, и отряд медленно двигался вперед. Временами поднималась буря: за тучами песка, вздымаемого ветром, ничего нельзя было разглядеть, песок слепил глаза и захватывал дыхание. Запас воды, навьюченный в мехах на верблюдов, скоро иссяк, а колодцы встречались редко — верст на 50-60 один от другого — и были они очень глубокие. Вытащить ведро воды требовало много времени, и отряд подолгу должен был топтаться у колодца. Вдобавок идти приходилось всегда настороже: туркмены, удивительные стрелки и наездники, сжившиеся с этой обстановкой, на диких своих конях кружились все время около отрядов, тревожили их внезапными нападениями. Каждую ночь несколько раз тревога будила и поднимала на ноги солдат, не давая им отдохнуть после утомительного перехода.

Главный из четырех отрядов, шедших под начальством генерала Кауфмана, едва не погиб целиком: он втянулся в самое сердце песчаной пустыни, где не раз погибали караваны, куда даже привычные туркмены избегали заезжать. На десятки верст вокруг не было ничего, кроме сыпучего раскаленного песка. Верблюды падали и околевали десятками — весь путь отряда был усеян их трупами. Солдаты выбивались из сил. С невероятными трудностями, рискуя гибелью всего отряда, русские, наконец, достигли обитаемых местностей; мертвая пустыня была пройдена, впереди начались пространства, где была уже вода и, благодаря ей, растительность и были раскинуты поселения: отряд дошел до Хивинского ханства. С такими же лишениями и трудами добрались до места назначения и другие три отряда. Хивинцы, никогда не выдавшие вражеского войска на своей земле и считавшие себя за песками в безопасности, были поражены ужасом. Хивинское войско, собравшееся было навстречу врагам, разбежалось от нескольких пушечных выстрелов, и русские с торжеством вступили в столицу ханства Хиву. Поход был окончен.

Перепуганный хан покорно принял условия, предписанные ему победителями; он уступил России весь правый берег р. Аму-Дарьи и прилегающие к нему хивинские земли; он обязался настрого запретить своим подданным набеги на русские владения, дать свободный доступ для торговли русским купцам, навсегда отменил в своем государстве рабство и запретил торговлю людьми; самое ханство Хивинское признало над собою покровительство России.

Третье ханство — Кокандское — из-за происходивших в нем внутренних междоусобий и замешательств было включено в состав империи в 1876 году. Молодой генерал Скобелев, отличившийся уже в хивинском походе, быстро усмирил эти замешательства и подавил поднявшееся было восстание части кокандцев против России. Из Ко-кандского ханства была образована новая область — Ферганская.

Немного позже наши владения в Средней Азии раздвинулись еще шире в сторону туркменской степи, лежавшей к западу от Бухарского и Хивинского ханств до самого Каспийского моря. Еще в 1873 году русские овладели южной половиной восточного берега этого моря, тут построено было несколько укреплений, и в том числе Красноводск. Из этих укреплений и решено было вести войну против туркменского племени — ахалтекинцев, не дававших покоя нашим среднеазиатским владениям своими смелыми набегами. В 1879 году предпринят был поход в туркменскую степь. Но он оказался неудачным. Тогда государь Александр Николаевич поручил в следующем году начальство в новом походе генералу Скобелеву, прославившемуся и в войне с турками 1877—1878 годов. Хорошо знавший местные условия, Скобелев сделал заблаговременно все нужные для него заготовки. Война с туркменами была не легче и хивинского похода, но Скобелев предвидел все трудности и смело пошел им навстречу. В октябре 1880 года войска Скобелева выступили из Красноводска, а в конце ноября по пути соединились с вспомогательным русским отрядом, пришедшим из Туркестана; 12 января 1881 года взят был приступом Геок-Тепе, где сосредоточилась вся сила ахалтекинцев. Туркмены смирились и просили о принятии их в подданство России. Это совершилось уже в первые месяцы царствования императора Александра

Третьего. Из туркменских земель и степей, прилегающих к восточному берегу Каспийского моря, образована Закаспийская область (с главным городом Асхабадом).

Пять наших новых среднеазиатских областей (Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Ферганская, Самаркандская и Закаспийская) охватили огромное пространство размером около полутора миллиона квадратных верст.

Водворение русской власти в крае было благодетельным для самого населения присоединенных областей. В них был водворен прочно порядок, заведены правильные суды, школы, дороги, население стало переходить к мирной жизни и стало богатеть. Для России, в свою очередь, завоевания в Средней Азии были весьма ценными.

Плодородие туркестанской почвы — чисто сказочное. Даже бесплодные, пустынные земли превращаются здесь в плодороднейшие нивы, если оросить их водой, отведенной канавами из рек. Такие земли дают богатые урожаи хлопка, идущего на выделку хлопчатобумажных тканей. Богатства Туркестана мало еще использованы, а между тем высчитано, что водой из рек Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи можно оросить несколько миллионов десятин земли. В настоящее время правительство озабочено расширением площади орошаемых земель. Когда будут кончены намеченные работы, среднеазиатские владения России станут настоящим золотым дном.

В царствование первого государя из дома Романовых большие пространства в Восточной Сибири вошли в состав Русского государства — нынешние Енисейская губерния, Якутская область и почти вся Иркутская губерния. При царе Алексее Михайловиче Русской державе принадлежали уже все побережье Охотского моря и крайний северо-восток Сибири до самого Берингова пролива, отделяющего Азию от Америки. На юге Сибири русские тогда же перешли за озеро Байкал и расселились к востоку от него, в тех местах, которые образуют теперь Забайкальскую область. Вскоре затем заняли русские и большой полуостров Камчатку.

С давних пор русское население стало стремиться и в места, примыкающие к левому берегу р. Амура. Окончательно утверждена за Россией эта местность (нынешняя Амурская область) лишь впоследствии, в царствование императора Александра Второго.

Еще при императоре Николае Павловиче генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев заложил недалеко от устья Амура укрепленный пункт Николаевск.

Император Александр Николаевич предоставил Муравьеву войти в переговоры с Китаем относительно разграничения наших владений с китайскими на Амуре. Государь при этом находил необходимым утвердить за Россией весь левый берег Амура. Переговоры с китайцами шли медленно. Тогда Муравьев самолично прибыл в китайский город Айгун и убедил китайского уполномоченного согласиться на все требования России (8 мая 1858 года). Кроме того, он добился согласия китайцев на то, чтобы впредь Уссурийский край (от реки Уссури, правого притока Амура, до Японского моря) был в общем владении России и Китая.

За заслуги Муравьева государь император пожаловал ему графский титул и повелел именоваться впредь Муравьевым-Амурским.

Китайское правительство не сразу утвердило Айгунский договор. Только в 1860 году послу в Китае графу Игнатьеву удалось добиться утверждения его. Игнатьев достиг и большего. Уссурийский край совсем был уступлен России. Это последнее приобретение было очень важно, так как предоставило России длинную береговую полосу Японского моря. На южном конце этой береговой полосы вскоре заложен был важный в военном и торговом отношениях город

Владивосток. Из новоприобретенных владений по берегу Японского моря, с присоединением к ним побережья Охотского моря, образована была новая область — Приморская.

Таким образом в царствование императора Александра Второго Россия твердой ногой стала на берегах Великого океана. Для защиты южной сибирской границы издавна вдоль ее устраивалась казачья охранная линия, явились новые казачьи войска — Сибирское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское. Все эти молодецкие войска несли и несут в Сибири великую службу Отечеству.

Война за освобождение славян

Проведя задуманные великие преобразования во внутренней политике, император Александр Второй быстро вернул России и в делах внешних то положение, какое она занимала среди европейских держав до Крымской войны. Мы видели, что уже в 1863 году Россия чувствовала себя настолько сильной, что смело отказалась подчиниться требованию, предъявленному ей от имени европейских держав в защиту бунтовавшей Польши.

В 1871 году император Александр Второй во время войны Франции с Пруссией уведомил державы, подписавшие Парижский договор 1856 года, что Россия слагает с себя обязательство, принятое после Крымской войны, не иметь на Черном море военного флота, и приступает к постройке военных кораблей.

Не успел, однако, отстроиться наш Черноморский военный флот, как на Балканском полуострове произошли новые столкновения славян с турками, вызвавшие вмешательство России.

Первыми стали волноваться сербы в областях, оставшихся еще под турецким управлением: они стремились отложиться от Турции и соединиться с Сербским и Черногорским княжествами. Летом 1875 года в Боснии и Герцеговине, населенных сербами, вспыхнуло открытое восстание.

Ближайшим поводом к восстанию были нестерпимые притеснения, чинимые турецкими властями. Начались кровавые схватки между сербами и турками. Для усмирения сербов двинуты были турецкие войска. По несчастным Герцеговине и Боснии полилась рекой славянская кровь. Император Александр Второй, движимый чувством жалости к единоплеменникам, обратился к турецкому султану с требованием прекратить резню и облегчить их положение. К сожалению, западные державы не поддержали благородного начинания Русского императора, а напротив, советами своими в Константинополе укрепляли упорство турок.

Сербия и Черногория открыто взяли за оружие и вступили в войну с Турцией за освобождение своих родичей-босняков и герцеговинцев.

Начались волнения и среди болгар. Турки двинули войска на Сербию и Черногорию и стали подавлять волнения болгар с возмутительной жестокостью, вырезывая население целых сел и городов, не щадя ни женщин, ни детей. В одном Филиппопольском округе было перерезано более 12 тысяч человек.

В России судьба братьев-славян, близких нам и по вере, и по языку, вызывала большое сочувствие во всех сословиях. Тысячи добровольцев русских поступали в сербские войска, и начальником всех вооруженных сил Сербии стал русский же, генерал Черняев. Также и денежные пожертвования во множестве стекались со всей России на поддержку войны: во всех церквях производился сбор на нее. Всю Россию охватил один святой порыв — помочь освобождению своих поработанных братьев. Между тем громадная турецкая армия обрушилась на Сербское

княжество. Несмотря на поддержку доблестных русских добровольцев, небольшое сербское войско не могло сдержать страшного натиска, и уже туркам открыт был прямой путь в сербскую столицу — Белград.

Император Александр Второй не допустил разгрома маленькой Сербии. Наш посол в Константинополе граф Игнатъев передал султану 19 октября 1876 года требование государя, чтобы Турция прекратила военные действия против сербов, в противном случае Россия начнет войну. Турция подчинилась, и грозившее Сербии нашествие турецкий войск было остановлено.

Затем начались переговоры России и других держав с Турцией об обеспечении положения православных славян на Балканском полуострове. В этих переговорах прошла вся осень и зима. В действиях западноевропейских держав не было искренности и надлежащей твердости в поддержании справедливых требований России, вследствие чего турки и продолжали проявлять упорство. В России же возрастало сочувствие к несчастным болгарам и сербам. Государь переживал те же чувства, что и русский народ. Видя, что переговоры с турками не обещают успеха, он решился силой оружия достигнуть освобождения балканских славян и объявил 12 апреля 1877 года войну Турции. Русские войска вступили в пределы Румынии и двинулись к Дунаю.

Князь румынский считался, наравне с князем сербским, в подчинении Турции. Желая окончательно освободиться от этого подчинения, Румыния примкнула к России.

Война оказалась для России тяжелой. Державы, враждебные нам, снабдили турок такими ружьями и пушками, которые далеко превосходили вооружение нашей армии. Вступление в пределы Турции было затруднено необходимостью перейти через широкую реку Дунай, защищаемую как сухопутной армией, так и особыми сильными военными судами. Против этих судов выступили наши удалыцы-моряки, которые на небольших паровых катерах предпринимали смелые нападения на неприятеля, причем им удалось несколько турецких судов взорвать с помощью мин. Это навело страх на турок, и действия их судов стали нерешительны, а русские тем временем выбрали место для переправы и с боем перешли Дунай у Систова. Место переправы было укреплено, и армия вступила в пределы Турции.

Главкомандующим в этой войне был великий князь Николай Николаевич (родной брат императора Александра Второго). Одним из отрядов успешно начальствовал наследник цесаревич Александр Александрович, впоследствии император Александр Третий. Сам государь приехал в армию. Он хотел одушевить войска своим присутствием и разделить с ними трудности боевой жизни. Целых семь месяцев, самое тяжелое время войны, император безотлучно пробыл в действующей армии. От лишений и тревог военной жизни его здоровье расстроилось; просьбы врачей не могли заставить его уехать, пока решительный успех не склонился уже явно на нашу сторону. Каждый день государь, несмотря на свое болезненное состояние, обходил лазареты, ласково беседуя с больными и ранеными, желая утешить их.

Болгары повсюду с восторгом приветствовали великодушного царя, явившегося среди них с тем же именем Освободителя, какое дал ему русский народ. Так же восторженно встречали императора и свои солдаты, и союзники-румыны.

Турки оказали очень сильное сопротивление. Несколько раз пришлось призывать из России подкрепления. Была двинута за Дунай и императорская гвардия, заслужившая добрую боевую славу во многих сражениях и трудных переходах. Особенно тяжелы были бои под городом Плевной, а затем осада и взятие его. Сильное турецкое войско под командой лучшего из турецких военачальников Османа-паши защищало плевнинские укрепления упорно и мужественно, и нам пришлось стянуть сюда большие силы и в течение 4 с половиной месяца вести тяжелую осаду по

плану инженерного генерала Тотлебе-на, прославившегося еще при защите Севастополя. Тем временем с юга надвинулись другие турецкие силы. Необходимо было задержать их до тех пор, пока Плевна не будет взята.

Турецкой армии, наступавшей с юга, надо было перейти по дороге хребет Балканских гор. Русские заняли главный перевал на Балканах — Шипку, через который должны были переходить турки. Начальствовавший Шипкинским отрядом генерал Радецкий решил скорее погибнуть, чем отдать вверенный его защите важный пост. С невозмутимым спокойствием, стоя на обледенелых горных высях, заносимых снегом, среди ужасов не прекращавшейся ни на один миг борьбы с многочисленным врагом, Радецкий день за днем доносил главнокомандующему: «На Шипке все спокойно!» Несмотря на нечеловеческие лишения и усталость от бессменной, надрывающей силы борьбы, на большое число замерзших, русский отряд отбил все нападения со страшным уроном для врага.

28 ноября после отчаянного, кровавого боя сдалась Плевна: свыше 40 тысяч турок было взято в плен. Великое торжество радостно отпраздновала вся Россия и весь славянский мир.

Успех теперь явно склонялся на нашу сторону. Восточный Рушукский отряд, которым командовал цесаревич, одержал победу над действовавшей против него турецкой армией. Лихой кавалерийский генерал Гурко еще во время осады Плевны занял своим отрядом другой переход через Балканские горы, разбивши защищавших его турок. Еще до падения Плевны наша кавказская армия, которою командовал младший брат государя великий князь Михаил Николаевич, овладела турецкими крепостями в Малой Азии — Ардаганом, Баязетом и Карсом.

В боях с турками особенно выделился среди военачальников Михаил Дмитриевич Скобелев. Он проявил необычайную храбрость и удивительные военные дарования, доставившие ему громадную славу среди своих и среди врагов. Все солдаты хорошо знали его имя и его молодецкую фигуру — всегда на белом коне, летом в белом кителе: солдаты так и звали его — «белый генерал». Его удивительное умение обращаться с солдатами, быстрота соображения на поле битвы и стремительность грозной атаки напоминали великого Суворова. О Скобелеве, как о Суворове, слагались в войсках восторженные, увлекательные сказания.

После взятия Плевны, несмотря на суровую зиму, наши войска немедленно двинулись на юг. Скобелев зашел с тыла 25-тысячной турецкой армии, осаждавшей Радецкого у Шипки, и, напав на нее одновременно с ним, разбил и взял ее всю в плен. Вслед затем Гурко двинулся к г. Филиппополю, где разбил последнюю турецкую армию. В это время Скобелев стремительно направился дальше на юг, к г. Адрианополью. Все турецкие отряды по пути без боя сдавались «белому генералу», не смея и думать о сопротивлении. 8 января 1878 года Адрианополь был взят.

После взятия Адрианополя Скобелев не стал медлить: 17 января он был уже в виду Константинополя. Приближение русских войск привело султана и его советников в ужас, и он согласился на все предъявленные условия, которые составили предварительный Сан-Стефанский договор.

Война была окончена. Европейские державы снова вступились за разбитую Турцию, настаивая, чтобы Россия смягчила требования, предъявляемые ею для заключения мира, хотя сама Турция уже изъявила согласие на них. России пришлось уступить, чтобы не вызвать, как в 1854 году, войны с союзом европейских держав. Англия уже угрожала войной и ввела сильный флот в Мраморное море; ее примеру готова была последовать Австрия, поддерживаемая Германией. Но все же победоносная война принесла большие выгоды и самой России, и христианским народностям Балканского полуострова, за которых Россия подняла оружие.

Сербия и Румыния признаны были независимыми княжествами и, кроме того, к Сербии прирезано несколько округов, бывших доселе под турецкой властью, а к Румынии присоединена находящаяся по правому берегу нижнего Дуная область Добруджа. Впоследствии князя Сербии и Румынии приняли королевский титул.

Черногория увеличена была новыми земельными владениями, из которых особенно важно было для нее приобретение приморского города Антивари.

Болгары, живущие к северу от Балканских гор, получили свободу: они образовали особое княжество. Хотя оно и обязалось признавать над собой верховную власть Турции, но это подчинение было прозрачным. Болгары получили право избрать князя, иметь войско, устанавливать законы,

Освободив Болгарию от турецкого ига, великодушный император озаботился и установлением внутреннего благоустройства княжества, начатым еще во времена войны князем Черкасским; в Болгарии был оставлен с этой целью уполномоченный князь Дондуков-Корсаков, снискавший у болгар такую любовь, что народное собрание даже хотело его избрать своим князем; но державы, не желавшие видеть на болгарском княжеском престоле русского, помешали этому избранию.

Противодействие некоторых западных держав помешало стремлению России предоставить свободу и независимость всем славянам Балканского полуострова. Болгары, живущие к югу от Балканских гор, не вошли в состав Болгарского княжества. Но все-таки они освобождены были от непосредственного управления турок. Они образовали особую полусвободную область — Восточную Румелию. Турки обязались назначать в нее генерал-губернатора из христиан и притом с согласия держав; жителям ее было предоставлено самоуправление во внутренних делах; они были ограждены от произвола турецких властей и войск. Впоследствии Восточная Румелия соединилась с Болгарией.

Южные болгары не все вошли в состав Восточной Румелии: болгары Адрианопольского округа остались под непосредственной властью турецкого султана. Македония с ее славянским населением, близко родственным болгарам и сербам, осталась также под властью Турции. Наконец, и часть сербов, так называемая Старая Сербия, осталась под турецкой властью. Босния и Герцеговина хотя и отделены были от Турции, но были предоставлены во временное управление Австрии, которая впоследствии совсем включила их в состав своих владений.

Во всех тех христианских областях, которые остались под властью турецкого султана, обещаны были им христианским его подданным свободное исповедание веры и гражданские права. Те же права обеспечены и христианскому духовенству во всех турецких владениях. В Иерусалиме и в других святых местах султан подтвердил обязательство ничего не предпринимать во вред православной церкви.

России война 1877—1878 годов доставила некоторые земельные приобретения. Она в обмен на Добруджу, переданную Румынии, получила южную часть Бессарабии, уступленную Румынии по Парижскому мирному договору 1856 года. В Азии к Закавказью были присоединены города Ардаган, Каре и Батум с их округами. Особенно важно было приобретение батумской крепости и гавани на Черном море. Новоприобретенные земли образовали особую Карскую область.

Не все благие намерения императора в отношении славян балканского полуострова удалось осуществить. Но и то, что было сделано для них, было чрезвычайно важно. Свято чтится у балканских славян благодарная память об императоре Александре Николаевиче: в Софии, столице Болгарии, воздвигнут ему величественный памятник; увековечено также воспоминание о нем во всех тех местах, где он во время войны имел пребывание. Болгары бережно охраняют и

свято чтут все те места, где пролилась за них русская кровь: на братских могилах устроены храмы, часовни, поставлены памятники.

Мученическая кончина царя-освободителя

За все свои великие дела император Александр Николаевич был горячо любим народом: русские люди жили надеждой, что чем дольше продлится для России его славное царствование, тем больше пользы и добра получит Родина. Не так думала горсть внутренних врагов. Не понимая того, что народное благосостояние и улучшение условий жизни достигаются долгой, упорной, а главное — мирной и спокойной работой целого ряда поколений, эта кучка безумных злоумышленников воображала, что можно вдруг создать какой-то рай земной, если будут осуществлены их замыслы, заимствованные у западноевропейских так называемых социалистов и анархистов. Замыслы эти ни в Европе, да и нигде в мире не были осуществлены. Русские революционеры, последователи европейских безумцев, проводили в России те же несбыточные задачи, не разбираясь притом в средствах к их достижению, забывая, что из насилия и злого дела никогда не может выйти добра.

Эти русские революционеры, главари и вдохновители которых по большей части в безопасности проживали за границей, в начале 60-х годов стали настойчиво распространять свои учения в России. Но только среди части увлекающейся и неуравновешенной молодежи, не приобретшей истинных знаний, они нашли себе сторонников. Народ, только что освобожденный от крепостной зависимости, оставался глух ко всем заманчивым картинам, которые рисовали ему в подметных листах (прокламациях).

Чтобы легче добиться доверия, революционеры зачастую переодевались в одежду крестьян и рабочих и в этом виде — волков в овечьей шкуре — проповедовали свои лжеучения. Старались они вызывать бунты и всякие смуты, полагая, что являющееся вместе с тем недовольство может служить лучшей помощью для проникновения в народ их учений. В большинстве случаев народ оставался спокоен и выдавал бунтарей властям. Мало помогала и помощь русским революционерам мятежных полков. Видя малоуспешность своих действий, революционеры решили усугубить свои насилия и злодеяния и направить их на священную особу государя — помазанника Божия.

4 апреля 1866 года, когда император после прогулки садился в коляску у Летнего сада, некто Каракозов выстрелил в него; но находившемуся вблизи костромскому крестьянину Осипу Комиссарову удалось отвести руку злодея, и пуля миновала государя. Народ, узнавший о спасении обожаемого монарха, восторженно его приветствовал.

Это было первое покушение на жизнь императора Александра Николаевича. Революционеры решили путем таких покушений утратить общество и правительство. В следующем году на государя произвел покушение поляк Березовский во время пребывания его в Париже.

Долгие годы Бог хранил своего помазанника. Крамольники стали снова волновать молодежь, распространять прокламации. После русско-турецкой войны возобновились покушения, но все они были неудачны. Революционеры пытались взорвать императорский поезд близ Москвы. В 1880 году им удалось произвести взрыв в Зимнем дворце под императорской столовой, куда через несколько минут должна была пойти царская семья. От взрыва погибло 10 нижних чинов лейб-гвардии Финляндского полка, который в этот день держал во дворце караул. Более 50 человек солдат было ранено, из них многие тяжело. Взрыв был ужасен, но никто из царской семьи не пострадал.

Государь решил сосредоточить власть по борьбе со смутой в руках доверенного лица. Была учреждена чрезвычайная Верховная распорядительная комиссия, во главе которой был поставлен граф Лорис-Меликов, отличившийся во время последней турецкой войны в Азии и в деле прекращения чумы, возникшей в Астраханской губернии. Ему были даны широкие полномочия. Лорис-Меликов задумал бороться с революционерами прежде всего обращением к их совести и чувству. В ответ революционеры произвели покушение на него же. Но он все же не оставлял надежды на достижение успокоения без применения суровых мер. Покушения на некоторое время прекратились, Лорис-Меликов полагал, что настало время приступить к преобразованиям в государственном устройстве, которых желала некоторая часть образованного общества, о которых подавали государю ходатайства некоторые земства. Эти преобразования клонились к призыву выборных людей к участию в обсуждении новых законов. Он получил уже на это согласие государя. Многие были уверены, что революционеры прекратили свои злодеяния. Но это было ошибочно. Они притаились для того, чтобы тем легче поразить свою жертву: намечаемые преобразования не отвечали их желаниям и замыслам.

Злодеи подготовили новое покушение в воскресенье первой недели Великого поста, 1 марта 1881 года, при возвращении государя в Зимний дворец из Михайловского манежа.

Государь не направился сразу из манежа домой, а заехал сначала в Михайловский дворец и уже оттуда в 2 час. 15 мин. дня выехал по набережной Екатерининского канала. Трое злодеев с ручными разрывными снарядами заняли места на пути следования царского экипажа. Один из них бросил снаряд под карету, от этого взрыва государь остался невредим. Он вышел из кареты и подошел к злодею, которого схватил народ. На тревожные вопросы окружающих император сказал: «Слава Богу, я уцелел, но вот...» и при этом он указал на лежавших на мостовой раненых. В эту минуту второй злодей приблизился и бросил под ноги государя свой снаряд; произошел еще более ужасный взрыв. Когда рассеялся дым, то уцелевшие в живых увидели императора, лежащего с раздробленными ногами и всего окровавленного. Государь тихо промолвил: «Холодно, холодно!» Подбежавшему великому князю Михаилу Николаевичу император прошептал: «Поскорей... во дворец... там умереть...» Это были последние слова царственного страдальца. Умиравший, лишившийся сознания государь был привезен во дворец, и в 3 час. 15 мин. сердце его перестало биться. Царь-освободитель стал царем-мучеником.

Всю Россию, как гром, поразила страшная весть: ее государь, так ее любивший и так много принесший ей добра, пал от руки злодеев! Величавый образ царя-освободителя, царя-мученика останется неизгладимым в памяти народа русского во веки веков.

На том месте, где был смертельно ранен император Александр Второй, высится теперь построенный на всенародные пожертвования храм Воскресения Христова.

Император Александр Третий - царь-миротворец

Время до восшествия на престол

Когда прошел первый ужас при известии о мученической кончине царя-освободителя, взоры всего русского народа обратились на того, кто вступил на престол. Вся Россия ждала, что будет делать, как будет править император Александр Третий.

Новый император в дни своего детства и юности не готовился быть государем: он был вторым сыном императора Александра Николаевича. Помыслы его сводились к тому, чтобы всю жизнь

быть верным другом и добрым помощником старшего брата цесаревича Николая Александровича.

Император Александр II (с 1881 по 1894)

Воспитателем к великому князю Александру Александровичу был назначен еще его дедом императором Николаем Первым граф Перовский, храбрый воин и человек строгих нравственных правил. Учителями же великого князя были выдающиеся лица. Русский язык ему преподавал ученый знаток его Грот. Родную историю он изучал у знаменитого русского историка Соловьева, который сумел внушить великому князю большую любовь к родной старине. Наконец, завершением образования явились занятия по русскому законодательству с известным ученым и государственным деятелем Победоносцевым. Рядом с этим общим образованием шло изучение военных наук и военного дела. После окончания образования Александр Александрович вместе со старшим братом совершил продолжительное путешествие по России.

Самая тесная дружба соединяла обоих братьев. Цесаревич много беседовал с братом о делах управления, и всегда прямодушные и разумные взгляды Александра Александровича производили на него впечатление. «У Александра, — говаривал не раз цесаревич Николай, — душа чистая, как хрусталь».

Между тем здоровье цесаревича пошатнулось и стало быстро ухудшаться. Весну 1865 года он проводил на южном берегу Франции. Когда болезнь цесаревича приняла опасный оборот, выехал туда император с великим князем Александром Александровичем. 12 апреля вся царская семья собралась у постели умиравшего цесаревича. Перед самой кончиной он взял руку своей невесты — датской принцессы Дагмары и, вложив ее в руку брата, проговорил: «Оставляю Тебе тяжелые обязанности, славный трон, отца и невесту, которая облегчит Тебе это бремя». Спустя несколько минут цесаревич скончался, и великий князь Александр Александрович стал наследником престола.

Скорбные дни, проведенные им на юге Франции, навсегда остались у него в памяти; он так выразил свои чувства: «Приехать великим князем, а уехать наследником — тяжело, и в особенности лишившись самой верной моей опоры, лучшего друга и любимейшего брата. Но что же делать — это воля Божия».

Тогда же, 12 апреля 1865 года, высочайший манифест объявил России о провозглашении великого князя Александра Александровича наследником-цесаревичем, а через год цесаревич сочетался браком с датской принцессой Дагмарой, ныне здравствующей государыней императрицей Марией Федоровной. После бракосочетания наследник поселился в Аничковом дворце. Здесь, живя просто, он занимался порученными ему делами, стремился ближе и лучше знакомиться с положением России и часто принимал приезжающих в столицу местных деятелей. В 1868 году Россию постиг сильный голод. Во главе комиссии, образованной для оказания помощи пострадавшим, государь поставил цесаревича. Тут ему пришлось познакомиться со множеством сведущих людей из разных мест России и самому проявить кипучую деятельность.

В славную войну с турками в 1877 году цесаревичу выпала самостоятельная и нелегкая задача. Он был поставлен государем во главе Рушукского отряда. Этот отряд должен был отражать турок с востока и защищать этим наши силы, которые в то время осаждали Плевну. Задача, возложенная на цесаревича, была выполнена им блестяще — значительные турецкие силы с успехом были отражаемы войсками, находившимися под его начальством, благодаря чему армия и могла беспрепятственно обложить Плевну и ее взять.

Во время войны ясно обнаружилось, как неблагоприятна для нас слабость морских сил. Для того чтобы получить возможность грозить торговым сообщениям Англии, проявившей тогда враждебность к России, было решено создать легкие быстроходные суда. Цесаревич Александр Александрович с разрешения государя обратился с горячим воззванием к русскому народу о пожертвованиях на подобный флот, и в весьма короткое время были собраны большие деньги. На них были построены суда Добровольного флота.

Отличительными чертами, всегда характеризующими действия цесаревича, являлись разумная твердость, спокойствие и большое трудолюбие. Когда providению было угодно призвать его на престол, он явился, как и его отец в свое время, вполне подготовленным к великому служению России.

Умиротворение государства

В тяжелую и скорбную годину император Александр Третий вступил на прародительский трон. Крамола была распространена по России и не могла не ослаблять ее сил и международного положения. Государю надлежало прежде всего успокоить страну и подавить крамолу. Затем ему предстояло поднять народное благосостояние и укрепить за Россией подобающее место среди великих государств мира.

Успех начинаниям государя обеспечивали твердая его железная воля, искренность и прямота, вера в Россию, ясный взгляд на задачи и цели ее.

Все государство с трепетом ожидало, как государь определит общее направление своего царствования. И в ответ на это 29 апреля с высоты трона раздалось твердое слово. «Посреди великой Нашей скорби, — говорилось в высочайшем манифесте, — глас Божий повелел Нам стать бодро на дело правления, в уповании на Божественный промысел, с верою в силу и истину Самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений». Далее государь призывал всех верных сынов Отечества ободриться и всеми силами содействовать «к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю русскую, к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России ее благодетелем, возлюбленным Его родителем».

Царское слово, мощно прозвучавшее над Россией, как луч света, прорезающий тьму, прояснило сознание многих колебавшихся и смущенных и вызвало внутренние, крепкие силы для противодействия крамоле; призыв же царский к нравственному обновлению нашел живейший отклик повсюду. Все поняли, что время колебаний минуло.

Государственная власть почувствовала себя тверже, и борьба с крамолой пошла успешно. Те местности, в которых особенно развиты были смута и преступная деятельность, были объявлены на положении усиленной и чрезвычайной охраны, предоставляющей властям большие средства и большие полномочия для борьбы с ними. Призыв государя и его высокое доверие воодушевили правительственные и общественные силы и способствовали успокоению земли и ослаблению крамолы.

Для обсуждения предположений о необходимых государственных преобразованиях император Александр Третий считал полезным привлечь и различных местных деятелей.

Министр внутренних дел граф Игнатьев, отличившийся как хороший русский деятель в звании посла в Пекине и Константинополе, пригласил в Петербург в июле 1881 года сведущих лиц из

числа земцев на совещание о понижении крестьянских выкупных платежей. Последствием работ этого совещания явилось чрезвычайно важное для крестьян высочайшее повеление 28 декабря 1881 года о повсеместном понижении выкупных платежей.

Осенью того же года было созвано новое совещание сведущих людей по переселенческому делу и по борьбе с народным пьянством.

Особые условия государственной жизни об эту пору побудили императора Александра Третьего ввести некоторые ограничения в установленном в предшествующее царствование строе земского и городского самоуправления; кроме того, было уменьшено применение выборного начала в мировом суде, в уездах исполнение судейских обязанностей передано вновь учрежденным земским начальникам.

Государь Александр Александрович в своей деятельности был Русским православным царем-самодержцем. Открытое и добродушное лицо его, весь могучий внешний его вид, величественно-спокойная осанка, твердая поступь — все являло в нем древнерусского богатыря. Этим чисто русским чертам внешнего облика императора вполне соответствовал и его русский характер — искренний, бесхитростный, не надменный, твердый в слове, настойчивый в деле. Семейная жизнь государя на всю Русь, в поучение ей, светила ровным, тихим, невозмутимым светом. Добрые древние нравы как бы воскресли на Руси в семье царя-богатыря во всей их полноте и святости.

Император Александр Александрович горячо любил все свое родное: русскую речь, песню, одежду. Русские народные песни при нем вышли из забвения, пронесли по широкому лицу земли Русской, неслись даже за границу, где и привлекли общее внимание.

Государь ставил себе задачей устроить все так, чтобы русский народ на всем обширном протяжении империи был народом-хозяином, чтобы окраины теснее слились с коренной Россией.

Как русский царь Александр Третий был глубоко верующим православным человеком и для православной церкви старался сделать все, что считал для нее нужным и полезным.

Ясно сознавая, что православие составляет основу души нашего народа, император и своим личным примером, и всей своей деятельностью стремился возвести на подобающую высоту православную церковь.

Вслед за вступлением его на престол стала заметно оживляться церковная жизнь: церковные братства стали действовать бодрее и успешнее. Начали возникать общества, ставившие себе задачей устройство духовно-нравственных чтений и беседований и борьбу с пьянством. Вместе с истово совершаемым богослужением в храмах православный люд стал чаще слышать и в храмах, и вне храмов живое слово Христовой истины.

Для возвышения и укрепления православия в царствование императора Александра Третьего основывались вновь или восстанавливались монастыри.

Государь обратил особое внимание на малое число в России, сравнительно с количеством населения, православных храмов, и при нем началось усиленное церковное строительство. Сам царь был большим знатоком русской церковной старины и любил, чтобы церкви строились по древним образцам.

Государь щедро жертвовал из личных средств на постройку новых и восстановление старых церквей. Пример его вызывал пожертвования и со стороны русских людей. За его 13-летнее царствование на казенные средства и на пожертвованные деньги было сооружено до 5000

церквей. Если прикинуть это число к дням его царствования, то придется по одной церкви на каждый день.

Из храмов, построенных за это время, замечательны по своей красоте и внутреннему благолепию: храм Воскресения Христова в Петербурге на месте смертельного поранения царя-мученика, законченный и освященный уже при благополучно ныне царствующем государе императоре Николае Александровиче собор в Риге и величественный храм во имя Святого Равноапостольного князя Владимира в Киеве. Последний весь внутри расписан знаменитейшими русскими художниками, среди которых по справедливости выделяется Васнецов.

Храм Христа Спасителя в Москве

В год коронавания государя торжественно освящен в Москве законченный сооружением храм Христа Спасителя в память избавления России от Наполеонова нашествия. В этом храме величие зодчества, красота внутренней живописи и убранство дивно сочетаются во Славу Христа Спасителя, охранившую Святую Русь от дерзкого завоевателя.

Чрезвычайно важным делом императора Александра Третьего были приходские школы, мысль о воссоздании которых явилась еще в последние годы жизни императора Александра Второго.

Госудаоь желал, чтобы народ через школу воспитывался в духе Христовой веры и преданности православию. Православная церковь искони была воспитательницей и учительницей русского народа; школы при церквях были первыми и долгое время единственными школами на Руси. До половины шестидесятых годов прошлого века почти исключительно священники и прочие члены причта были наставниками в сельских школах.

С первых же дней своего царствования император Александр Александрович был проникнут мыслью о необходимости широкого возрождения церковноприходской школы и ее более прочной постановки.

13 июня 1884 года государем были утверждены «Правила о церковноприходских школах». Утверждая эти правила, государь на докладе о них написал: «Надеюсь, что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле».

Таким образом духовенству православному вверялось государем особенное попечение о народном образовании. Церковноприходские школы стали открываться во многих местах России, часто в самых глухих и отдаленных селениях. Здесь они являлись единственными источниками просвещения для народа. При восшествии на престол императора Александра Третьего у нас было всего около 4000 церковноприходских школ, а в год его кончины их было уже 31000, и в них обучалось более миллиона мальчиков и девочек.

Вместе с числом школ укреплялось постепенно и их положение. Первоначально эти школы основывались на церковные средства, на средства церковных братств и попечительств и отдельных благотворителей. Потом пришла к ним на помощь и государственная казна. Для заведования всеми церковноприходскими школами был образован при Святейшем Синоде особый училищный совет, который издает множество книг, нужных для церковноприходских школ и полезных для народа вообще.

В церковноприходской школе император Александр Третий высоко ценил ее твердый устой — православие и народный дух, что охраняет ее от тлетворного влияния и соблазнов извне. Такое

направление государь желал видеть и в прочих сельских школах, забота о которых всегда была близка его сердцу. К приходскому духовенству, дружно откликнувшемуся на царский призыв к школьной работе, государь относился всегда отечески заботливо. До него приходское духовенство лишь немногих епархий получало содержание от казны. При императоре Александре Третьем был начат отпуск из казны сумм на обеспечение духовенства. Этим распоряжением император положил начало улучшению быта русского приходского духовенства. Когда духовенство приносило благодарность за это распоряжение, он сказал: «Буду вполне рад, когда мне удастся обеспечить все сельское духовенство».

Заботясь о сохранении в народе его исконного православнонародного духа, император Александр Александрович всегда стремился к тому, чтобы русский народ занимал в империи принадлежащее ему первенствующее место.

Держась твердо правила «Россия для русских» и стремясь сплотить окраины наши с коренной Россией, государь не мог не обратить внимание на положение прибалтийского края и Финляндии.

Три губернии прибалтийского края — Лифляндская, Эстляндская и Курляндская — жили обособленной от остальной России жизнью. Местные помещики — немецкие бароны — ревниво охраняли свои старинные права и преимущества. Крестьяне-латыши и эсты в этом краю были в большом угнетении; православные же должны были платить все сборы в пользу лютеранских церквей и духовенства. Русский язык находился в пренебрежении; в казенных учебных заведениях и в судах господствовал язык немецкий. Всему этому император положил конец: русский язык стал обязательным во всех правительственных учреждениях этих трех губерний; облегчено зависимое положение местных крестьян. Затем городу Дерпту было возвращено его старое русское наименование Юрьев, и Дерптский университет был переименован в Юрьевский и преобразован по образцу других русских университетов. Этими мерами было сглажено обособленное положение прибалтийского края.

Финляндия также должна была привлекать внимание государя. Исполнительница она сумела добиться совершенно исключительного положения — она даже пользовалась правом иметь свою монету и держать свои войска. Задорный притом образ действий финляндцев ясно свидетельствовал, что эта окраина пытается совсем обособиться от России. Со стороны императора Александра Третьего такое настроение Финляндии получило должный отпор.

В 1890 году государь в своем рескрипте финляндскому генерал-губернатору указал, что Финляндия состоит в собственности и державном' обладании империи Российской и что необходимы меры для достижения более тесного единения великого княжества с прочими частями Российской державы. Вскоре в Финляндии почтовые учреждения были объединены с русскими и введены общегосударственные почтовые марки. Затем было повелено правительственным учреждениям Финляндии принимать платежи и русской монетой наряду с финляндской; были приняты надлежащие меры по отношению особого финляндского войска, которое впоследствии, при ныне благополучно царствующем государе императоре Николае Александровиче, и совсем упразднено.

В западном крае император Александр Третий продолжал начинания своего родителя по водворению русского землевладения. Когда им был учрежден в империи Государственный дворянский земельный банк, он предоставил право пользоваться кредитом из него в западном крае только русским землевладельцам. Затем, обратив внимание на то, что иностранцы, по преимуществу германские подданные, стали скупать в большом количестве имения у польских помещиков, особенно в пограничной полосе, он воспретил иностранцам приобретать недвижимое имущество в западном крае вне городов и местечек. При устройстве особого крестьянского поземельного банка государь предоставил пользование кредитом из него и всем крестьянам

западного края — русским, полякам и литовцам. Таким образом, большие площади земли в этом крае стали постепенно переходить в крестьянские, по преимуществу русские, руки. Всеми этими мерами западный край теснее сближался с остальной Россией.

Твердое управление императора Александра Третьего повысило благосостояние русского народа. Император застал при вступлении на престол наше денежное хозяйство в тяжелом положении: последствия русско-турецкой войны еще давали о себе знать — государственные расходы превышали доходы. Государь всюду насаждал разумную бережливость, сам подавая к тому пример.

Принятые меры обеспечили необходимое равновесие между государственными доходами и расходами, причем удалось еще и сократить некоторые налоги, падавшие на крестьянское население; между прочим, уничтожена была подушная подать, дававшая государству ежегодно около 60 миллионов; были уменьшены выкупные платежи за крестьянские наделные земли.

О том, как увеличилось за это время народное благосостояние, можно судить по размеру вкладов в государственных сберегательных кассах.

В год вступления на престол государя вкладов в этих кассах было всего 10 миллионов рублей, а в год его смерти их было уже 330 миллионов.

Забота о мире и кончина государя

Достигнутые в царствование императора Александра Третьего внутреннее успокоение, укрепление связи с окраинами и повышение народного благосостояния повели за собой усиление международного значения России. В сознании иностранных государств это значение еще более укреплялось личностью государя, той твердостью и прямоотой, которые он проявлял и в делах внешних. Хотя Россия и не вела за это царствование войн, однако положение ее среди европейских государств было высокое, и с нею все считались.

Только один раз России пришлось обнажить меч для защиты своего достоинства, но это не была собственно война, а только решительный отпор, данный афганцам, грозившим нашим границам.

Столкновение при Кушке произошло по такому поводу. Еще в царствование императора Александра Второго русские владения проникли далеко в глубь Азии. В 1884 же году туркмены Мервского оазиса, лежащего по соседству с нашей Закаспийской областью, добровольно вступили в русское подданство. Англичане стали опасаться приближения русских к их владениям в Индии и начали возбуждать против нас афганского эмира, который и занял своими войсками некоторые Мервские земли.

Тогда начальнику нашего отряда, стоявшего в тех пределах, генералу Комарову было приказано придвинуться к границе. Переговоры, которые начал Комаров с афганцами, не привели ни к чему, и они даже стали строить укрепления, подстрекаемые находившимися с ними английскими офицерами.

Видя это, генерал Комаров, не теряя времени, рано поутру 18 марта 1885 года двинул свои туркестанские батальоны на афганцев, во много раз превосходивших числом наши войска и хорошо вооруженных. Афганцы были разбиты наголову. Потеряв до 1000 человек в этом бое на р. Кушке, они бежали вместе с английскими офицерами, оставив все свои пушки и лагерь победителям.

После этого блестящего дела английские газеты подняли шум, требуя чуть ли не суда над генералом Комаровым. Само английское правительство показывало вид, будто бы оно деятельно готовится к войне с нами. Император Александр Третий проявил твердость и русский дух; он, не смущаясь раздававшимися угрозами, немедленно выразил генералу Комарову свое полное одобрение и пожаловал ему награду за храбрость. Твердость, выказанная государем в этом деле, имела благие последствия. Англия пошумела, но начать военные действия не решилась. Россия же закрепила за собой Мерв и присоединила область к югу от него по течению реки Кушки.

Государь ясно понимал значение железнодорожных путей для укрепления связи коренной России с дальними окраинами, и, несмотря на громадные трудности сооружения железной дороги через песчаные, безводные пустыни, по его повелению была построена Закаспийская железная дорога, соединившая наши среднеазиатские владения, в том числе и Мерв, с берегом Каспийского моря.

Другой чрезвычайно важный железнодорожный путь, задуманный императором и начатый при нем — великая Сибирская железная дорога, — соединил Европейскую Россию с Дальним Востоком, прорезав и оживив всю Сибирь вплоть до Великого океана. Закладку этого великого пути совершил на Дальнем Востоке наследник — цесаревич Николай Александрович.

Заботясь об обеспечении России от внешних осложнений и ради поддержания всеобщего мира, император Александр Третий решил вступить в союз с Францией для того, чтобы противопоставить соединенные силы этих двух государств образовавшемуся в Европе тройственному союзу Германии, Австрии и Италии, недружелюбному как России, так и Франции. Государь своим ясным умом понял, что этого требует польза России и Европы.

Отечественная война была делом не столько французов, сколько тщеславного завоевателя Наполеона. Последовавшее сближение России с Францией было проявлено тем, что летом 1891 года государь вместе с народом сердечно и приветливо встретил французскую эскадру, пришедшую в Кронштадт, а в 1893 году русский флот был торжественно приветствован французами в городе Тулоне. Достижение государем равновесия сил европейских держав, упрочившее мир в Европе, а также глубокий мир, в коем протекало его царствование, побудили благодарный русский народ именовать его царем-миротворцем.

Большие труды и тревоги надорвали силы и здоровье государя. Он уже зимой 1893/1894 года чувствовали себя худо, но крепился и старался не показывать даже вида окружающим, что он болен. Однако весной 1894 года доктора определили у него серьезную болезнь и советовали ему покой. Но царь мало отдыхал, продолжая усиленно работать. Лето 1894 года в Петербурге было сырое и холодное, такая погода еще более усилила болезнь государя.

Но он все же крепился и 7 августа, когда уже болезнь его была в полном разгаре, объезжая войска в Красносельском лагере, сделал более 12 верст. Затем государь пожил недолго на западе России, в Беловежской пуще. Тяжелый недуг развивался, и по совету врачей император переехал в Крым. 21 сентября он прибыл со всей семьей в Ливадию, где ему суждено было прожить всего лишь один месяц.

В то время как силы царственного больного постепенно угасали, вся Россия молилась о сохранении драгоценной его жизни: каждого краткого извещения из Ливадии все ждали с трепетом и сквозь сухие сообщения докторов старались угадать истину. Скорбь народа была всеобща.

Господь даровал государю праведную кончину. В течение последнего месяца болезни он дважды удостоился принятия Святых Тайн — один раз из рук известного всей России и глубоко

Научно-образовательный мультимедиа портал
ею чтимого Кронштадтского протоиерея Иоанна Сергиева, приехавшего нарочно в Ливадию. Отец Иоанн трогательно описал последние дни жизни незабвенного императора.

Наступил роковой день — 20 октября 1894 года. Государь ясно сознавал, что конец его близко. Он беседовал до последней минуты с императрицей и наследником-цесаревичем. В 2 часа 15 минут пополудни праведная душа его обрела вечный покой.

Такова была кончина царя-миротворца и правдолюбца, воплотившего в себе лучшие черты русского народного духа.

Личность покойного императора и его значение правильно выражены в следующих стихах:

В час смуты и борьбы, взойдя под сень престола.
Он руку мощную простер,
И замерла вокруг шумевшая крамола.
Как потухающий костер.
Он понял Руси дух и верил в ее силу,
Любил простор ее и ширь,
Он жил, как Русский Царь, и Он сошел в могилу,
Как истый русский богатырь.

Время с 1894 по юбилейный 1913 год

После кончины императора Александра Третьего на Всероссийский престол вступил ныне благополучно царствующий государь император Николай Александрович, явивший себя продолжателем миролюбивых заветов своего родителя, незабвенного царя-миротворца. Эти заветы вполне отвечали и насущным нуждам России.

Отечество наше широко раскинулось в Европе и Азии, у нас имеется большая площадь малозаселенных и непочатых обработкой земель, богатый запас нетронутых еще ископаемых сокровищ. Использование всего этого для повышения народного благосостояния требует приложения спокойного и мирного труда, знаний и денежных средств. Войны же, вызывая громадные затраты народных сил и требуя много денег, задерживают мирное развитие жизни государств, Россия, вынужденная много воевать, особенно сильно страдала от этой задержки.

Царствование императора Александра Третьего прошло без войн, и Россия за это время получила возможность сосредоточиться на мирной внутренней работе.

Император Николай II (с 1894)

Но и в мирное время государствам приходится содержать многочисленные армии и нести огромные военные расходы, тяжелым бременем лежащие на государственную казну. Расходы эти все увеличиваются ввиду успехов техники, почти ежедневно дающей все новые и новые изобретения в области военного дела. Зачастую государствам приходится обзаводиться новым усовершенствованным вооружением с затратой на это больших денег лишь вследствие того, что одна из соседних держав завела у себя подобные усовершенствования, иначе этот лучше вооруженный сосед может начать войну и наверняка победит хуже вооруженного противника. Насколько велики успехи военной техники, видно из того, что в начале XIX века ружья стреляли — самое большое — на 200 шагов, а пушки — не дальше версты, причем пальба шла медленно; в

наше же время из ружей бьют на 3000 шагов, а большие пушки метают снаряды на 15 и 20 верст; к тому же ружья и пушки теперь скорострельные. Военный корабль, построенный 20 лет тому назад, является теперь совершенно незначительной величиной. Державы наперерыв друг перед другом вынуждены строить все новые и новые корабли, с каждым годом все более огромные, ценой в десятки миллионов рублей каждый, с чудовищными по величине пушками. Нет ничего удивительного, что государства расходуют на содержание армии и флота до половины своих доходов, что не может не задерживать удовлетворения насущных их потребностей.

Государь император Николай Александрович, заботясь о мирном развитии России и других народов и уменьшении военных издержек, которые приходится теперь нести, сделал начин к облегчению этого бремени и поднял голос в пользу того, чтобы государства, по добромому между собой соглашению, ограничили свои военные расходы и вместе с тем решали впредь столкновения и споры между собой не войной, а третейским судом.

Державы согласились на то, чтобы этот вопрос был подвергнут обсуждению в совещании из особо от них уполномоченных лиц, которые и собрались в 1898 году в столице Голландии Гааге. Но взаимное недоверие и тайные замыслы некоторых держав помешали совершиться великому делу, благодетельному для всего человечества. Понятно, что после этого и Россия не могла перед хорошо вооруженными соседями сократить свои войска и не следовать за ними в деле постоянного введения новых, дорого стоящих улучшений боевого вооружения.

В 1904 году на нашу Родину налетела неожиданно военная буря, и с той стороны, с которой ее менее всего ожидали.

Во второй половине прошлого века на Дальнем Востоке вблизи наших границ стало развиваться и крепнуть государство, которое до тех пор было слабым и не внушало никому опасений. Это государство — Япония. Она расположена на нескольких больших островах в Великом океане. По размеру она равняется Франции или Англии и имеет около 60 миллионов жителей. До 60-х годов прошлого века японцы были мало развиты и вели обособленный образ жизни. Но с этого времени они отказались от прежней замкнутости, открыли в свою страну широкий доступ европейцам, сами стали ездить в Европу учиться — и в короткое время усвоили себе знания, какими сильны просвещенные народы, ввели у себя европейские порядки и установления. В Японии быстро развилась промышленность, стали расти города, открылось много школ, были проведены железные дороги.

С особенной жадностью перенимали японцы приемы военного искусства, к которому проявили много склонности. Вскоре их войска, преобразованные по европейским образцам, сравнялись с лучшими армиями; кроме того, они завели военный флот из приобретенных в Европе лучших кораблей. Учась и работая упорно, японцы в некоторых частях военного дела создали такие усовершенствования, что превзошли европейцев, причем держа эти усовершенствования в полной тайне, они хорошо использовали их для усиления своего флота.

Страдая от малоземелья на своих островах, японцы были полны мечтами о приобретении новых земель. В 1894 году они объявили войну соседнему с ними огромному, но слабому в военном деле Китаю и отняли у него несколько островов. Испытав свою военную силу, японцы стали искать случаев к дальнейшему расширению своих владений. Прежде всего взоры их обратились на слабую Корею, расположенную на полуострове того же имени близко к Японским островам. Затем их привлекла к себе и китайская область Маньчжурия, примыкающая к Великому океану. Наконец, японцы зарились и на наш остров Сахалин, южная половина которого до 1875 года принадлежала Японии. С подозрением смотрели они и на то, что Россией был сооружен, по соглашению с Китаем, железнодорожный путь через Маньчжурию, который своей южной ветвью упирался в Порт-Артур, переданный Китаем России по особому договору во временное владение.

Между Россией и Японией несколько раз возникали недоразумения по разным вопросам, но главным образом из-за Кореи. В 1903 году происходили длительные переговоры между правительствами обеих держав: путем их Япония хотела добиться закрепления для нее преобладающего положения в Корее, которое, конечно, должно было являться переходной ступенью к полному подчинению ее Японии. Для России, имеющей большие интересы на Дальнем Востоке, это не могло быть желательным, и потому домогательства Японии встречали с нашей стороны противодействие. Решившись тогда на войну с Россией, Япония стала скрытно подготавливаться к ней и обеспечила себе благожелательное отношение со стороны Англии и Соединенных Штатов Северной Америки. Когда японцы сочли себя достаточно готовыми, они открыли военные действия без объявления войны России, предательским ночным нападением своих миноносцев на наш флот около Порт-Артура (27 января 1904 года), причем надолго вывели из строя наши лучшие суда.

Так началась памятная всем война — тяжелое испытание, посланное нам Богом. Положение Японии в этой войне было несравненно выгоднее нашего. В несколько недель после начала войны на многочисленных военных и торговых судах японцы перевезли на материк свои военные силы. Нам же приходилось подвозить войска за несколько тысяч верст, по однокорейской железной дороге. Несмотря на чрезвычайное напряжение, мы не могли продвинуть сразу большого числа войск, пушек, снарядов и запасов, и только к самому концу войны наши силы сравнялись с силами противника. В битвах японцы имели над нами численный перевес, а в природной храбрости и воинственном духе они не уступали русским.

Гибель 'Варяга'

Самая местность, где разразилась война, — Маньчжурия, населенная родственными японцам племенами, заблаговременно, в течение нескольких лет была изучена ими с военной целью вдоль и поперек: где наши шли ощупью в чужой стране, там японцам ведомы были каждая горка, каждый ручеек, каждая деревушка. Этому особенно содействовали присущая им хитрость и способность к шпионству. К тому же несчастья преследовали в этой войне Россию, лучшие наши военачальники на суше и на море погибли в начале военных действий; так, еще в апреле погиб смелый адмирал Макаров, краса и надежда русского флота; при осаде японцами Порт-Артура был убит генерал Кондратенко, мужество и распорядительность которого больше всего поддерживали крепость. Среди главных русских полководцев не нашлось, на нашу беду, ни одного, подобного Румянцеву, Суворову или Скобелеву, которые и с небольшими силами побеждали многочисленного неприятеля. Обнаружились во время войны также ошибки и недостатки в деле подготовки и снабжения войск необходимыми запасами. Особенно сильно сказались эти ошибки и неустройства во флоте; наши корабли по вооружению оказались слабее японских. Хотя посланная в подмогу эскадра под начальством адмирала Рожест-венского совершила беспримерный в военно-морской истории, в исключительно трудных условиях, переход из Балтийского моря на Дальний Восток вокруг Африки, хотя она и выказала великую силу духа, тем не менее, встреченная превосходно подготовленным и лучше нас вооруженным японским флотом, потерпела тяжкое поражение, столь непривычное для славного русского флота.

Наши солдаты проявили на суше и на море обычные для русских мужество, отвагу и самоотвержение, вызывавшие удивление, похвалу и уважение от японцев, но против стечения гибельных для нас событий и условий несчастной войны оказались бессильны храбрость и подвиги отдельных лиц и отдельных отрядов. Эти обстоятельства, а также возникшее в России внутреннее настроение заставили подумать о прекращении военных действий, которые пришлось вести в столь неблагоприятной для нас обстановке. Так как русская армия была подкреплена прибывшими свежими войсками, которые рвались в бой, то, когда возникли переговоры о мире,

Россия имела возможность выговорить условия мира не очень для нас обременительные. Россия передала Японии Порт-Артур с прилегающим к нему участком железной дороги и уступила южную половину острова Сахалина, ту именно, которая была приобретена Россией от Японии по договору 1875 года. Мир был заключен в Портсмуте осенью 1905 года.

Государь император, соглашаясь на мир, поступил так, как поступил в свое время его дед, император Александр Второй, прекративший крымскую войну, дабы сосредоточиться на неотложных делах внутреннего устройства государства. В первую очередь надлежало успокоить страну, в коей вновь возникло революционное брожение, затихшее после решительных и твердых мер, принятых императором Александром Третьим. Затем предстояло совершить большое государственное дело — привлечь выборных от населения к участию в законодательной деятельности, устранить в организации армии и флота те недочеты и ошибки, которые были обнаружены войной, снабдить армию усовершенствованным вооружением и всем тем, что необходимо для успешных ее действий, и воссоздать боевой флот, отвечающий современным требованиям.

Крамола вновь внесла смуту в русскую жизнь и причинила немало вреда государству. Постепенно развивавшаяся деятельность революционеров проявила себя, наконец, в ряде предательских убийств, жертвами которых пали великий князь Сергей Александрович, дядя государя императора, и несколько высших государственных сановников. И неблагоприятному для нас течению войны с Японией способствовала также предательская деятельность этих врагов Родины: в то время как наша доблестная армия в далекой Маньчжурии проливала свою кровь, крамольники устраивали забастовки на тех заводах и фабриках, которые снабжали армию военными припасами, и затрудняли отправку на войну подкреплений и военных грузов. По окончании войны смута усилилась и стала прорываться в разных местах открытыми бунтами, бессмысленным разорением усадеб и хозяйств землевладельцев. При этом крамольниками совершались возмутительные злодеяния и бесчинства.

Осада Потр-Артура японским флотом

Борьба с проявлениями крамолы и успокоение страны и составили предмет особых забот и напряженной деятельности всех правительственных учреждений и властей. Вместе с тем государь император в манифесте от 18 февраля 1905 года призывал благомыслящих людей всех сословий и состояний соединиться в дружном содействии государю в искоренении крамолы и в разумном противодействии смуте внутренней. Затем в манифесте было пояснено, что лишь при спокойном и бодром состоянии духа населения страны возможно обновить духовную жизнь народа, упрочить его благосостояние и усовершенствовать государственный порядок.

Важнейшей мерой в деле благоустройства государства и явилось привлечение выборных от населения к участию в законодательстве.

Государство Российское созидалось и крепло неразрывным единением царя с народом и народа с царем. Это единение царя и народа — великая нравственная сила, созидавшая Россию в течение веков, отстоявшая ее от всяких бед и напастей, является донныне залогом ее единства, могущества, независимости и целостности, материального благосостояния и развития духовного в настоящем и будущем.

При первых царях из дома Романовых выборные люди созывались нередко на земские соборы и много помогали царю Михаилу Федоровичу в устройстве государства, потрясенного смутой. При Алексее Михайловиче они собирались, но реже. Петру Великому в его преобразованиях

приходилось идти наперекор большинству его подданных, не отдававших еще себе ясного отчета в значении и пользе их. Поэтому он и не созывал выборных, так как не мог ждать помощи себе от них. При императрице Екатерине Второй были созваны выборные для составления нового Уложения. У императора же Александра Благословенного была уже мысль привлечь выборных людей к постоянному содействию в отправлении законодательства. Но и у него, и у его царственных преемников заботы о неотложных государственных делах, и прежде всего об освобождении крестьян от крепостной зависимости, поглощали много внимания. Кроме того, надлежащее осуществление этих намерений встречало затруднение еще в том, что большая часть русского народа была бесправна и находилась в крепостной зависимости; наконец, образование было еще очень слабо распространено среди населения. Император Александр Второй, даровав свободу крепостным, нашел уже возможным поручить выборным людям дворянского, духовного, городского и крестьянского сословий земские, хозяйственные и иные дела на местах. К концу его царствования у него уже созрела мысль призвать выборных от земли и к участию в отправлении законодательства. Осуществить это намерение помешала императору его кончина.

Проведение в русскую жизнь постоянного участия выборных от населения в законодательной работе совершено было ныне благополучно царствующим государем императором Николаем Александровичем. В высочайшем рескрипте 18 февраля 1905 года на имя министра внутренних дел Булыгина было указано, что государь император, продолжая царственное дело венценосных предков своих — собиране и устройство земли Русской — вознамерился привлечь избранных от населения людей к участию в законодательных работах. Далее в рескрипте было сказано, что государи Российские всегда принимали в соображение особые условия обширного Отечества нашего, разноплеменность состава его населения и слабое в некоторых его частях развитие гражданственности. Поэтому они и даровали необходимые, в зависимости от назревших потребностей, преобразования лишь в порядке известной последовательности и с осмотрительностью, обеспечивающей неразрывность крепкой исторической связи с прошлым как залога прочности и устойчивости этих преобразований в будущем.

6 июня того же года, принимая в Петербурге земских деятелей, государь император сказал им: «Моя воля созвать выборных от народа — непреклонна... Пусть установится, как было встарь, единение между царем и всею Русью, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам».

Работы по осуществлению указанной монаршей воли шли ускоренным ходом, и 6 августа 1905 года было уже высочайше утверждено положение об учреждении Государственной думы.

Это положение, однако, не было осуществлено в том именно виде, как оно было утверждено. 17 октября был обнародован манифест, оповещавший население о тех началах, которые будут положены в основу работ по обновлению условий русской жизни. В соответствии с этим манифестом последовало видоизменение полномочий Государственной думы, определенных положением 6 августа, и увеличение числа лиц, пользующихся правом участия в выборах членов думы.

Новое положение обнародовано 11 декабря 1905 года. В нем и в особо изданных в апреле 1906 года основных законах Российской империи русский самодержавный царь даровал своему народу участие, через выбираемых им лиц, в законодательной деятельности. Вместе с этим государь император преобразовал и Государственный совет, призвав в него выборных от духовенства, дворянства, земских учреждений, торговли, промышленности и науки.

Государственная дума первого созыва, начавшая свои занятия в апреле 1906 года, вместо того чтобы сосредоточиться на обсуждении крайне нужных для России новых законов, стала проявлять попытки к вмешательству в дела управления, ведению ее не предоставленные, и

предъявлять требования, имевшие главной целью поддержание смуты в стране. Ввиду этого последовало распоряжение о ее роспуске и производстве новых выборов. Государственная дума второго созыва оказалась не лучше первой. Пришлось и ее распустить. Затем, ввиду выяснившейся необходимости, высочайшим манифестом 3 июня 1907 года было возведено о некоторых изменениях в правилах избрания в члены думы.

Государственная дума третьего созыва оказалась в большинстве ее членов сознающей свой долг перед государем, и своей работой по мере сил и знаний содействовала обновлению и улучшению многих сторон государственной жизни. Дума проработала все пять лет назначенного для нее законом срока деятельности.

Так создалось обновление строя нашего законодательства; ход его хотя и был нелегок, но волей государя императора преобразование это окончательно утвердилось.

Завершилась давнишняя мысль Русских монархов о привлечении к участию в законодательной деятельности выборных от населения: создана Государственная дума, преобразован Государственный совет. Вместе с этим объединена деятельность главных начальников ведомств в совете министров под председательством назначенного государем императором лица.

* * *

Вступая ныне в четвертое столетие жизни России под скипетром государей из дома Романовых, естественно окинуть беглым взором пережитое нашей Родиной за минувшее трехсотлетие.

Неволью душа проникается беспредельной благодарностью к Божественному провидению, благословившему нашу Святую Русь, помогшему ей выйти из тяжелых невзгод и испытаний окрепшей и обновленной, готовой с Божией помощью бодро идти вперед по пути дальнейшего своего развития и преуспеяния.

Перед 1613 годом Московское царство было истерзано внутренней смутой, нашествием внешних врагов; в самом сердце его — в Москве владычествовали поляки, была принесена даже присяга польскому королевичу.

Но по кличу нескольких крепких духом русских людей воспрянула Русская земля, сбросила с себя путы, наложенные на нее врагами, выбрала себе царем юного Михаила Федоровича Романова, объединилась около него и под державной властью его и его преемников стала крепнуть, шириться, совершенствоваться.

Много труда и забот, много одухотворенной мысли вложили Российские венценосцы в дело принятого ими на себя служения Родине. Велики были и тяготы, которые нес русский народ, устраивая свое государство. И Бог благословил их труды. Ныне империя Всероссийская широко раскинулась в Европе и Азии, занимая в общем шестую часть суши всего земного шара и заключая в себе 160 миллионов населения. Еще более великое будущее ждет в дальнейшем нашу Родину, когда она, крепкая верой Христовой и русским народным духом, укрепленная просвещением, проникнувшим во все слои населения, широко разовьет свои могучие силы.

В прошлом наибольшие труды в создании Русской государственности выпали на долю главной отрасли русского народа — великоросов. Освободив малороссов и белорусов от польской зависимости и соединившись с ними, они преодолели враждебные племена, опустошавшие своими набегами наши южные и восточные окраины, завоевали плодородные южные степи,

Научно-образовательный мультимедиа портал
необъятные равнины Сибири и Средней Азии, простерли Российские пределы до берегов Балтийского, Черного и Каспийского морей и Великого океана.

Немало различных народностей и племен входит теперь в состав державы Российской; под ее мощной охраной все они имеют возможность, сохраняя свою веру и особенности, жить мирно и плодотворно работать на пользу свою и общего Отечества.

И в грядущие века сила государства Российского, как и встарь, будет корениться в вере в Бога, в самоотверженной любви к Родине, в готовности жизнь свою положить за нее и в беззаветной преданности своим государям, которые все свои думы и заботы отдают на служение России. Каждый из них имеет право сказать о себе, как сказал Великий преобразователь России: «О Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россия в благоденствии и славе».

Теперь, когда по воле государя императора Николая Александровича в деле государственного служения установилась еще большая связь между царем и народом, благодаря участию выборных от населения в законодательной работе на благо Родине, уместно вспомнить слова, сказанные однажды государем императором этим выборным: «Трудная и сложная работа предстоит вам. Верю, что любовь к Родине, горячее желание послужить ей воодушевят и сплотят вас... Бог в помощь Мне и вам».

Этой горячей верой в помощь Всевышнего, молитвой к нему о том, чтобы империя Всероссийская всегда была достойна Божиих милостей, мы и закончим наш обзор событий, пережитых Россией за время трехсотлетия царствования дома Романовых.